

Пол
СТЮАРТ
Крис
РИДДЕЛ

ВОЛЬНАЯ
ПУСТОШЬ

Пол Стюарт • Крис Риддел

ВОЛЬНАЯ ПУСТОШЬ

ВОЗДУШНЫЕ ПИРАТЫ

ВОЗДУШНЫЕ ПИРАТЫ

Пол
СТЮАРТ
Крис
РИДДЕЛ

ВОЛЬНАЯ
ПУСТОШЬ

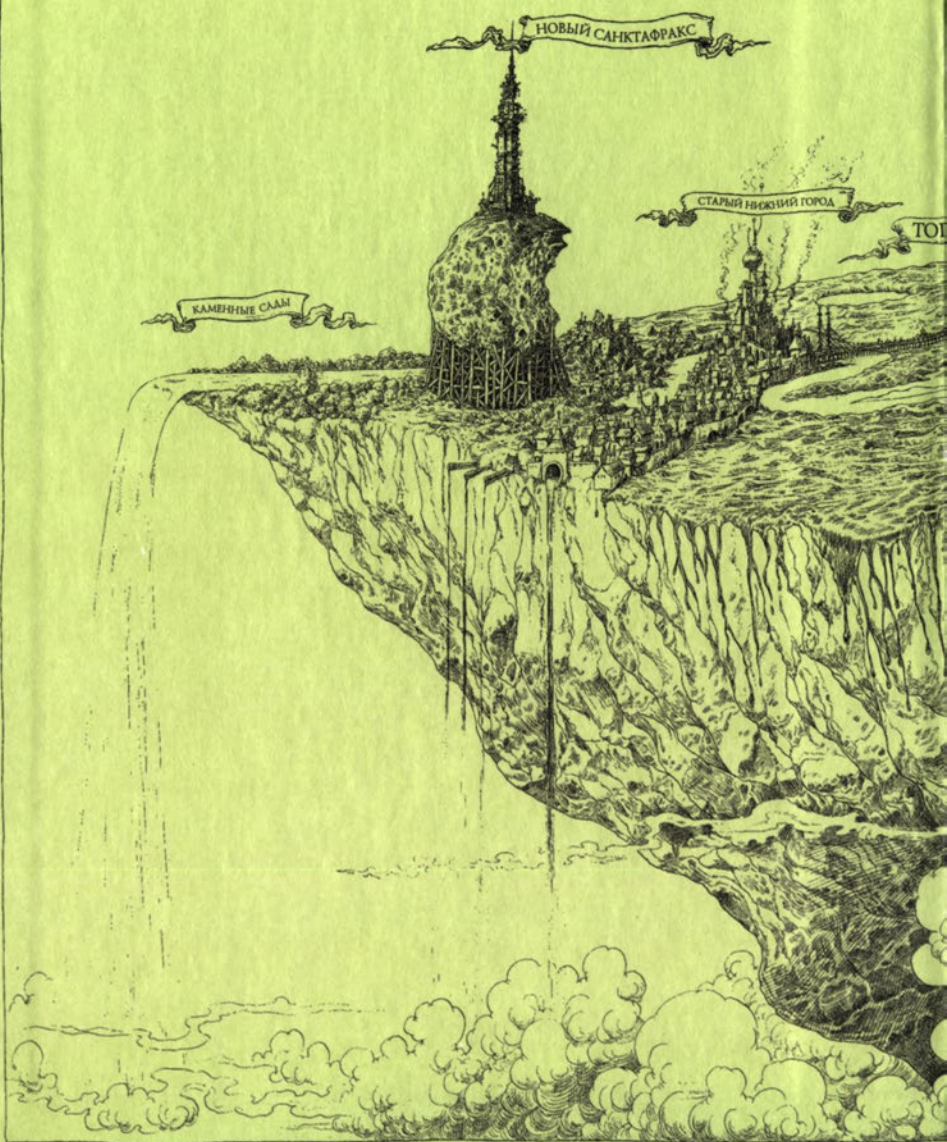
ВОЗДУШНЫЕ ПИРАТЫ

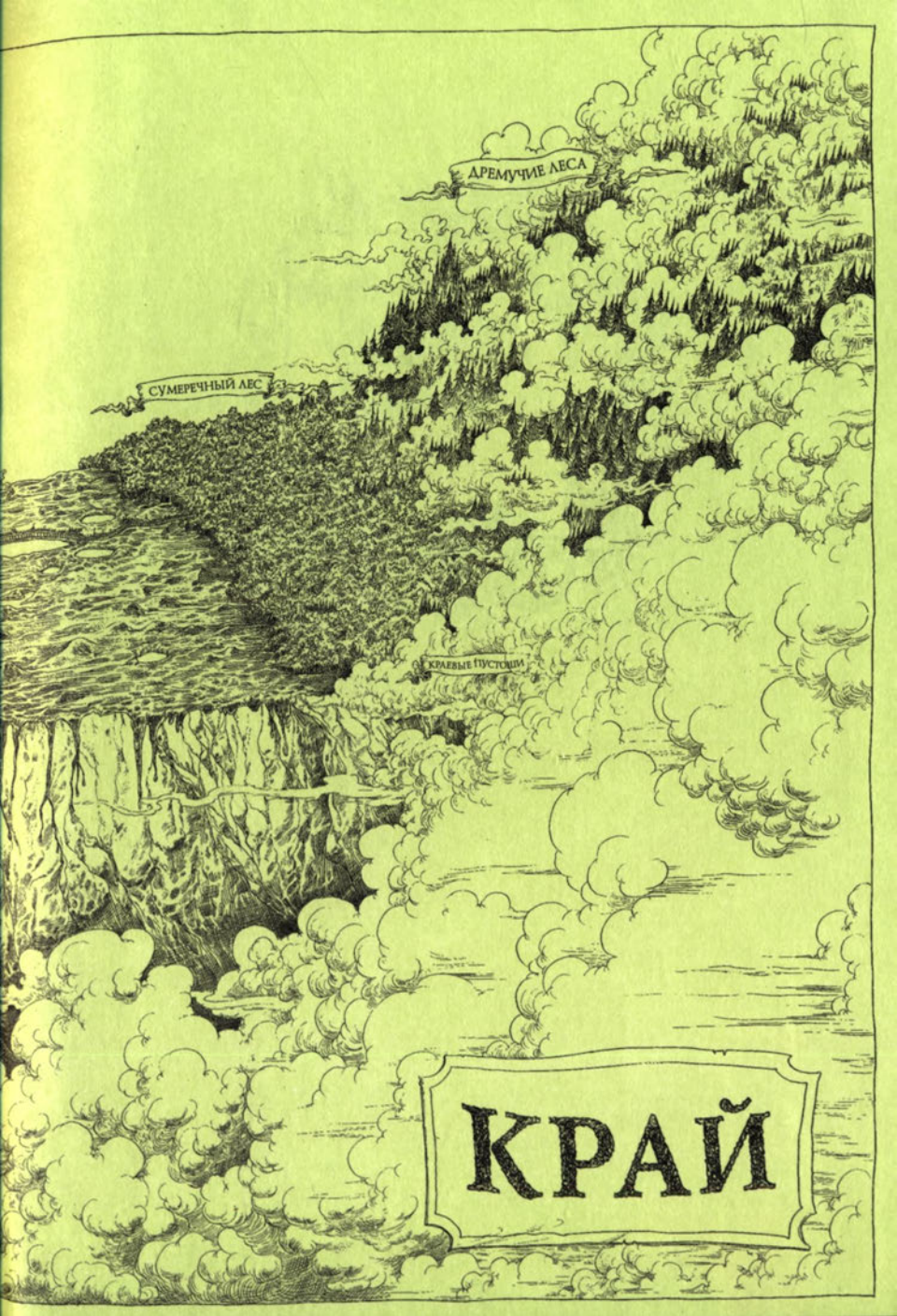

Приключения воздушных пиратов продолжаются!

Нижний Город не устоял перед разрушительной бурей, и все горожане спешно готовятся к переселению в Вольную Пустошь.

Плут Кородер, молодой библиотечный рыцарь, как никто, знает, сколько опасностей будет подстерегать их на пути. Враги повсюду! Мстительные шрайки, дикие головоноги, кровожадные гоблины... Смогут ли Плут и его друзья дать отпор противникам и вернуть в Край мир и свободу?

ДРЕМУЧИЕ ЛЕСА

СУМЕРЕЧНЫЙ ЛЕС

КРАЙНЕ ГУСТОЙ

КРАЙ

В серии
«Воздушные пираты»
выходят книги:

ЗА ТЕМНЫМИ ЛЕСАМИ
ГРОМОБОЙ
ПОЛНОЧЬ
НАД САНКТАФРАКСОМ

ПОСЛЕДНИЙ
ВОЗДУШНЫЙ ПИРАТ
АКАДЕМИК ВОКС
ВОЛЬНАЯ ПУСТОШЬ

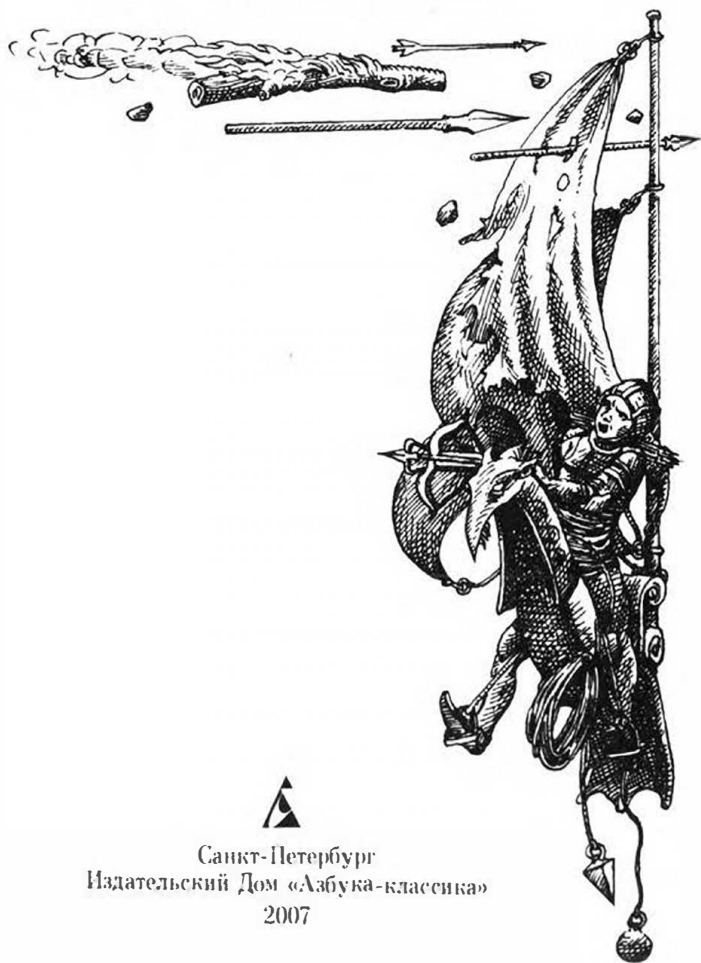
ДРЕВНИЙ СТРАННИК
ЗИМНИЕ РЫЦАРИ
БИТВА ГАЛЕОНОВ

Пол Стюарт • Крис Риддел

ВОЛЬНАЯ ПУСТОШЬ

Санкт-Петербург
Издательский Дом «Азбука-классика»
2007

УДК 82-93
ББК 84.4 Вл
С 88

Paul Stewart & Chris Riddell
FREEGLADER

Text and Illustrations copyright © Paul Stewart and Chris Riddell 2004
All rights reserved

Права П. Стюарта и К. Риддела,
являющихся авторами данного произведения,
защищены в соответствии с законом
«Об авторском праве, дизайне и патентах» 1988 года.

Публикуется с разрешения Random House Children's Books,
отделения Random House Group Ltd.

Издательство выражает благодарность
литературному агентству Эндрю Нюрнберг
за помощь в приобретении прав

Перевод с английского Юлии Скоробогатовой

Дизайн серии Вадима Пожидаева

Оформление Сергея Гончарова, Валерия Макарова

Иллюстрации Криса Риддела, Сергея Гончарова

*Посвящается
Анне,
Кэти,
Джеку,
Джозефу
и Уильяму*

ПОСЕЛЕНИЯ ДРЕМУЧИХ ЛЕСОВ

ОПУШКА
ЛИТЕВИЧКОВ

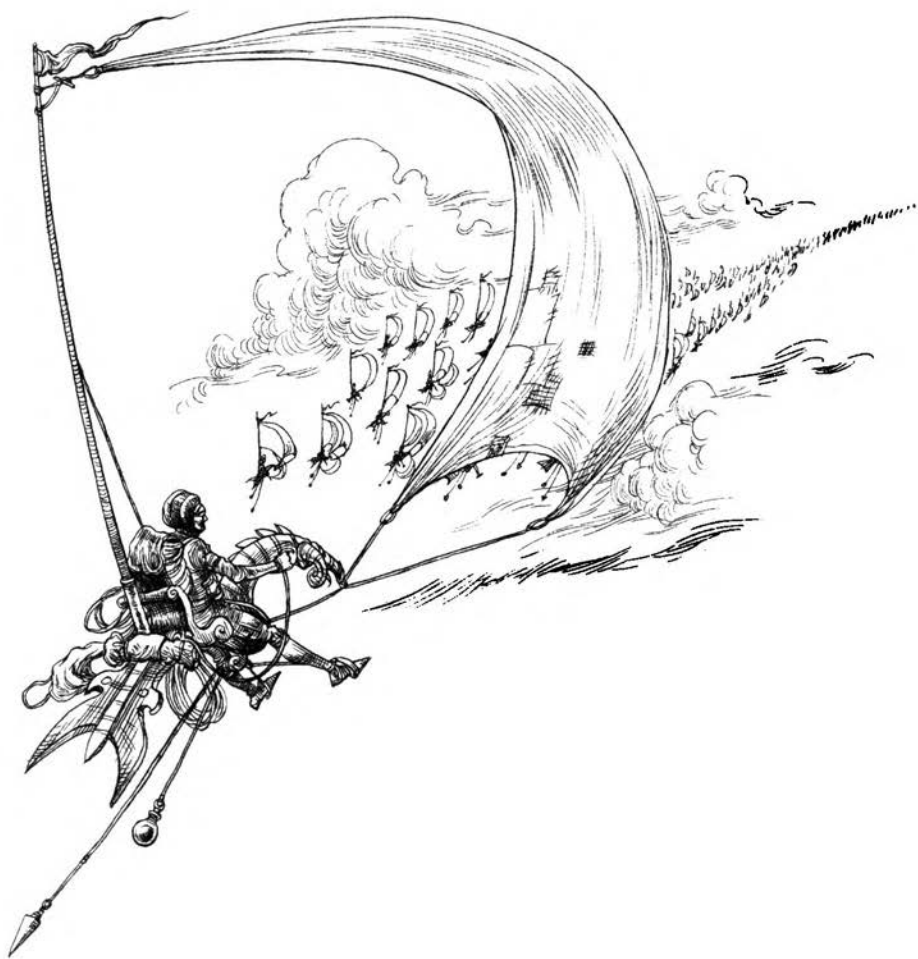
ПРИСТАНИЩЕ
ГОБАИНОВ

ВОСТОЧНЫЙ
ПОСАД

СЕРЕБРЯНЫЕ
ПАСЬБИЩА

ВВЕДЕНИЕ

удовищный покров кружащих подобно водовороту облаков навис над Краем, погрузив во тьму все вокруг. В самом сердце облачного покрывала трещала и свистела разыгравшаяся не на шутку смертоносная буря.

Словно злой демон, словно хищник, пожирающий свою жертву, этот черный водоворот уничтожал некогда великий и славный Нижний Город. Но даже сейчас, когда город рушился и смывался с лица земли бурлящим потоком вод вышедшей из берегов Реки Края, в сердцах его жителей — глыботрогов, крох-гоблинов, троллей-несунов и многих других существ, заполнявших прежде шумные городские улицы, — теплилась надежда. Движимые этой надеждой, покинули они родные места, шли теперь прочь по Дороге через Топи вслед за Высочайшим Академиком Каулквейпом Пентефраксисом и Библиотечными Рыцарями вглубь Дремучих Лесов. Там, в светлой колыбели свободы и наук Вольной Пустоши, грезилась им новая безмятежная жизнь.

Но впереди лежали Топи — обманчивые болотистые земли, слывшие обиталищем страшных существ — охотников на слабых, зазевавшихся путников. А за То-

пиями раскинулись Краевые Пустоши. По слухам, в тех, окутанных туманом землях бродили духи и демоны, говорили даже, что там прячется сам Хрумхрымс, несущий погибель каждому, кто вступит в его бесплодные владения.

За Краевыми Пустошами начинались Дремучие Леса, где опасность поджидала уже за каждым деревом. Чего стоят одни полчища вжик-вжиков, заросли ядовитых растений, армия коварнейших насекомых? Дубы-кровососы в состоянии заглотить свою жертву целиком, а травяные угри способны высосать

ее кровь, всю, до последней капли. Гнилососы, хали-тозные жабы и реющие черви... Не говоря уже о первобытных племенах трогов, населяющих мрачные чащи. Уж они-то без раздумий съели бы свою жертву заживо.

Однако путь назад уже отрезан, воротиться нельзя. Так для большинства начиналось самое грандиозное приключение, изменившее течение их жизней.

Но жестокая буря разрушила не только привычный уклад жизни Нижнего Города. Оставшиеся в живых шрайки из Восточного Посада прекрасно понимали, что работоторговле, приносящей им неплохую прибыль, пришел конец. А стало быть, придется искать новое пристанище, только не надежда гнала в путь жестоких воительниц, а жажда крови и мщения.

Весть о разбушевавшейся стихии достигла Гоблинова Гнезда, ну а гоблины никогда не упускали возможности нажиться на чужих бедах. В те дни в их ветхих хижинах, увешанных костями и черепами, разговоров только и было что о битвах и военных трофеях.

Но не они одни строили коварные планы. В чадащем, огнедышащем аду, а Опушку Литейщиков по-другому и назвать было нельзя, Хамодур Плюнь выстраивал собственную стратегию. В эту минуту он с нетерпением ожидал приезда своего нового союзника. Хамодур приготовил для него приятный сюрприз. Главный Литейщик усмехнулся.

— Я пожалую ему Вольную Пустошь, — горячо прошептал он. — Рабской Пустоши долгие лета!

Буря свирепствовала час от часу все яростней, бедные жители Нижнего Города бесконечной колонной брели по Дороге через Топи, а холодный дождь лил как из ведра, промораживая их до костей, наводя тоску и отчаяние.

Вот впереди показались Сумеречные Леса, там могли прятаться уцелевшие шрайки. Оставалось молить Небеса о помощи или погибнуть...

Дремучие Леса, Каменные Сады, Река Края, Нижний Город и Санктафракс — названия на географической карте.

И за каждым из них стоит множество историй — историй, записанных на древних свитках, историй, которые передаются из уст в уста, от поколения к поколению, историй, которые рассказываются и по сей день.

Одну из таких историй мы и хотим вам рассказать.

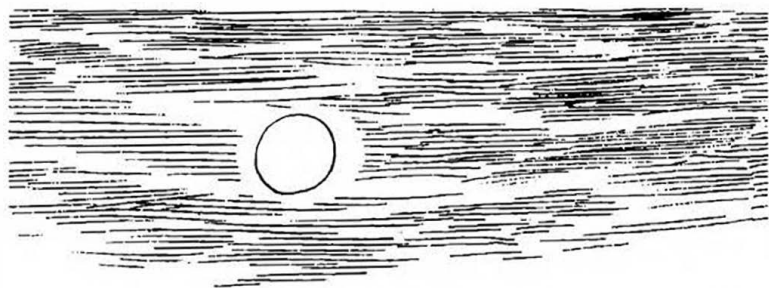
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПОЛЕТ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

АРМАДА МЕРТВЕЦОВ

то же нам делать?

Капитан Гриф Мертвая Хватка отошел от окна капитанской каюты и поглядел на примолкшего интенданта.

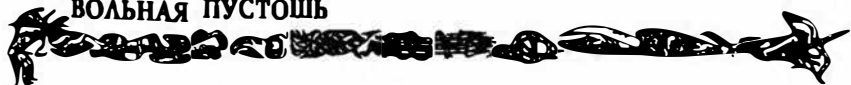
— Тучи над Нижним Городом сгущаются, — добавил глыботрог, кутавшийся в светлый плащ из кожи головнога.

Воздушные пираты, собравшиеся за длинным столом, согласно закивали.

— Через Топи не пройдет ни одна повозка, — добавил он. — Торговле конец.

— Господа, господа, — призвал к тишине капитан, занимая место во главе стола. — Не забывайте, кто мы. Возможно, наши корабли не могут больше летать, но мы от этого не перестаем быть воздушными пиратами. Гордыми и, прошу заметить, свободолюбивыми. — Капитан хватил кулаком по столу, отчего наполненная элем кружка высоко подпрыгнула. — И потому ни буря, ни вихри — ничто на свете не может нас одолеть!

— И все же мне придется повторить свой вопрос, — непочтительно фыркнул интендант. — Что нам теперь делать? В армаде порядка тридцати кораблей. А это

три десятка экипажей. Три сотни голодных ртов, три сотни потертых сюртуков, три сотни пустых кошельков. Если торговля вконец зачахнет, на что мы будем жить? Или прикажете набивать брюхо болотной рыбой? — Он снова фыркнул.

— Нет рейдов, нет улова, — поддакнул глыботрог. Остальные воздушные пираты согласно загудели. Капитан Гриф крепко стиснул кружку и медленно поднес ее к губам. Ему было необходимо поразмыслить.

Уже несколько недель плотные облака закрывали небо над Нижним Городом и великой Дорогой через Топи. А два дня назад в густой облачной пелене появились несомненные очертания надвигающегося грозного вихря.

«Да поможет Небо многострадальным жителям земли», — подумал капитан Гриф.

Но вот Нижний Город пропал из вида, а Дорога опустела. Большая часть шраек, застрявшая в Нижнем Городе, погибла во время бури, остальные ретировались в Восточный Посад...

Капитан сделал большой глоток и со стуком опустил кружку на стол.

— Я послал на разведку рейдовиков, — объявил он с напускной бравадой. — И пока они не вернутся с докладом, паниковать не следует.

— На разведку! — хмыкнул интендант и резко поднялся со стула. — Чего там разведывать-то? — Он умолк, но вскоре заговорил вновь: — Лично я отправляюсь на Опушку Литейщиков, говорят, там хороший улов. Присоединяйтесь!

Он быстрым шагом вышел из каюты.

— Господа, *пожалуйста*. — Капитан Гриф поднял руку, призывая всех оставаться на своих местах. — Не спешите. Подумайте только, что мы с вами создали. Не перечеркивайте былое. Задержитесь до прилета рейдеровиков.

— Хорошо, — сказал глыботрог, покидая каюту вместе с остальными пиратами. — Но ни минутой дольше.

Когда все ушли, Гриф Мертвая Хватка встал с кресла и вернулся к окну. Прищурившись, он стал внимательно разглядывать Армаду Мертвецов.

«А что, собственно, такое великое мы в самом деле создали?» — горько подумал он.

Когда Каменная Болезнь добралась до воздушных кораблей и летучие камни стали гибнуть, капитаны решили объединиться и единой армадой противостоять мору.

Воздушные пираты разбили в Топях лагерь, откуда периодически совершали налеты на главную торговую артерию — Дорогу через Топи. Это не было, конечно, настоящим воздушным пиратством, но в сумрачные, проклятые времена могло с натяжкой сойти за него. Иногда, когда туман немного рассеивался, капитан выходил на шканцы и представлял, что он парит в высоком небе, свободный, как птица снежник...

Гриф Мертвая Хватка смотрел на неподвижные суда, жадно рвущиеся вверх мачты и почувствовал в горле комок. На резных кормах все еще красовались выведенные золотой краской, поистертые гор-

дые имена: «Ветропряд», «Бродячий Туман», «Пронзающая Мгла», «Глотающий Облака»... Его собственный корабль — напоминал потрепанный, потускневший призрак былой славы. Если он больше никогда не вырвется из топкой грязи, то сгниет здесь, словно гнида никому не нужных бревен.

Так и будет, потому что летучий камень, возносящий корабль к небесам, давно разрушен. И если от Каменной Бoleзни не найдется чудодейственного лекарства, ни «Ветропряд», ни «Небесный Всадник», ни «Бродячий Туман» никогда не поднимутся в небо.

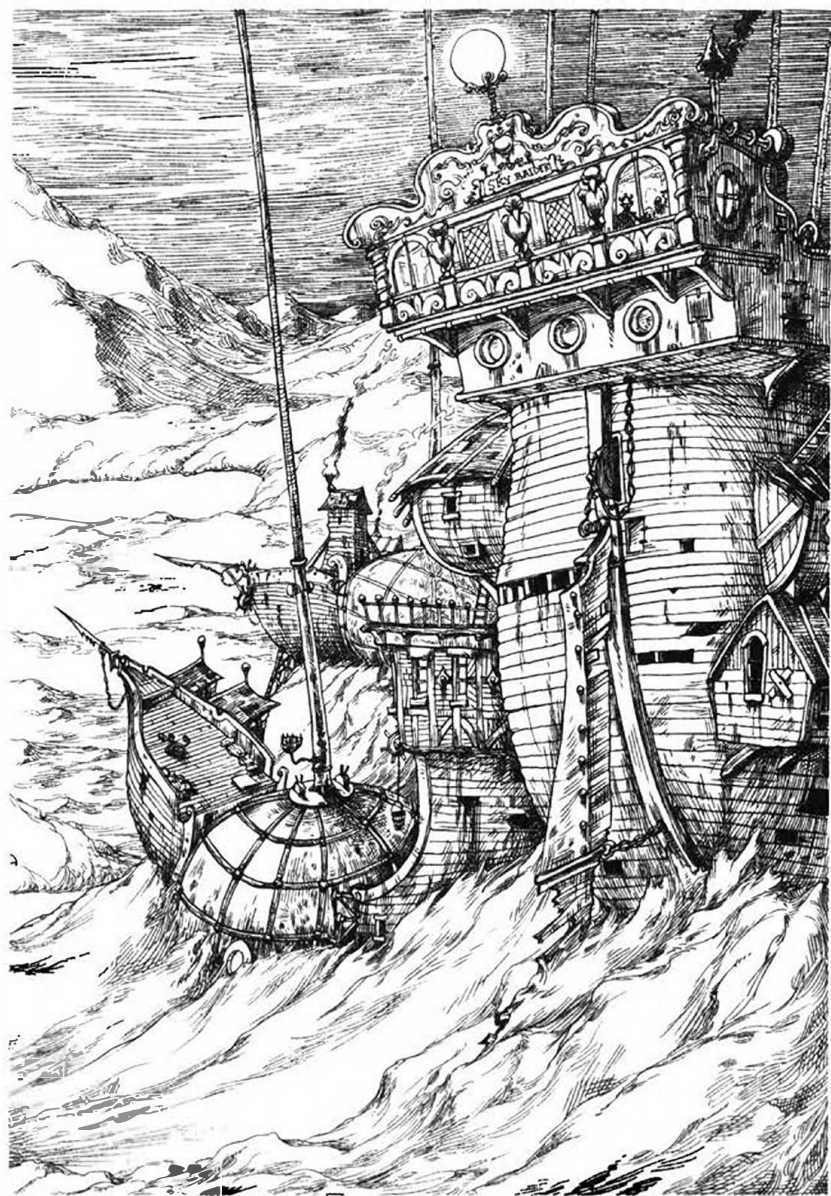
Густая, засасывающая грязь цепко держала свою добычу, и некогда прекрасные, грациозные корабли превратились в строения какой-то причудливой формы. Эту форму им придавали различные пристройки, нарушившие строгие линии судов и облепившие корпуса, как огромные медузы.

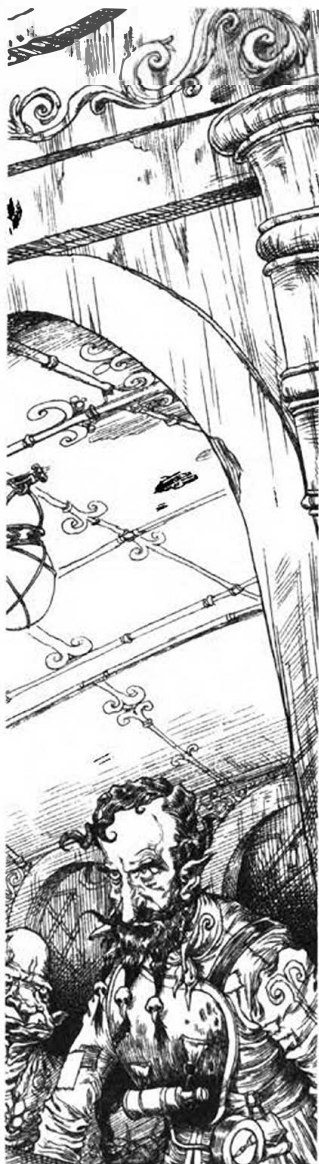
«Какое будущее нас ждет? — подумал капитан Гриф. — Какое будущее ждет всех тех, для кого Армада Мертвецов стала домом?»

Капитан Гриф поднес к глазам бинокль и стал напряженно вглядываться в даль.

Он видел только сплошную облачную пелену, скрывающую Нижний Город и Дорогу через Топи. Обычно вдалеке виднелись контуры Каменных Садов, но теперь и они были спрятаны от пытливых взглядов за облаками.

Капитан Гриф тяжело вздохнул, опустил бинокль и уже собирался вернуться в кресло, когда что-то привлекло его внимание. Он снова поднес бинокль к глазам

и на этот раз был вознагражден за терпение. Теперь капитан четко видел семь... восемь... девять силуэтов, направляющихся к кораблю. Рейдовики возвращались с разведки.

— Так скоро? — пробормотал капитан, и сердце сжалось от жестокого разочарования.

Два пирата несли шесты, на верхушках которых были укреплены медные клетки с лилово светящимися угольками лафового дерева. Этот лиловый свет озарял Топи, спасая путников от зыбучих песков, ядовитых ям и страшных головоногов...

Когда рейдовики подошли поближе, капитан Гриф высунулся из окна своей каюты.

— Что, вылазка удачная? — гаркнул он.

Он знал ответ, еще не успев задать вопрос. У пиратов за плечами висели пустые мешки. Рейд оказался провальным.

— Мы ничего не принесли! — крикнул своему коман-

диру высокий городской гном с повязкой, закрывающей глаз.

— Дорога опустела, — добавил его товарищ. — Шрайки, наверное, вернулись в Восточный Посад.

— Но по дороге назад мы нашли этих двоих, — вставил долговязый плоскоголовый гоблин с широким кольцом в носу. — Они уверяют, что как раз собирались к вам. По мне, так это парочка бездельников.

Капитан Гриф только сейчас заметил двух незнакомцев, выступивших из тумана. Оба были очень молоды, один из них одет как библиотекарь. Опущенный капюшон не давал рассмотреть лицо юноши. Второй казался выше и крепче первого. Он носил белые одежды из кожи головонога, не скрывал лица и храбро смотрел в глаза капитану.

— Что тебе, паренек? — спросил капитан Гриф.

— Мое имя Феликс Лодд, — последовал немедленный ответ. — О деле же я буду говорить только с глазу на глаз с главой великой Армады Мертвецов.

Какое-то мгновение капитан Гриф размышлял. Юноша вел себя очень дерзко. Быть может, стоило подержать его в темнице, пока он не научится хорошим манерам, хотя, с другой стороны, паренек так восхищенно отзывался об Армаде.

— Поднимайтесь на борт, — велел капитан.

— Значит, битва все-таки была? — спросил Гриф Мертвая Хватка.

Капитаны воздушных кораблей снова собрались за длинным столом, а юноша в кожаных одеждах расхаживал по каюте. Его молчаливый спутник замер у дверей.

— Да, ужасная, дикая битва, — кивнул Феликс. — Вокс Верликс...

— Вокс Верликс, правитель Нижнего Города! — прервал его тощий интендант, который, узнав о возвращении рейдовиков, отложил отъезд. — Этот скользкий проныра все еще там? По его вине я потерял однажды целую партию отменной древесины дуба-кровососа. Он тогда еще возводил башню в Сантафраксе. Клянусь, я ему отомщу!

Капитан Гриф жестом велел интенданту замолчать и повернулся к Феликсу.

— Так что ты говорил о Воксе Верликсе? — спросил он.

— Без сомнения, это он все подстроил, — заявил Феликс. — Вокс заманил гоблинов и шраек в библиотечную канализацию, а потом вызвал бурю, чтобы их потопить.

— Значит, это он виноват в непогоде! — покачал головой капитан Гриф. — Я должен был догадаться. Это так похоже на академиков — вмешиваться в небесные дела.

— Что ж, за это он поплатился жизнью, — сказал Феликс.

— Вокс умер?

— Еще бы, — подтвердил Феликс. — Я своими глазами видел, как его дворец рухнул под натиском бури.

— Жаль, — процедил интендант, его острые зубы сверкнули в желтом свете фонаря. — Я хотел лично выпустить ему кишки. — Он махнул рукой, словно рассекая клинком воздух. — Вот так. — Интендант

зло расхохотался, его смех, отраженный эхом, подхватили некоторые капитаны.

— Нижний Город разрушен, — продолжил Феликс, и смех оборвался. — И не подлежит восстановлению. Нам удалось бежать...

— Кому это «нам»? — спросил капитан, откинувшись в кресле.

— Горожанам от мала до велика, Библиотечным Рыцарям из Подземного Книгохранилища и... — он замялся, — Духам Тайнограда, которым я команду.

По каюте пробежал шепоток. Теперь самоуверенность и дерзость юноши стали понятны. Слухи о Духах Тайнограда — бесстрашных охотниках и воинах из Нижнего Города — доползли уже и до Топей.

— Значит, ты возглавляешь Духов? — произнес капитан Гриф, пытаясь скрыть просквозившее в голосе почтение.

— И с каких это пор Духам Тайнограда требуется помощь? — насмешливо перебил его интендант. — В смысле, разве Топи страшны таким молодцам, если, конечно, ты тот, за кого себя выдаешь?

Сверкая глазами, Феликс приблизился к интенданту.

— Я прошу помощи не для себя, — отчеканил он. — Я прошу за жителей Нижнего Города и Библиотечных Рыцарей, которые, пока мы здесь с вами беседуем, бредут в густом тумане по Дороге через Топи. Им нет пути назад, а впереди столько опасностей. — Он глубоко вздохнул. — Вы как никто знаете эти земли. Помогите нам!

— И что мы получим взамен? — спросил капитан Гриф.

Феликс улыбнулся.

— Речь, достойная настоящего воздушного пирата, — prorонил он.

Капитан почувствовал, как в голову ударила кровь.

— А что вам делать здесь? — продолжал тем временем юноша. — Без Нижнего Города и Дороги через Топи торговля прекратится, и вы сгниете, как эти бесценные корабли. Пойдемте с нами, и мы построим в Вольной Пустоши новую жизнь..

— А что нам мешает попросту вас ограбить? — грубо бросил капитан Гриф.

— Попробуйте! — пылко воскликнул Феликс. — Мы перережем вам глотки и смешаем с грязью Топей кровь вероломных воздушных пиратов.

— Ты являешься сюда, оскорбляешь нас и наши корабли! — взвился Гриф Мертвая Хватка, сжимая кулаки. — *И после всего еще просишь о помощи?*

Молодой Библиотечный Рыцарь вышел вперед и откинул капюшон. Повисла тишина, пираты во все глаза смотрели на юношу.

— Однажды помощь была нужна тебе, капитан Гриф, — прозвучал звонкий голос. — Шрайки посадили тебя в клетку, а я принес тебе еды и питья. Или ты забыл? А говорил, что никогда этого не забудешь.

На какую-то секунду капитан ошалело смотрел на юношу, а потом расплылся в такой широкой улыбке, что глаза его превратились в щелочки.

— Ты! — прогудел он, быстрым шагом пересекая каюту. — Это был ты! — Он раскатисто рассмеялся

и тепло обнял Плута. — Кородер, так ведь тебя зовут?

— Да, Плут Кородер, — ответил юноша. — И теперь моя очередь просить о помощи.

— Плут Кородер, — повторил капитан, покачивая головой, словно не решаясь поверить, что это не сон. — Кто бы мог подумать! — Он повернулся к воздушным пиратам и провозгласил: — Господа, этот паренек спас мне жизнь. Я не могу отказать ему в просьбе. Мы поможем ему и его друзьям.

— Ну, мою-то жизнь он не спасал, — заметил тощий интендант.

Капитан Гриф помрачнел, медленно подошел к интенданту, ухватил его за воротник и оторвал от пола.

— Ты же еще недавно хотел уйти из Армады! — рявкнул он. — Как-никак, Вольная Пустошь будет лучше гнилой Опушки Литейщиков. Скажешь «нет», и я сверну тебе шею, Квилит Плим, Небом клянусь.

— А ты ведь этого не хочешь, Квилит? — усмехнулся глыботрог, пытаясь отцепить капитана от интенданта.

Квилит слабо покачал головой.

— Дух прав, — сдался глыботрог. — Армаде конец.

ПОЛ СТЮАРТ, КРИС РИДДЕЛ

ВОЛЬНАЯ ПУСТОШЬ

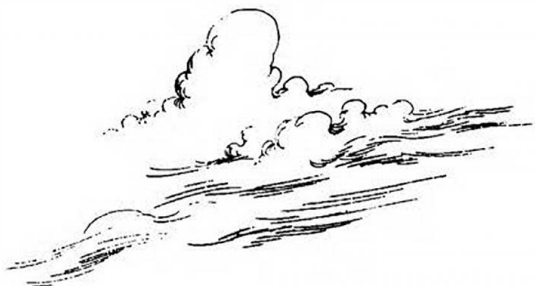

Нам здесь больше нечего делать. Мы с тобой, капитан.

— Значит, в Вольную Пустошь! — провозгласил капитан Гриф, отпуская интенданта и браво хлопая Плута по плечу.

Плут улыбнулся.

— В Вольную Пустошь! — ответил он.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ИСХОД ИЗ НИЖНЕГО ГОРОДА

лянусь Небом, паренек, — пробормотал капитан Грифф, остановившись на вершине холма, чтобы перевести дыхание. — Жуткая будет буря. Самая черная, самая непроглядная, самая проклятая буря, какую я только видел, и точка.

Плут взобрался на холм и остановился рядом с капитаном, белая грязь облепила его сапоги и посох, как голодная болотная рыба.

— Скажу больше: она уже близко.

Капитан откашлялся и в сердцах сплюнул.

— Вот что бывает, когда принимаются шутить шутки с природой, — проворчал он. — Мерзкие, одержимые академики! Почему им всегда нужно что-то выдумывать!

Над их головами нависло низкое облако — сплошное в центре и волнистое по краям, оно ползло из Нижнего Города, заглатывая Дорогу, как летающий червь заглатывает свою жертву.

За спиной у Плута возник Феликс. Он нес на длинном шесте фонарь. Его бледное лицо казалось лиловым в свете горящего лафового дерева.

— Позже отдохнем, — сухо сказал он. — Время бежит неумолимо. — Он покачал головой. — Я толь-

ко надеюсь, что они догадаются свернуть с Дороги до начала бури.

Теперь повсюду плясали лиловые огоньки, почти все воздушные пираты добрались до холма и напряженно вглядывались в сгущающуюся мглу.

— Эти твои горожане и библиотекари ушли не так далеко, — пробормотал капитан Гриф, всматриваясь в горизонт. — Полдня пути, и мы их догоним. И, судя по скорости облаков, это произойдет перед самым началом бури!

— Тогда чего же мы ждем? — спросил Феликс, хлопнув пирата по спине и улыбнувшись на памяти Плута в первый раз за много дней. — Давайте прогуляемся.

Капитан часто заморгал.

— Поглядим, паренек, — усмехнулся он. — Поглядим, что из этого выйдет. — Капитан обернулся к воздушным пиратам. — Армада, вперед! — скомандовал он. — И не вешать нос!

Высоко подняв над головами фонари с лилово светящимся углем, пираты скатились с холма и зашагали по хлюпающей грязи к разбитой Дороге через Топи.

Плут никогда не забудет этот путь. Каждый экипаж, выстроившись в линию, шел гуськом вслед за факельщиком, распевая в унисон мрачные марши.

«Ать-два-три-четыре-пять; мы идем врагов искать...»

Сапоги пиратов синхронно хлюпали по грязи.

«Шесть-семь-восемь-девять-десять; мы хотим врагов повесить...»

Плут сам неожиданно присоединил свой голос к общему хору. Он не сводил глаз с лилового огонька, с каждым шагом дышать становилось все тяжелее, пот катился градом, но ритмичный стук сапог и бодрый мотив не давали ему выбиться из строя.

Юноша едва различал хриплые крики белых воронов и почти не замечал теплой липкой грязи, порой мощными струями взлетающей в воздух. Вскоре Плут, как и большинство пиратов, перестал щуриться и смиренно ковылял, мужественно не обращая внимания на летящие в глаза вонючие брызги. Сапоги обросли таким грузом грязи, что стало невероятно сложно идти. Шагавший впереди капитан Гриф отдавал приказы направо и налево:

— Строго на запад, салаги! Держать строй! В ногу, в ногу!

Плут терпеливо шагал, воображая, что он, воздушный пират из прославленной Армады, летит высоко над облаками, вязкая грязь осталась далеко внизу, а Гриф Мертвая Хватка стоит на шканцах головного небесного корабля и командует своим флотом.

Но вскоре приятные грезы рассеялись, уступив место ноющей боли в висках, и Плут лишь слушал свое сбивчивое дыхание. Ноги Библиотечного Рыцаря превратились в гири, голова шла кругом, а пляшущий лиловый огонек расплывался перед глазами, как будто опускаясь под воду. Пираты продолжали маршировать, ничуть не сбавляя шага.

«Ать-два-три-четыре-пять, видим гоблинов опять...»

Плут споткнулся, страховочный трос, опоясавший талию, натянулся, но удержал его на ногах.

«Шесть-семь-восемь-девять-десять, тумачков бы им отвесить...»

Плут снова споткнулся и на этот раз повалился в жидкую грязь.

— Стой, ать-два! — раздался окрик капитана. — Ослабить трос!

Плут чувствовал, как чьи-то руки развязывают опоясывавшую его веревку. Он попытался сесть. Сколько они уже идут? Несколько часов? Или дней?

— Я... Простите, — еле слышно прошептал он. — Я... не могу больше...

— Простить, паренек? — прогудел ему в ухо голос капитана Грифа. — Незачем извиняться. Гляди!

Плут поднял голову и протер глаза.

Впереди в белых кольцах густого тумана бежала Дорога через Топи. За ней чернели Сумеречные Леса. Вокруг, куда ни глянь, держась за деревянные перила, стояли жители Нижнего Города. Они радостно помахивали факелами, приветствуя долгожданное подкрепление.

Тем временем становилось все темней и темней, и виновата в этом была не приближавшаяся ночь, а грозовые тучи, сгустившиеся над дорогой.

Горожане уже заметили надвигающуюся опасность. Плут видел, как они слезают вниз и плюхаются в вязкую грязь. В душном воздухе разносились тревожные крики и испуганные вопли. Плут пытался отыскать взглядом своих друзей толстолапов, но в таком хаосе это было невозможно.

Библиотекари бережно передавали друг другу ящики с бесценными свитками и старинными ману-

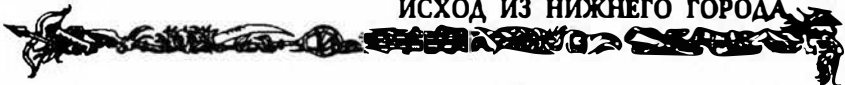

скриптами, горожане спешно опускали вниз скромные пожитки и колыбельки с плачущими малышами, а между ними, отдавая приказы и помогая зазевавшимся, сновали проворные Духи Тайнограда, их было легко узнать по белым плащам.

Тролли-несуны и лесные тролли устанавливали прямо в грязи палатки и тенты. Глыботроги прикрепляли свой скарб к высоким, зарытым в жижу сваям, а Библиотечные Рыцари тщательно привязывали небоходы к толстым столбам. Неподалеку суежилась семья крох-гоблинов, у каждого за спиной был мешок с самой необходимой провизией.

Чьи-то сильные руки подхватили Плута и подняли с земли. Обернувшись, юноша увидел улыбающегося Феликса.

— Совсем неплохо для библиотекаря! — рассмеялся Лодд, хотя его лицо было таким же раскрасневшимся и

запачканным, как у друга. — Похоже, мы все-таки успели. — Он указал пальцем на сгущающиеся тучи. — Но если эти недотепы не будут действовать по крайней мере в два раза быстрее, у нас появятся проблемы.

— Так вот они какие, твои Духи Тайнограда, — уперев руки в боки, произнес капитан Гриф. — И правда, ловкие мальцы.

— И все же помощь нам не помешает, — заметил Феликс воздушному пирату. — Если, конечно, твой экипаж не валится с ног после короткой прогулки.

— О Небо, что за дерзкий молокосос! — расхохотался капитан Гриф и взмахнул факелом. — Армада! — прогремел он. — А ну-ка разгребите эту свалку. Буря близко, или вы, салаги, этого не заметили?

Повторять дважды не пришлось, пираты птицами взлетели по сваям на Дорогу. Замелькали гарпуны и веревки, и вскоре уже многие горожане были спущены вниз и теперь толпились, мешая пиратам.

— Уйдите в сторону! — рявкнул Феликс. — Вы же не хотите оказаться под обломками, когда налетит буря!

— Заберите зубоскалов! — командовал капитан Гриф. — Спрячьтесь за перевернутые повозки!

Ветер уже шумел так, что разобрать приказы командиров было почти невозможно. Плут огляделся по сторонам. Нужно найти Библиотечных Рыцарей и отпрапортовать. В отличие от независимого Феликса он был под началом Высочайшего Академика Каулквейпа Пентефраксиса.

Еле передвигая отяжелевшие ноги, Плут побрел мимо горожан, переворачивавших телеги и повозки и да-

же рывших в грязи небольшие траншеи. Он уже было хотел спрятаться за опрокинутой повозкой рядом с семьей глыботрогов, когда услышал, что кто-то его зовет.

— Мастер Плут, гляжу, вы все-таки сумели оказать Библиотеке неоценимую услугу. — Прямо к нему брел Фенбрус Лодд, его пушистая борода развевалась на ветру. — Воздушные пираты согласились сопроводить нас по этой проклятой земле?

Плут кивнул.

— Да, Верховный Библиотекарь, — ответил он. — Капитан Гриф...

— А где же мой, с позволения сказать, сын? — резко перебил его Фенбрус.

— Он... — начал было Плут.

— Я здесь, отец. — Феликс уже шел к ним в сопровождении двоих Духов.

— А, вот ты где, — высокомерно бросил Фенбрус. — Итак, Феликс, я хочу, чтобы твои подчиненные охраняли Большую Библиотеку по всему пути следования. — Он указал посохом на череду повозок, доверху набитых свитками и запряженных упирающимися ежеобразами. — Еще несколько телег осталось наверху, а время дорого. Мы не можем их потерять.

Феликс криво улыбнулся.

— Наверху еще остались горожане, отец, — сказал он. — Для начала мои Духи помогут им...

— Но как же Большая Библиотека! — взорвался Фенбрус, покраснев, как помидор. — Нет, я настаиваю, чтобы ты...

— Я не твой слуга! — прогремел Феликс, и Плут вдруг подумал, что друг очень похож на отца.

Жаркий спор уже собрал вокруг них любопытных.

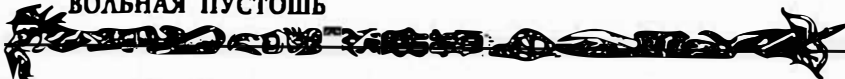
— Все библиотечные повозки должны быть спасены, — упрямо повторял Верховный Библиотекарь, сверкая глазами. — Ни один свиток не может быть утерян.

— Ни один горожанин не должен погибнуть! — яростно возражал Феликс.

— Тише, тише, — раздался дребезжащий, но все еще властный голос, и сквозь толпу протиснулся Каулквейп. — Если мы все возьмемся за дело, то и Библиотека, и горожане будут в безопасности, — заключил он.

Кто-то громко фыркнул, все оглянулись и увидели капитана Грифа, застывшего, уперев руки в бока, с насмешливым выражением на лице.

— На Дороге уже не осталось горожан, — хмуро сказал он. — Но каким образом вы собираетесь провести несчастных через Топи, бранясь, как сейчас?

— Мы очень рассчитывали на вас, — Каулквейп почтительно поклонился пирату, — капитан... э...

— Гриф, — представился пират. — Капитан Гриф Мертвая Хватка.

Лицо Каулквейпа озарилось улыбкой.

— Ну конечно, капитан Гриф. Я знал вашего отца, и, если мне не изменяет память, мы встречались при столь же опасных обстоятельствах.

— Когда-нибудь вы непременно мне об этом расскажете, — улыбнулся в ответ капитан. — Но сейчас мы должны укрыть всех и вся, так как буря вот-вот разразится. — Он указал на затянутое тучами небо. — Ну а после, — гаркнул он, перекрикивая ветер, — мы сможем и поболтать. — Он мрачно оскалился. — Если, конечно, останемся в живых.

Феликс выступил вперед.

— Слышали капитана? — крикнул он толпе. — За дело!

Всех как ветром сдуло, горожане и Библиотечные Рыцари укрылись за перевернутыми телегами, спрятались в палатках.

— Заберите этих ежеобразов! — приказал капитан Гриф небольшой компании душегубцев. — Они нам еще понадобятся!

Фенбрус бросился вслед за пиратом.

— Повозки со свитками, капитан. Не забудьте про повозки!

Вопли Верховного Библиотекаря заглушил очередной порыв ветра. Каулквейп повернулся к Феликсу и Плуту.

— Вы молодцы, — похвалил он юношей. — Оба. Сказать по правде, я не был уверен, что у вас получится. На своем веку я знал достаточно воздушных пиратов, чтобы понять, насколько это упрямые и своевольные натуры...

— Не они одни такие, — тяжело вздохнул Феликс.

Каулквейп понимающе кивнул.

— Ты должен попытаться понять своего отца, Феликс, — мягко сказал он. — Он мечтает воссоздать Библиотеку в Вольной Пустоши.

— Знаю, — кивнул Феликс, и Плут различил в его голосе смесь самых разных чувств. — Эти его треклятые свитки! Что они по сути такое? Старая бумага и пожелтевший пергамент! Мы должны думать о жителях Нижнего Города, будущих обитателях Вольной Пустоши.

— Конечно, ты прав, Феликс. — Ветер заглушал слова Плута. — Но, понимаешь, мы библиотекари, и свитки для нас как живые существа.

Казалось, Феликс даже не слышит друга.

— Я должен отыскать своих подчиненных, — бросил он, повернулся и быстро удалился.

Плут робко покосился на Каулквейпа и уже хотел последовать примеру Феликса, как вдруг почувствовал, как кто-то похлопал его по плечу. Юноша оглянулся и увидел своих лучших друзей — ухмыляющихся Ксанта и Магду.

— Плут, ты вернулся! — воскликнула Магда. —
Какой ты грязный, мы тебя еле узнали!

Плут улыбнулся:

— Как же я рад вас видеть!

Ночью на землю обрушился страшный ливень, за ним посыпался град, выл ветер, небо содрогалось от раскатов грома. Дорога трещала, изгибалась и выла, как умирающее чудище, сваи одна за другой падали в жидкую грязь Топей. Плут, Ксанти и Магда, наскоро соорудив убежище, с содроганием наблюдали за свирепствующей непогодой.

— Когда же это закончится? — простонал Плут.

Магда вздохнула:

— Даже не верится, что когда-нибудь снова выглянет солнце.

Убежищем для трех друзей стала перевернутая телега и куча сваленной соломы, которая служила им вместо брезента. Пока что они были укрыты от

грозы, но Плут знал, что ветер в любой момент может подхватить телегу и разнести ее в щепки.

— Значит, ты полетишь с Профессором Света? — спросил Плут, пытаясь отвлечься от навязчивых страхов.

Библиотечные Рыцари умели мастерски парить на изящных небоходах из покрытого лаком легчайшего плавуна с парусами из паучьего шелка. С тех пор как Каменная Болезнь вывела из строя небесные корабли, крошки-небоходы стали единственными летательными аппаратами Края.

— Да, — подтвердила Магда, слегка улыбнувшись. Над головами прогремел раскат грома. Земля задрожала. — План таков: Варис Лодд и ее отряд летят в Вольную Пустошь за подмогой, Профессор Тьмы тем временем направляется со своим отрядом на разведку в Сумеречные Леса.

— А ты?

Голос Магды дрогнул:

— Профессор Света поведет нас в Восточный Посад, он хочет проверить, как там шрайки. Ходят слухи о появлении нового выводка.

Плут вздрогнул. Одно упоминание о Восточном Посаде вызывало у него ужас.

— А ты не боишься возвращаться... туда? — спросил он.

— У меня нет выбора, — тихо сказала Магда. — Но со мной будет мой «Мотылек» и Профессор Света, конечно. А он лучший Библиотечный Рыцарь эпохи.

— Жаль, у меня больше нет «Буревестника», — вздохнул Плут, вспомнив свой небоход, навсегда остав-

шийся в Тайнограде. — Я бы мог полететь с тобой, а не ошиваться здесь.

— Феликс Лодд здесь и не жалуется, значит, и ты не должен, — попыталась сменить тему Магда, но Плут видел, что девушка страшно огорчена предстоящей разлукой.

— Меня здесь тоже не слишком жалуют, — мрачно выдавил Ксант.

— О чем это ты? — осторожно спросил Плут.

— Я же предатель, — горько усмехнулся Ксант. — Или ты забыл? Я был Стражем Ночи. Я плел интриги и шпионил. По моей вине многие храбрые Библиотечные Рыцари лишились жизни. По моей вине *вы* чуть не погибли на Опушке Литейщиков.

— Это в прошлом. Стражей Ночи больше нет, — отрезал Плут, — они сгинули в Нижнем Городе. К тому же, Ксант, ты изменился. Я знаю это и расскажу всем, кто захочет слушать.

— И я тоже, — горячо прибавила Магда. — Ты спас меня от Стражей, Ксант. Я никогда этого не забуду. — Она ободряюще улыбнулась.

Буря никак не унималась, наоборот, казалось, что она никогда не закончится.

— Я боюсь смотреть библиотекарям в глаза, — пробормотал Ксант. — Я вижу в них лишь недоверие и ненависть. Они смотрят на меня как на предателя, на врага.

Магда нежно обняла Ксанта.

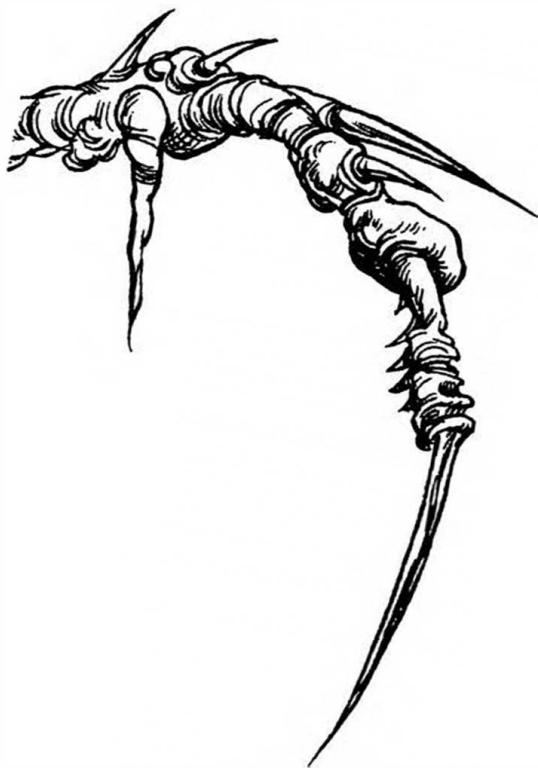
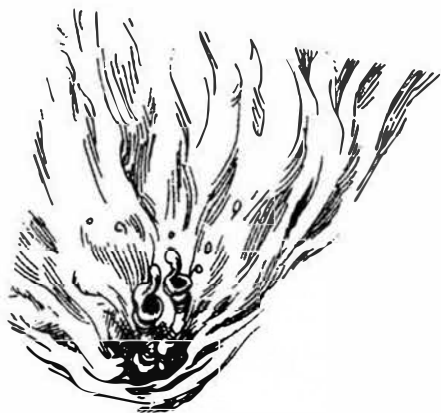
— Но, Ксант, зато твои друзья знают, — прошептала она, — что у тебя доброе сердце.

От нового грохочущего раската повозка затряслась так, что чуть не отлетели колеса.

ГЛАВА ТРЕТЪЯ

ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ ТОПИ

рассветом ветер стих, гроза прекратилась, сквозь облака просочились первые солнечные лучи, и наступила долгожданная тишина. Плут протер глаза и огляделся по сторонам. Утро казалось нереально безмятежным.

Он перевернулся на живот и, решив не будить крепко спящих друзей, попытался выбраться из убежища. Однако оказалось, что это совсем непросто. Что-то снаружи мешало Плуту. Юноша поднажал, раздался треск, и соломенный покров поддался. Плут высунул голову и опешил.

— Небо и Земля! — ахнул он.

Наскоро сооруженный лагерь из палаток и повозок являл собой некую холмистую местность. Время от времени какой-нибудь холмик начинал трястись, потом лопался, и наружу выбирался кто-нибудь из проснувшихся горожан или библиотекарей. У каждого на лице застыло такое же изумление, что и у Плута.

— Плут? — сонно позвала Магда. — Что там снаружи? Буря закончилась?

— Вылезай и увидишь сама, — бросил юноша через плечо. — Это надо видеть!

Магда и Ксант подползли к другу, высунули головы и ошалело воззрились на открывшуюся картину.

— Глядите! — воскликнул Плут, указывая на смутно различимый горизонт.

— Что? — завертела головой Магда, на четвереньках вылезая из убежища. — Я ничего не вижу.

— Вот именно! — провозгласил Плут, выползая следом. — Дорога пропала!

Ксант выбрался наружу последним. Почти все импровизированные холмы уже были разрушены, каждый стремился поскорей вылезти из мрачной темницы на белый свет.

— Ты прав, — выдохнул Ксант, проследив за взглядом Плута.

Дорога, бежавшая через Топи еще вчера, исчезла. О ней напоминали только обломки свай и столбов, валявшиеся тут и там, как кости гигантской болотной рыбы. К небу потянулись тонкие завитки дыма — это оправившиеся от шо-

ка горожане разводили костры, чтобы приготовить завтрак.

Ксант и Магда выбрали по палке и принялись разгребать песок, пытаясь отрыть повозку. Сделать это было нелегко, почва была мокрой и плохо поддавалась.

— Эй, Плут! — позвал Ксант. — Помоги нам!

Но Плут не слушал друга. Он во все глаза глядел на останки великого инженерного чуда. Дороги через Топи больше не было. Дороги, по которой он путешествовал еще юнцом...

Перед ним всплыло мясистое лицо Вокса Верликса — гениальнейшего архитектора и строителя в Крае. Дорога через Топи была его лучшим произведением, настоящим шедевром в сокровищнице его масштабных проектов. Но ее, так же как Башню Ночи и Санктафраксов Лес, отобрали другие, влиятельные силы, вогнав бывшего Высочайшего Академика в безысходную печаль. И он, как обиженный ребенок, стал ломать эти свои игрушки, призвав на помощь бури и ветра. Эта обида разрушила Нижний Город, эта обида погубила его самого.

Плут тряхнул головой и опустил глаза. Вокс Верликс, Нижний Город, Дорога через Топи — все это было в прошлом. Пути назад не было. Теперь бездомных горожан и библиотекарей ждала другая судьба. И она ждала их в Вольной Пустоши.

— Снова витаешь в облаках!

Звук этого голоса вывел Плута из оцепенения. Перед ним в неизменно блестящем зеленом летном костюме стояла Варис Лодд. Плут склонил голову.

— Капитан! — поприветствовал он ее.

Варис положила руку на плечо юноше.

— Мне бы хотелось взять тебя с собой, Плут, — ласково сказала она. — Но тебе придется подождать нашего возвращения. Ты нужен здесь. Береги свитки. Твоя задача не менее ответственна, чем наша.

Плут кивнул и грустно улыбнулся.

— Ну, где же твоя подруга? — Варис завертела головой и заметила Ксанта. Плут ясно видел, как в ее взгляде появился холод.

Ксанти, конечно, тоже это заметил, потому что попятился, опустил глаза и уставился на свои грязные сапоги.

— Ксанти! — рассмеялась Магда, все еще пытавшаяся откопать повозку. — Не лентяйничай. Ты впрямь как Плут... — Она оглянулась, увидела Варис, посерьезнела и почтительно опустила голову.

— Капитан.

— Отряд ждет тебя, Магда, — сказала Варис, сделав вид, что не заметила Ксанта. — Прощайся со своими... друзьями и в путь.

Магда коротко кивнула и по очереди обняла Плута и Ксанта.

— Берегите друг друга, — попросила она. — Обещайте мне.

Юноши пообещали, но лицо Ксанта казалось пепельным, а голос сошел на шепот.

— Все будет хорошо, Ксанти, — заверила его Магда. — В Вольной Пустоши мы с Плуту замолвим за тебя словечко, да, Плут?

Плут закивал.

— Ладно, проводите-ка меня, — попросила девушка, пытаясь говорить как можно беззаботней.

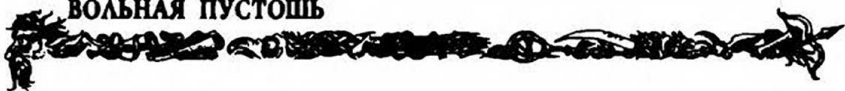
— Я останусь здесь, — пробормотал Ксанти. — Иди, Плут, а я пока откопаю повозку.

Магда еще раз обняла Ксанта и повернулась к Плуту.

— Пойдем, — поторопила она.

Плут стал пробираться следом за девушкой через гудящую толпу к небоходам. Небесные кораблики все так же болтались на привязях, столбы, к которым они были привязаны, благополучно пережили бурю. Две эскадрильи уже были готовы к отлету. Молодые Библиотечные Рыцари ожидали только сигнала командиров.

Плут молча смотрел, как Магда садится в седло «Мотылька», разворачивает паруса, поправляет балласты, освобождает канаты. У Плути было такое чувство, как будто на плечи навалилась каменная

глыба, а сердце сжималось от тоски. Он сглотнул, но в горле продолжал стоять комок. Над толпой возбужденных зевак он заметил Варис Лодд и Профессоров Света и Тьмы — каждый во главе своей эскадрильи.

Наконец последний Библиотечный Рыцарь оседлал свой небоход. Варис Лодд воспарила в высоту на своем «Ястребе» и взмахнула рукой.

Конечно, Библиотечные Рыцари знали, что это сигнал для отлета эскадрильи в Вольную Пустошь.

Мгновение — и в небо взмыли, словно птицы снежки, триста небоходов. На какой-то миг они зависли в воздухе, расправляя паруса. Пилоты аккуратно оснащали балансиры, болтающиеся как бусы.

Профессор Тьмы также сделал руками несколько причудливых пассов, и в воздух поднялась следующая эскадрилья. Ее конечной целью были Сумеречные Леса. Теперь в небесах парило около шестисот небесных корабликов.

Наконец сигнал подал Профессор Света. Правая рука с тремя расставленными пальцами легла на ле-

вое плечо, и новая эскадрилья оторвалась от земли. Среди этих Библиотечных Рыцарей была Магда.

Словно огромный рой красивейших бабочек, девять сотен небоходов пронесли над головой Плута.

— Ох, «Буревестник», — пробормотал он, чувствуя, как разрывается сердце. — Как же я скучаю.

Плут проводил Библиотечных Рыцарей взглядом, во рту у него пересохло, грудь как будто сжимали стальные тиски. А небоходы, поймав попутный ветер, скрылись под одобрительные крики горожан и библиотекарей, салютующих храбрецам.

Вскоре небесные кораблики превратились в крохотные точки. Крики смолкли, и жители, приуныв, вернулись к неприятному занятию — раскопкам. Плут вздохнул. Ему тоже было невесело.

Конечно, он понимал, что, в холодных, ветреных Краевых Пустошах небоход был бы бесполезен. Знал, что небезопасный полет товарищей в Вольную Пустошь за подмогой — разумное решение. Знал, что расставание будет недолгим и они снова встретятся у Свинцовой Рощи. Знал, но все равно чувствовал себя совершенно покинутым.

Вдалеке виднелись Сумеречные Леса. Над ними отряд разделился на три равные части. Один полетел на север, второй на юг, третий продолжил долгий путь на запад, к Дремучим Лесам. Вскоре даже точки пропали из виду, и толпа зрителей, тихо переговариваясь, начала таять.

Плут постоял еще немного, вздохнул и неспешно побрел назад к Ксанту. Лагерь уже сворачивался, впереди всех ждал долгий и трудный путь. Слева

гремели чьи-то отрывистые команды, и юноша заметил капитана Грифа, расхаживавшего между палатками и телегами с поднятым рупором.

— Всем приготовить резиновые сапоги и посохи! — отдавал он распоряжения. — И запастись щитами. Тем, у кого их нет, срочно соорудить. Вокруг полно досок.

Лагерь лихорадочно зашумел. Троги, тролли, гоблины, Духи Тайнограда и библиотекари привязывали к сапогам шершавые доски, обрубали палки до необходимой длины, изготавливали косые щиты в надежде, что те защитят их глаза от травм.

— Заколотить все коробки и ящики! — не унимался Гриф Мертвая Хватка. — Достать факелы! Заменить колеса на полозья!

Снова раздался стук, треск и скрежет. Вскоре вместо колес у телег появились полозья, способные, будь на то воля Неба и Земли, проехать по вязким Топям.

— Владельцы зубоскалов, проверьте упряжь! — Капитан Гриф деловито вышагивал по оживленному лагерю. — Остальным придется самим впрячься в повозки. И помните: нужно тянуть, а не толкать! — Его взгляд упал на ежеобразов, уныло стоявших возле неглубокого оврага. — Ежеобразы не должны, я повторяю, не должны тащить повозки. Они просто утонут. Соедините их в цепочку и ведите за собой! — Капитан Гриф подбоченился и огляделся вокруг. — И поживее! — прогремел он. — Мы отправляемся в полдень!

Плут застал Ксанта возле обломков повозки, доски которой пошли на изготовление щитов, в окружении четырех огромных, пушистых перепачканных существ.

— Я не понимаю ни слова из того, что они говорят, — рассмеялся Филатайн.

— Вумеру! — радостно воскликнул Плут.

Толстолапиха обернулась.

— Вурра-лурра! Уралова леера-ву! — проревела она, сопровождая свою речь плавными и очень изящными для столь крупного зверя движениями. — *Плут, приветствую тебя — того, в кого попала отравленная палочка. Мы рады, что ты вернулся.*

— Вух-вух! — ответил Плут, легонько касаясь своей груди. Как сладок был для его ушей воркую-

щий язык толстолапов. — Вурра-веег, велеера-ловах. *Я приветствую вас, друзья. Мы вместе продолжим путь.*

— Вурра-веег, вурра-вух! — ответили толстолапы, обступившие Плута со всех сторон. Здесь была Вура-ло, которую он спас на Опушке Литейщиков, а также Виг с его знаменитым глубоким шрамом, пересекающим все плечо, и старая добрая Моллин с единственным клыком, поблескивающим на солнце.

— Что они говорят? Ну что? — спрашивал Ксант, от любопытства пританцовывая на месте.

— Они говорят, — рассмеялся Плут, — что обыскивали лагерь и хотели спросить тебя обо мне, но ты не понял ровным счетом ничего. Моллин думает, ты глуповат, но в этом нет твоей вины. Все дело в том, что волосы у тебя слишком короткие.

Ксант расхохотался, и толстолапы присоединились к его смеху.

— Скажи Моллин, — попросил он, — что ради нее я готов отпустить волосы.

Только когда солнце на белесом небе засияло в полную мощь, в лагере воцарилось некое подобие порядка.

Телеги были набиты поклажей, мешки — добром, а повозки, запряженные зубоскалами, — ценными библиотечными свитками и манускриптами.

Еще часом раньше по приказу капитана Грифа горожане разбились на группы по двенадцать человек и обвязались веревками. Теперь они под руководством воздушных пиратов построились в большую колонну. В середине оказались библиотекари

и семьи с детьми, во главе встали воздушные пираты, замыкали шествие Духи Тайнограда. Плут, Ксант и толстолапы шли за последней книжной повозкой.

Сзади их окликнул Феликс Лодд:

— Удачи, Плут! Смотри, как бы твои лохматые друзья не отдавили зубоскалам хвосты! — Звонкий хохот Феликса разнесся по Топям.

Плут улыбнулся. Жаль, что ему не хватает отваги и жизнерадостности старого друга.

Мимо них с высоко поднятым мечом в одной руке и рупором в другой прошествовал Гриф Мертвая Хватка. Плут поднял шарф, укрывая глаза от ослепительной белизны, сияющей впереди, сердце болезненно сжалось. В небе кружили белые вороны. Их мрачные крики эхом разносились по Топям, напоминая Плуту о том, что путь будет долог.

— ШАГОМ МАРШ! — скомандовал воздушный пират, став во главе колонны.

Колонна пришла в движение, сначала тронулся первый ряд, второй, третий, и вскоре уже все пираты, горожане, библиотекари и Духи зашагали по вязкой грязи. Плут, Ксант и толстолапы дружно шли в ногу. Впереди маршировали крох-гоблины и троллинесуны. Доски, прикрученные к сапогам, не позволяли им провалиться в липкую жижу.

Но, несмотря на все облегчающие путь приспособления, идти было отнюдь не легко.

Вскоре многие стали выбиваться из сил. У стариков ныли хрупкие кости, у детей ныли неокрепшие мышцы. Позади повозок с книгами шли Фенбрус Лодд и

Каулквейп Пентефраксис. Верховный Библиотекарь ежеминутно проверял исправность упряжи зубоскалов и страховочные тросы...

— Нужно все сохранить, — бормотал он. — Каждый том, каждый трактат, каждый свиток.

Они шли целый день до самого заката. Но вот небо заволокли темные облака, подул холодный ветер, и Плут поднял воротник повыше.

Впереди загремел голос капитана Грифа:

— Шире шаг! Останавливаться нельзя, слышите, салаги! Сомкните ряды!

Вскоре землю покрыла мгла, начался дождь, крупные капли пробивали вязкую грязь. Колонна заволокалась. Бедолаг ожидало тяжелое испытание.

— Вперед! — Властный голос пирата перекрывал свист ветра и громовые раскаты.

Его призывы вызвали недовольство промокших, отчаявшихся горожан, теряющих силы с каждой секундой.

— Он сказал — вперед? — взволнованно пробормотала дородная крох-гоблинша, оглядываясь на своих еле плетущихся домочадцев.

Глыботрог, идущий слева от нее, угрюмо кивнул и поднял факел повыше.

— Вперед, — подтвердил он.

Плут совсем выбился из сил, он промок и проголодался. Рядом шлепали по грязи толстолапы, Ксант то и дело терял равновесие и оскальзывался на предательской слякоти.

Все чувства Плута притупились. Он больше не думал о том, что его ждет. Будущего и прошлого не

существовало. Сейчас имело значение только настоящее. Только этот бесконечный путь по Топям.

Шаг, второй, третий...

Ночь прошла в холоде, поте и грязи. Спустия, казалось, целую вечность забрезжил серый рассвет. Несмотря на яростные приказы капитана Грифа, горожане и библиотекари едва передвигали ноги, многие от усталости уже стали падать. Еще чуть-чуть, и колонна превратится в бесформенную толпу, непослушную никаким приказам.

Наконец прозвучала долгожданная команда.

— Строй, ать-два! — крикнул капитан. — Привал на один час! Не больше! Иначе мы станем наживой для хищников.

Облегченно вздохнув, строй распался. Горожане разбились на группы и разбрелись, тесно прижимаясь друг к дружке, спасаясь таким способом от пронизывающего ветра.

Плут и Ксант, примостившиеся возле теплых Моллин и Вумеру, мерзли не так сильно, как остальные, но все равно было знобко.

— Никогда не думал, что скажу эти слова, — грустно улыбнулся Ксант. — Но я уже скучаю по Нижнему Городу. Неужели здесь можно жить?

Плут не ответил, он смотрел мимо Ксанта вдаль.

— Сумеречные Леса, — прошептал он.

Здесь, в холодных, бесплодных Топях, мерцающий свет, исходящий от Сумеречных Лесов, казался особенно притягательным. Сумеречные Леса — чарующее, соблазнительное и вместе с тем ужасное место, лишаящее разума, но сохраняющее жизнь, даже

когда погибает тело. Теплые, манящие, сверкающие деревья казались волшебными. А укромные уголки и густые чащобы обещали спрятать от пронизывающего ветра.

Ксант положил руку Плуту на плечо.

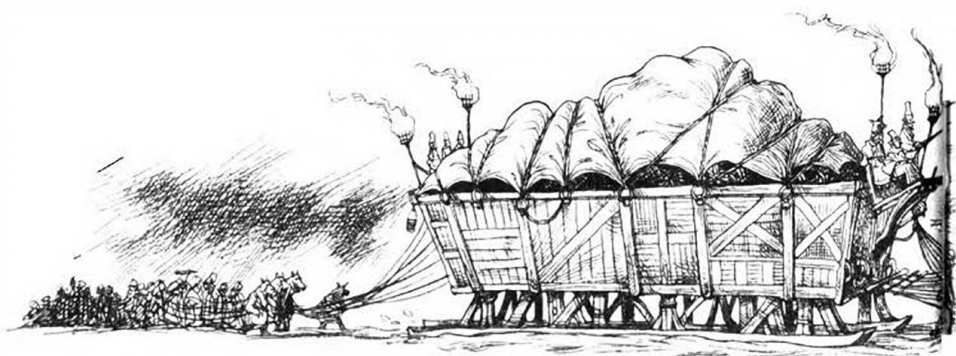
— Даже не думай об этом, — твердо сказал он. — Это дорога к гибели... *Живой* гибели!

Плут опустил глаза и тряхнул головой.

— Я знаю, знаю, — произнес он. — Просто... эти леса такие...

— Притягательные, — закончил за него Ксант. — Я понимаю, что ты хочешь сказать. — Он содрогнулся от прикосновения колючего ветра, но в следующий миг уже был на ногах. — Моллин нет! — вскричал он, отчаянно размахивая руками. — Моллин! *Вернись!*

Плут тоже подскочил. Старая толстолапиха отвязала веревку и теперь, спотыкаясь, неслась по грязи к Сумеречным Лесам, не сводя с них одержимого взгляда.

— Веег-ворралеег! Веера вух-вух! — в отчаянии закричал Плут. — *Вернись, моя подруга, тебя ждет погибель!*

Вумеру, Вурало и Виг тоже зашлись тревожными криками:

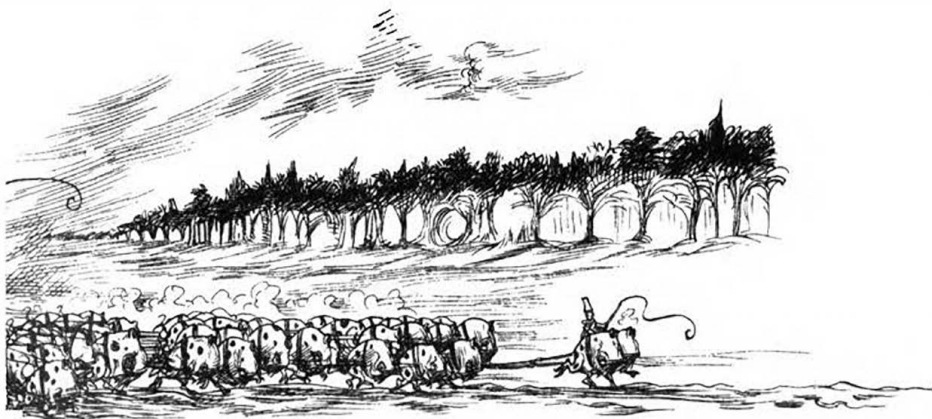
— *Вернись, подруга! Вернись!*

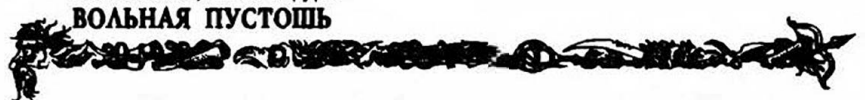
Но старая толстолапиха не обращала на них никакого внимания. И она была в этом не одинока. Некоторые горожане тоже развязали соединительные веревки и бросились по направлению к Сумеречным Лесам.

В следующий миг раздался голос капитана Грифа:

— Колонна, стройся. Шагом марш, если хотите дожить до следующего рассвета! Шагом марш, я сказал! И глядите вперед, паршивцы!

Повозки с фолиантами и свитками тронулись. Плут, Ксант и оставшиеся толстолапы ринулись вслед за Моллин, но тут же попадали. Веревка, прикрепленная к катящейся впереди телеге, не пускала их. Плут отчаянно забрыкался.

— Моллин, подожди! — взмолился он. — Мы с тобой!

— Вернись в строй! — прогремел Плуту в ухо знакомый голос, и перед глазами возникло искаженное от гнева лицо капитана Грифа. — Вернись в строй, или я порублю тебя на куски! — Он угрожающе взялся за рукоять сабли. — Поверь, я не шучу!

Плут замер, из его глаз хлынули слезы.

— Но Моллин, — прошептал он пресекающимся голосом. — Она наш друг, мы должны...

— Если вы побежите за ней, то погибнете, — отрезал воздушный пират. — Ее уже не спасти, поверь мне, паренек.

Плут нехотя вернулся в строй, толстолапы протяжно заскулили, Ксант удрученно покачивал бритой головой.

— Проклятие Небес! — выругался капитан. — Это я виноват. Подвел вас слишком близко к деревьям, разжалобился и позволил сделать привал. Остановок больше не будет. В путь! Или мы все погибнем!

Он проследовал в начало колонны, по пути раздавая приказы направо и налево. Плут зажмурился, постарался выкинуть из головы все мысли и сосредоточил внимание на ходьбе. Вскоре Моллин исчезла в Сумеречных Лесах, толстолапы проводили ее жалобным воем.

Колонна продолжала идти все серое пасмурное утро и дождливый неласковый день. Больше не было слышно разговоров, да и пение идущих впереди пиратов смолкло. Тишину нарушало только усталое пыхтение зубоскалов и шлепанье сапог по жидкой грязи.

Хмурый день сменил тусклый вечер, ветер набирал силу, снова закапал дождь. Бедные переселенцы промерзли до костей.

— Это ветер с Краевых Пустошей, — сказал управлявший одной из повозок библиотекарь. — Мы, наверное, уже близко! — Он взмахнул хлыстом, чтобы подогнать чуть плетущегося зубоскала.

Веревка на поясе Плута натянулась, и юноше пришлось ускорить шаг. Отовсюду доносились проклятия и стоны спешащих за повозками горожан.

Внезапно раздался громкий хлюпающий звук. Плут поднял глаза. Земля слева начала вздыматься, потом оседать.

— ГОЛОВОНОГИ!

Крик доносился из хвоста колонны. По всей видимости, Духи первыми осознали опасность.

Веревка потянула Плута резко вправо, видимо, библиотекарь натянул вожжи, пытаясь сдерживать встревоженных зубоскалов. Остальные повозки тоже круто развернулись. Но хищники решили поохотиться на ближайших к ним зубоскалов.

Словно из ниоткуда рядом с Плутом возникли Феликс и его подчиненные. Фенбрус Лодд пронзительно закричал своему сыну:

— Библиотечные повозки, Феликс! Они их сожрут!

Зубоскалы устремились вперед, Плут, Ксант и толстолапы, привязанные к повозке, волоклись следом по грязи.

— Перережьте веревки! — заорал Феликс Плуту. — И бегите на свет факелов!

Поднатужившись, Плут сорвал с себя страховку и повалился на землю.

— Туда! — закричал ему в ухо Ксанти.

Плут поднял глаза и увидел капитана Грифа, забравшегося на холм и яростно размахивающего факелом.

— Ко мне, горожане! — ревел он. — Ко мне, библиотекари!

Повозки со свитками занесло вправо, испуганные крики зубоскалов потонули в воплях возниц. Земля колебалась, сквозь пелену грязи уже можно было различить силуэты злобных головоногов.

Запыхавшийся Плут подбежал к капитану Грифу, вокруг которого уже собрались заляпанные грязью горожане. Ксанти и толстолапы тоже слились с толпой.

— За тем пригорком начинаются Краевые Пустоши, все туда! И поможет нам Небо! — Воздушный пират указал на сереющий гребень. — Сначала женщины и дети!

Толпа, спотыкаясь, бросилась вперед. Глаза всех были прикованы к отдаленному пригорку.

Все как один хотели поскорее выбраться из липкой, опасной грязи и встать на твердую почву. Чьи-то руки отталкивали Плута в сторону, чьи-то локти пытались отбросить его с дороги.

— Слышал Грифа? — закричал Ксант. — Давай же, Плут. Тут недалеко!

Но Плут покачал головой.

— Я Библиотечный Рыцарь, — тихо сказал он, и его слова утонули в шуме ветра. — И должен охранять Большую Библиотеку.

Он развернулся и быстро пошел назад к повозкам. Ксант и толстолапы застыли на месте. Было видно, что сейчас они охотнее всего влились бы в припустившую наутек толпу. Разум подсказывал им бежать, бежать без оглядки из этой топкой грязи.

— Мы с тобой! — окликнул друга Ксант.

Все вместе они стали продираться сквозь плотные ряды горожан обратно в Топи. Зубоскалы с библиотечными повозками и голодные твари продолжали бешеную гонку. Возницы ожесточенно размахивали руками, пытаясь докричаться до Духов. А те, не обращая никакого внимания на библиотекарей, перерезали вожжи из тильдячьей кожи, которыми повозки были прикреплены к зубоскалам.

— Прекратите! Прекратите! — истошно вопил Фенбрус Лодд, сидевший в одной из повозок. Но Феликс орудовал ножом, не обращая на отца никакого внимания.

На какой-то миг под натиском Духов Тайнограда прожорливые скользкие твари остановились, но через мгновение продолжили преследование.

Плут замер на месте. Еще несколько шагов — и они окажутся в самой гуще головоногов. Юноша горестно покачал головой. Они ничего не могли поделать, оставалось лишь с ужасом наблюдать за происходящим. Плут повалился на колени в холодную, липкую грязь. Как же он ненавидел эту скользкую жижу, затягивающую свою жертву вглубь, высасывающую жизнь, отнимающую последние силы, еле теплившуюся надежду...

Но тут топкая земля разверзлась. Феликс перерезал последнее поводье и дал сигнал к отступлению. Визжащие от ужаса зубоскалы — все двести пятьдесят особей — остались наедине с диким врагом.

И наконец на поверхность вылезли они — головоноги. Затаив дыхание, Плут остолбенело смотрел на чудовищ. Последний раз он видел головонога в подземной канализации Нижнего Города, но тот по сравнению с возникшими перед ним монстрами казался почти ручным. Каждый зверь, размером с хорошего самца ежеобраза, размахивал крепкими лапами и бил мощным хвостом по жидкой грязи, звучно вытягивая хлюпающим носом воздух.

Испустив пронзительный вопль, мерзкие твари набросились на беззащитных зубоскалов и в считанные секунды разорвали их на кусочки своими острыми когтями. Белые Топи вмиг обагрились кровью. Головоноги приступили к кровавому пиршеству.

— Ну, давайте спасать вашу Библиотеку!

Голос Феликса вывел Плута из оцепенения. Молодой Лодд помогал ошарашенным библиотекарям вылезти из повозок и раздавал им вожжи.

— Времени у нас мало, — торопливо приговаривал Феликс. — Чудища скоро вернутся.

— Скорее, друзья мои! — умолял Каулквейп. — Нужно вытащить повозки из Топей.

Плут, Ксант и толстолапы бросились на подмогу. Появление мощных Вурало, Вига и Вумеру приободрило библиотекарей.

— Благодарение Небесам! Вы пришли! — бросился к ним один возница. — Выбирайте повозки, мы постараемся не отстать!

Библиотекари, Духи и толстолапы впряглись в повозки вместо зубоскалов и медленно побрели в сторону серого пригорка, на котором мерцали, как маячки, лиловые огни. Вслед им несло утробное урчание насытившихся головоногов.

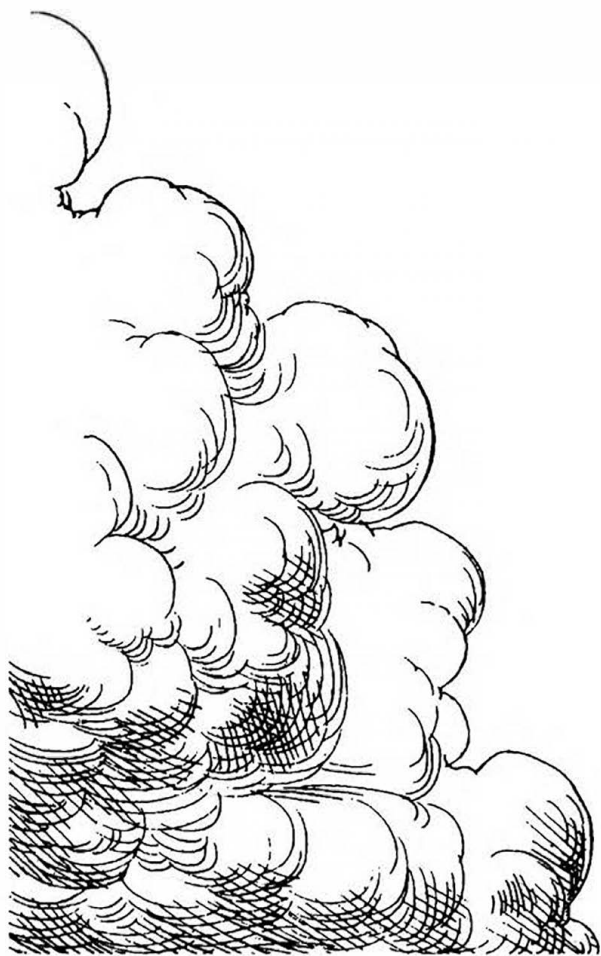
«Ать-два, — повторял про себя Плут, тяжело переставляя ноги. — Три-четыре»...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

КРАЕВЫЕ ПУСТОШИ

огда измученные библиотекари перетаскивали через пригорок последнюю повозку, стояла уже глубокая ночь. Там, на твердой земле Краевых Пустошей, их радостно приветствовали горожане. В котелках кипела похлебка, весело позвякивали фляжки с дубовином. Переселенцы сидели вокруг костров небольшими группами, некоторые, вконец измотанные трудным переходом через Топи, спали прямо на земле.

Плут протер глаза и огляделся по сторонам. На юге, маня золотом, светились Сумеречные Леса, на севере Край обрывался, представляя изумленному взору любопытных черную пропасть. Оказавшиеся между этими двумя жестокими врагами, горожане, библиотекари, воздушные пираты и Духи готовились ко сну. Вверх, закручиваясь спиралями, поднимался густой туман, то обнажая, то скрывая от глаз полную луну.

Плут принял из рук дородной крох-гоблинши чашку бульона и присел возле костра, у которого уже ужинали толстолапы и несколько библиотекарей — писари и факельщики. Ксант сидел с совершенно потерянным видом, потупив взор. Плут заметил, что так происходило всегда, когда рядом были библиотекари.

Вокруг тем не менее бурлила жизнь: горожане ставили палатки, сооружали тенты, варили в котлах сытный ужин. Многие обменивали мясо на хлеб и эль из дубояблочника на воду. Дети уже видели десятый сон, а родители готовились к утреннему маршброску, надеясь поспать этой ночью хотя бы несколько спокойных часов.

Эта совместная работа придавала горожанам уверенность. В толпе каждый ощущал себя в безопасности и оттягивал момент, когда придется опустить голову на походную подушку и остаться один на один со сном. Именно ночью призраки Краевых Пустошей прокрадывались в сны, неся смуту и кошмары...

В костры тем временем подбрасывались все новые лафовые поленья. Ежеобразы получили корм и питье. Вместо грязных полозьев на телеги и повозки снова были установлены колеса. Плут мельком заметил, что торговля талисманами, как в старые добрые времена, идет полным ходом. Тролли, трогли и гоблины наперебой расхваливали свой сомнительный товар.

— Амулеты! Амулеты из дуба-кровососа! — вещал коренастый лесной тролль, потрясая связкой красных резных медальонов. — Гарантированно отгоняют любых злых духов.

— Кожаные обереги! — гундосил душегубец. — Костяные подвески! Дают мощную защиту от призраков и теней. Не подпустят даже Хрумхрымса.

— Щетинник и... *хлюп, хлюп...* ароматные шарики дикой горчицы, — расхваливала свой товар балаболка. Длинный язык так и норовил влезть ей в глаза. —

Щетинник и... *тлюп, тлюп...* ароматные шарики дикой горчицы.

— Без твоих друзей мы бы не справились. — Быстроглазый помощник библиотекаря по имени Гарулус Лексис весело хлопнул Плута по плечу.

Плут широко улыбнулся и перевел слова соседа на язык толстолапов.

— Вуг-веегла, лоора-веела-вух, — пропела Вумеру. — *Его слова насыщают мою душу, но живот остается пустым.*

— О, мы это вмиг уладим, — рассмеялся Гарулус, когда Плут перевел ему ответ толстолапихи, и исчез. Через несколько минут он появился вновь, таща невесть где раздобытый мешок живительных ягод и бочонок дубового меда. — Угощайтесь! — торжественно, с гордостью произнес он, протягивая лакомство толстолапам, которые тут же воодушевленно принялись за еду.

Ксант придвинулся к Плуту и плотнее закутался в плащ.

— А твой... э... друг что-нибудь будет? — спросил Гарулус, поко-

сившись на Ксанта с выражением легкого пренебрежения на лице.

— Нет, спасибо, — быстро ответил Филатайн.

Библиотекари, сидящие вокруг костра, многозначительно переглянулись.

Плут протянул Ксанту свою чашку.

— Держи, Ксант, — сказал он. — Я больше не хочу. Да ты попробуй, просто вкуснотища.

Ксант с улыбкой взял чашку из рук друга и быстро осушил. Библиотекари демонстративно отвернулись от него.

— И что же нам теперь делать? — заговорил Амбрис Лоппикс, младший факельщик. — Без зубоскалов от повозок нет толку.

— Не знаю, как вы, — сказал Квелтус Петрикс, помощник библиотекаря, — но я чуть не сорвал спину, пока тащил груз через Топи, даже несмотря на помощь друзей молодого Кородера.

Все согласно закивали.

— Мы не можем взять свитки с собой и не можем бросить, — печально покачал головой Гарулус. — Что это за библиотекари без Библиотеки?

— Вообще-то выход есть, — тихо сказал Ксант, и все уставились на него. — Я знаю, как перенести Библиотеку в Вольную Пустошь без повозок.

Амбрис фыркнул, Квелтус надменно отвернулся, а Гарулус сдвинул на нос очки и поджал губы.

— И что же это за чудо-способ? — ехидно спросил он.

— Каждому горожанину можно дать по свитку. Свитков примерно тридцать тысяч?

— Да, — неуверенно сказал Гарулус.

— И нас всех как минимум тридцать тысяч. Это если считать горожан, Духов, воздушных пиратов, библиотекарей...

— И одного Стража Ночи, — произнес Гарулус, смерив Ксанта холодным взглядом.

— Нет, подождите, это же... — Плут вскочил на ноги, но не успел он договорить, как из темноты выступил сухопарый старик — Высочайший Академик Каулквейп в сопровождении Фенбруса и Феликса Лоддов, обходящих с дозором лагерь.

— *Отличная идея.* — Каулквейп сделал рукой жест, приглашающий всех сесть. — Если мы раздадим всем переселенцам по свитку, получится настоящая ходячая библиотека, и мы сможем избавиться от этих громоздких повозок.

— А как же кафедры? — вмешался Фенбрус.

— Мы построим новые, друг мой! — ответил Каулквейп. — В первую очередь следует думать о свитках и манускриптах — они источник знаний. И Ксанта, в отличие от многих, об этом не забыл.

Фенбрус покраснел и закашлялся. Феликс расплылся в улыбку и хитро подмигнул Плуту.

— Нам нужно побыстрей разгрузить повозки и раздать свитки. Феликс, твои Духи могут этим заняться?

Феликс кивнул.

— А сейчас, — Каулквейп поглядел на библиотекарей, — Фенбрус должен кое-что вам сказать. Слушайте внимательно и передайте другим. Это вопрос жизни и смерти.

Фенбрус вышел вперед и снова откашлялся.

— Завтра нас ждет переход через Краевые Пустоши, — заговорил он. — Как Верховный Библиотекарь я проконсультировался с первоисточниками, чтобы узнать, что нас ожидает. Ошибки быть не может, — он мрачно оглядел присутствующих, — мы входим в район иллюзий и видений, там ваши глаза и уши могут сослужить дурную службу. С одной стороны нас будут окружать Сумеречные Леса, с другой — бездонная пропасть. Если ветер подует с обрыва, нам придется брести в холодном тумане. В нем легко заблудиться, сбиться с пути и направиться напрямиком в бездну.

Плут содрогнулся. Все взгляды были обращены к Фенбрусу.

— А если ветер изменится и подует из Сумеречных Лесов, безумие тех мест может повредить и наш разум.

— И что же делать? — прошептал Гарулус.

— К счастью, — продолжил Фенбрус, — идти недалеко, мы должны разбиться на пары и обвязаться канатом. Главное, не давать друг другу заснуть. Если ваш напарник вдруг замолчит, немедленно будите его, иначе призраки завладеют его разумом и все пропало. — Он сделал паузу. — Я бы хотел быть в паре со своим сыном Феликсом.

Он снова кашлянул, Феликс благодушно кивнул.

— А я надеюсь, — заговорил Каулквейп, — что ты, Гарулус, составишь мне компанию...

Гарулус поклонился. Библиотекари разошлись по лагерю, чтобы сообщить товарищам новости. Плут почувствовал, как на плечо ему легла рука.

— Плут, ты бы не мог?.. — пробормотал Ксанти.

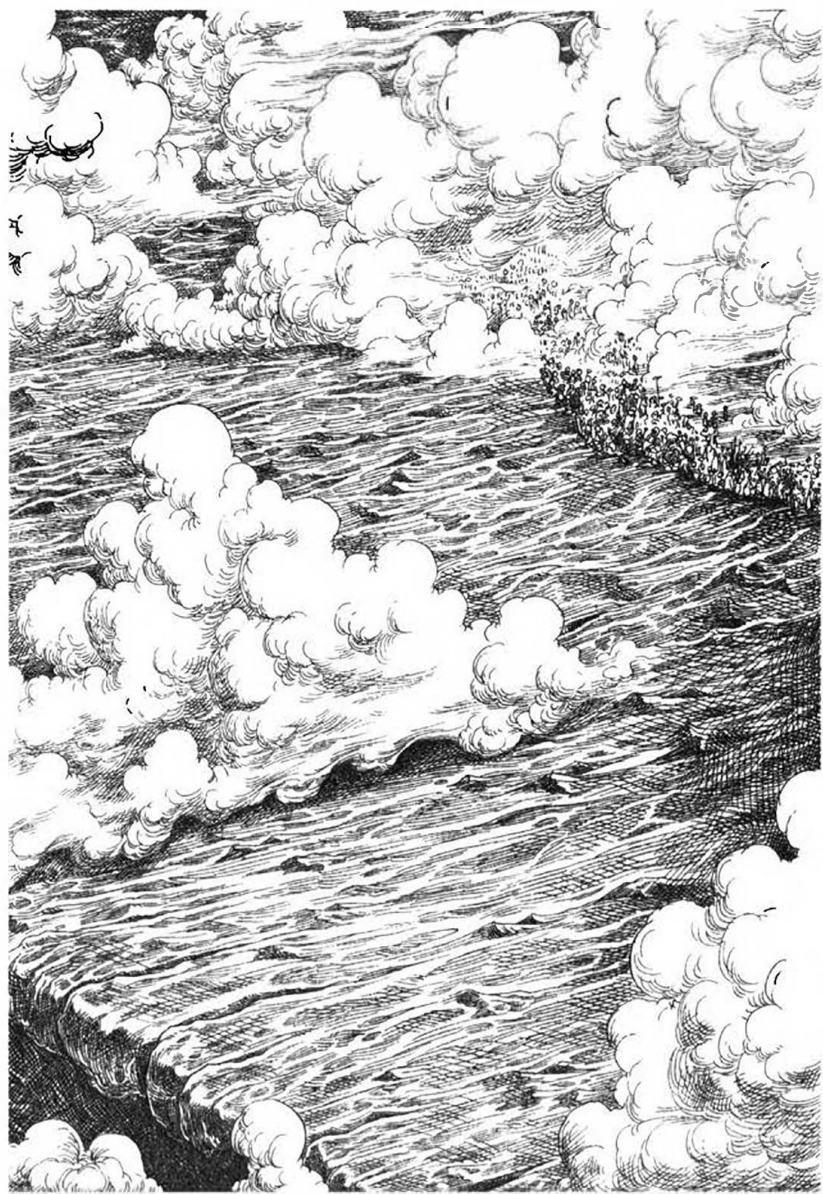
— Почту за честь! — Плут тепло улыбнулся другу.

— А потом, Ксанти? — спросил Плут. — Что было потом? Ты что, забыл? Умолкать нельзя.

— Помню, помню, — еле слышно проговорил Ксанти. — Но я так устал. — Он тяжело вздохнул. — Ладно, слушай, потом я стал его учеником. Учеником самого Верховного Стража Ночи, Орбикса Ксаксиса! Теперь мне все это кажется сном...

В ту ночь никто в лагере не выспался. Каменная твердь мало походила на перину, а холодный ветер рассекал воздух подобно наточенной косе. Еще до рассвета все переселенцы собрали пожитки, разбились на пары и перевязались веревками. Феликс Лодд и его Духи выстроились возле библиотечных повозок и раздавали подходящим к ним по очереди горожанам свитки, манускрипты, трактаты. Теперь каждый нес с собой маленькую частицу Большой Библиотеки.

Взошло молочно-белое солнце, но его едва удавалось разглядеть в густых кольцах вьющегося тумана. Переселенцы медленно шли вперед, их тени казались невероятно огромными, вытянутыми. Мерный гомон голосов дополнял скрип колес, переселенцы не за-

крывали рта, пытаясь таким способом защититься от призраков Краевых Пустошей.

— А еще он носил эту глупую маску, — усмехнулся Плут.

Ксант натянуто улыбнулся.

— У Орбикса Ксаксиса была масса предрассудков, — промолвил он. — Он купался только при полной луне, никогда не ел тильдятины в месяцы, в названиях которых отсутствовала буква «р», и был уверен, что в воздухе полно мелких паразитов, вызвавших Каменную Болезнь.

— Он винил в этой напасти библиотекарей? — спросил Плут. — Думал, мы занесли ее из Дремучих Лесов. Вот почему он убил столько наших людей!

— Орбикс был безумцем, теперь я это отлично понимаю. — Ксант нахмурился и помрачнел. — И все эти ужасные церемонии Очищения! Страшно подумать, сколько библиотекарей и горожан мы принесли в жертву. И во имя чего? — Он покачал головой. На этот вопрос не было ответа. — Орбикс Ксаксис был сумасшедшим, да проклянут Небеса его жестокую душу...

— Ксант! — выдохнул Плут, озираясь по сторонам. На какой-то миг ему показалось, что из тумана выступила тень Верховного Стража Ночи. — Не говори так, пока мы здесь.

Ветер, который выл не переставая с тех пор, как они ступили на скалистую почву, наконец стих. Густой туман прибило к земле, и теперь он лежал у ног, подобно белому одеялу.

— В детстве, когда мы жили в канализации, — стал рассказывать Плут, стараясь привлечь внима-

ние Ксанта и втянуть его в разговор, — я любил прятаться в большом пустом баке. Я мог сидеть там часами, читая при свете фонаря старые свитки... — Он нахмурился. — Ксант! — позвал он, решив, что друг впал в забытие. — Ты слушаешь?

— О да, — мрачно ответил друг.

Тут до ушей Плута долетели слова идущего рядом Амбриса Лоппикса:

— Говорят, он лично отбирал для пыток пойманных библиотекарей.

— А мне рассказывали, что он любил слушать крики пленников и называл их «музыкой», — подтвердил его товарищ.

— Ты знаешь, как лесные тролли отмечают Вудгисову Ночь? — громко произнес Плут, стараясь перекрыть мстительных библиотекарей. — Это описано в работе «Обычаи и традиции народов Дремучих Лесов». —

Плут погладил мешок, в котором лежал нежно любимый им свиток.

Ксант ничего не ответил.

— Сначала устраивается большая процессия с барабанами и трубами, все лесные тролли в смешных колпаках...

— А когда он стал шпионом... — продолжал Амбрис.

— Малыши раскрашивают лица, чтобы быть похожими на зверят. — Плут повысил голос. — И изображают свиномордов или лемкинов. Я даже видел одного лисацапа, тот тролль использовал для своего праздничного костюма перья и большой клюв...

— Он предал молодых библиотекарей, отправившихся в Вольную Пустошь...

Плут резко обернулся и гневно посмотрел на обидчиков. Впрочем, канат, связывающий его с Ксантом, все равно не позволил бы ему заткнуть им рот.

— По мне, так нет для него достойного наказания, — выплюнул собеседник Амбриса.

— Ничего. Они там, в Вольной Пустоши, сами решат, что делать с гнусным предателем.

— Не слушай их, Ксант. Они не понимают, что говорят, — произнес Плут, не отводя взгляда от библиотекарей.

— Прости, Плут. Я больше не могу, — с дрожью в голосе сказал Ксант. — Они правы. Я мерзавец... — Он смолк.

Плут поглядел на друга:

— Ты не мерзавец, Ксант. Ты... Ксант? Ты куда? Ксант! *Ксант!*

Но друг исчез, канат, связывавший их, валялся на земле.

— Ксанти, нет! — Плут быстро развязал узлы и кинулся вслед за другом. — Ксанти! Ксанти! Подожди! Вернись!

Позади раздавался тревожный вой толстолапов и вопли библиотекарей, уговаривавших его вернуться. Но Плут не мог бросить товарища. Просто не мог.

Поначалу он еще видел маячивший впереди силуэт Ксанта. Но скоро тот растаял в тумане. Бритоголовый юноша исчез, как птица снежник в белой метели.

— КСАНТИ! — закричал Плут.

Но в ответ услышал лишь эхо.

— КСАААААНТИ!

Эхо растаяло, и Плуту пришлось смириться с тем, что ответа не будет. Воцарилась тишина. Горожане, библиотекари, Духи и воздушные пираты исчезли, как и его друг. Плут остался один, совершенно один в клубящемся, обманчивом тумане Краевых Пустошей, с одной стороны лежала пропасть, с другой стояли Сумеречные Леса, а рядом не было никого, способного поддержать его.

Снова налетел ветер, но вместо туманной завесы он принес на этот раз тонкие завитки дымки. Плут наугад двинулся вперед по камням, пытаясь не подвернуть ноги. Но самое страшное — он стал слышать голоса.

Множество голосов. Они стонали, кричали, шептали.

— Сладких снов, мастер Плут, — свистели они у него в ушах, обдавая с головы до ног холодом. — Сладких снов...

ГЛАВА ПЯТАЯ

ГУБИТЕЛЬНЫЙ ВИХРЬ

Плут споткнулся и замер на месте, обливаясь холодным потом. Он тщетно пытался избавиться от навязчивых голосов. Он затыкал уши, горланил песни, пытался говорить сам с собой, но они

не затихали.

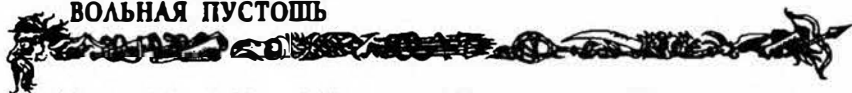
— Ксант! — позвал он, и теплый ветер унес его крик в Сумеречные Леса. — Ксант, где ты? — Он отвел руки и прислушался в слепой надежде, что друг ответит ему. Но вместо голоса Ксанта в ушах зазвучала тысяча чужих голосов — высоких, низких, угрожающих, печальных, — все голоса на свете, кроме одного-единственного — того, который он жаждал услышать.

— Ох, Ксант, — пробормотал он. — Не все библиотекари такие, как Амбрис Лоппикс. Зачем ты только поверил ему.

— Страж Ночи — всегда Страж Ночи, — шипели у него за спиной голоса. — Он предавал других, теперь он предал тебя.

— Это неправда! — выкрикнул Плут невидимому собеседнику. — Ксант изменился, теперь он один из нас!

— Один из нас, один из нас, — передразнивали его голоса.

Краем глаза Плут уловил черную тень, круто повернулся и увидел высокую фигуру в черном одеянии и металлической маске, напоминающей по форме свиное рыло.

— Орбикс? Орбикс Ксаксис? — выдохнул Плут. — Нет, этого не может быть, не может быть...

— Неужели? — прошептал холодный, жестокий голос, и белая вышивка — Хрумхрымса на черном фоне — оказалась рядом с остолбеневшим Плутом.

— Ты не настоящий, — ответил Плут, отступая назад.

— Ты в этом уверен, Библиотечный Рыцарь? — прошелестел голос. — Неужто так? — Верховный Страж Ночи разразился колючим хохотом и взмахнул костлявой рукой.

Тут же из клубящегося тумана выступили тени и призраки в таких же черных одеяниях с вышитыми на груди Хрумхрымсами. С каждой минутой их

становилось все больше и больше, вскоре Плут уже не мог охватить их всех взглядом. Перед ним стояла целая армия Стражей Ночи.

— Мы вполне настоящие, — тянули нараспев голоса. — Мы — твои самые темные сны!

— Самые глубокие страхи!

— Самые безумные кошмары!

Вышитые Хрумхрымсы зло скалились и сверкали бешеными глазами.

Верховный Страж поманил Плута костлявой рукой.

Юноша чувствовал, как в глубине сердце заворочался ужас, ужас шел из груди к самым кончикам пальцев, хватал за колени и лодыжки. Он пытался его побороть, но все усилия оказались напрасны. Плут ощущал себя как лемкин, замороженный убийственным взглядом хищной халитозной жабы. Страх парализовал его мускулы, и он не мог ничего поделывать, даже моргнуть...

— Нет, нет, нет, — бормотал Плут. — Помни, что сказал Фенбрус. Это просто сны, не более. Просто сны...

— Просто сны! Просто сны! — едко вторили ему тысячи голосов.

Плут больше не мог этого вынести. Он запрокинул голову и взвыл, как раненый зверь.

— Ксант! Ксант! *Ксант!*

Его крики утонули в гомоне насмешливых голосов. На какой-то миг тени отступили в туман, но Плуту было достаточно этого, чтобы вырваться из цепких лап страха. Не теряя ни секунды, он бросился бежать что есть мочи по скользким камням.

— Мне нужно выбраться отсюда! Мне нужно выбраться отсюда! — кричал он, наудачу передвигаясь в густых кольцах тумана.

— Прочь отсюда! Прочь отсюда! — звенели ему вслед голоса.

Плут метался из стороны в сторону, поскользываясь, спотыкаясь, страшась оступиться и упасть и в тоже время не в силах остановиться. Вскоре туман развеялся, и впереди забрезжило золотое свечение.

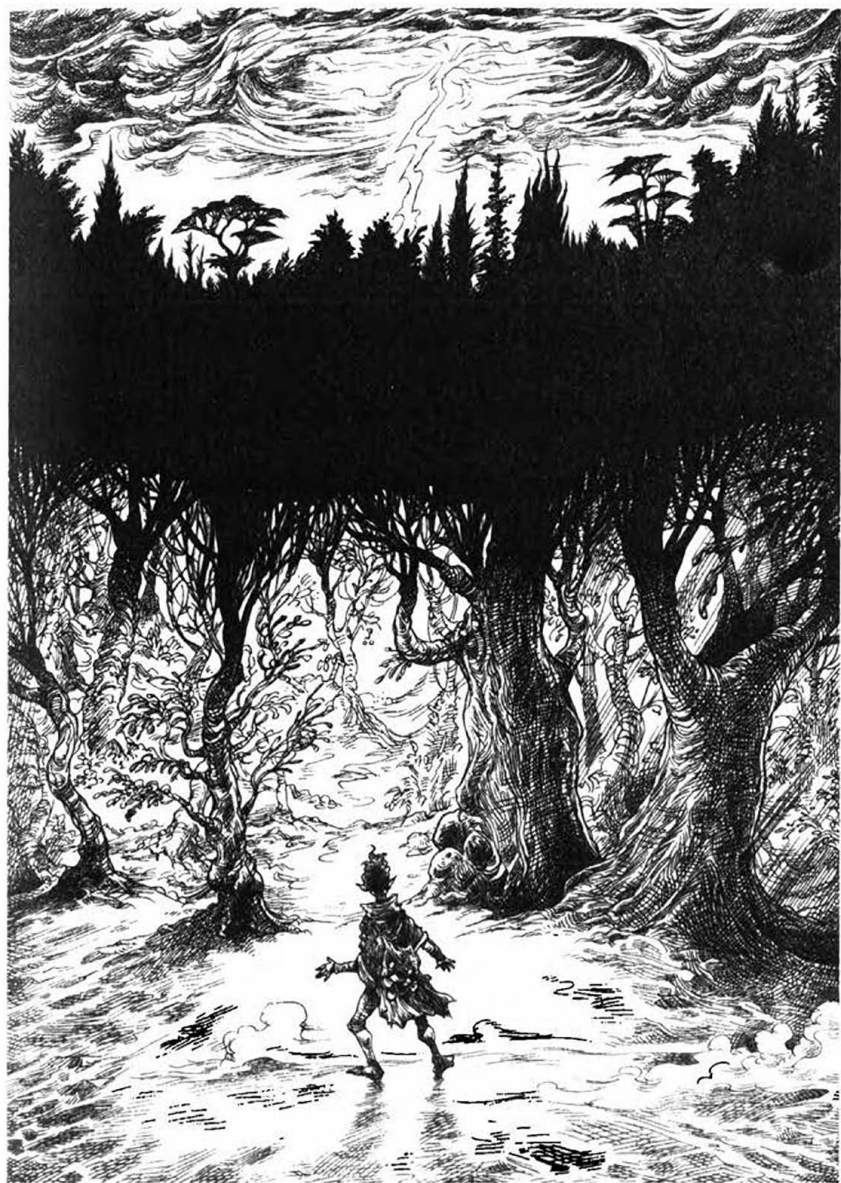
Плут резко остановился. Прямо перед ним тянулись к небу высокие деревья Сумеречных Лесов. Над лесом собрались густые темные тучи. Надвигалась буря, голубые разряды сверкали в воздухе, а от деревьев исходило неземное сияние, время от времени затеняемое туманной пеленой.

Сон это или явь? Грезы или иллюзии? Что перед ним — настоящие Сумеречные Леса или нет? Быть может, все, что он видит, плод измученного, лихорадочного воображения? Конечно, мираж, мираж очень похож на Сумеречные Леса, да и манящий шепот и сладкое журчание походили на лесной зов. Никогда еще Плуту так не хотелось войти под его сени.

Плут сделал еще один шаг и остановился.

— Там ждет гибель, — напомнил он себе. — Живая гибель.

Он уже собирался развернуться и снова войти в туман Краевых Пустошей, когда тучи с грохотом разверзлись и небо вспыхнуло ослепительным белым светом. Плут поднял глаза и увидел огромную, зигзагообразную молнию, вырвавшуюся из туч и обрушившуюся на золотистые деревья.

Мощный порыв ветра ударил юноше в лицо. Воздух наполнился ароматом жареного миндаля. Вытащив глаза и разинув рот, Плут глядел, как молния превращается в зигзагообразный кристалл и падает в лесную чашу. Юноша содрогнулся, пораженный увиденным чудом. Великая Буря, прилетевшая в Сумеречные Леса, как мотылек на огонь, разразилась мощнейшим электрическим разрядом, давшим жизнь прозрачному легендарному кристаллу, имя которому...

— Грозофракс, — выдохнул Плут.

Раздался грохот, без слов свидетельствовавший о том, что кристалл приземлился. Камни под ногами у Плути задрожали, и он повалился на землю. Сумеречные Леса, встревоженные Великой Бурей, втянули назад туман, который сами же выбросили в Краевые Пустоши. Мощный вдох живого леса коснулся Плути, и тот, отчаянно упираясь, полетел вслед за туманом.

Внезапно буря утихла, так же быстро, как и обрушилась. Плут вскочил на ноги. Туман рассеялся, и он смог оглядеться по сторонам в первый раз с тех пор, как его нога ступила в Краевые Пустоши. Он видел каменную твердь, простирающуюся на многие километры вперед, но...

Но колонны переселенцев нигде не было...

Вместо нее — сердце Плути пропустило удар, — да, вместо нее он заметил на вершине утеса юношу, отчаянно размахивающего руками.

— Плут! — Голос Ксанта эхом пронесся над скалистыми просторами. — Плут! Оглянись!

— Ксанти! — радостно выдохнул Плут и со всех ног бросился к другу.

— Оглянись! — надрывался Ксант. — Сзади!

Плут бросил беглый взгляд через плечо, туда, откуда слышался грохочущий, раскатистый звук, нарастающий с каждой секундой. В следующий миг огромная лавина пыли вырвалась из Сумеречных Лесов и растеклась по Краевым Пустошам подобно наводнению.

Волны губительной пыли двигались прямо на Плута. Одного взгляда на них было достаточно, чтобы понять: убежать невозможно. Ему никогда не обогнать этого стремительного врага. Приняв на себя всю силу молниевых ударов, Сумеречные Леса теперь изрыгали его плоды. Застыв на месте, Плут глядел, как ярко-коричневая пыль летит прямо на него.

— Ааа! — только и крикнул он, когда вихрь сбил его с ног и повалил на землю.

Стихия неистовствовала, терзая его, как тряпичную куклу, разрывая одежду, безжалостно волоча к бездне.

Все вокруг кружилось в пыльном вихре. Крошечные песчинки напоминали Плуту звезды, они лезли ему в глаза, уши, поры, и каждый раз, когда он пытался вздохнуть, легкие набивались святающей пылью.

— Мне... нужно... остановиться, — простонал Плут, разбрасывая руки. Но земля была слишком скользкой, а ветер слишком сильным.

Бездна становилась все ближе и ближе. Плут продолжал беспомощно кувыркаться, приближаясь к зияющей дыре, у которой даже не было дна.

Битва была проиграна. Плут был с головы до ног покрыт кровавыми царапинами и синяками, голова шла кругом. До обрыва оставалось всего ничего. На какой-то миг ему показалось, что оттуда на него смотрит Хрумхрымс, и не вышитая эмблема, а настоящий, огромный, леденящий кровь монстр...

Да, это был он. Выступивший из пыли торжествующий изверг с блестящими крутыми рогами. Он пришел к самому Краю позлорадствовать и посмотреть, как Плут Кородер сгинет на его глазах в глубине бездны.

Плут уже понял: ему конец.

— Плут! Плут!

Плут вздрогнул. Откуда Хрумхрымс знает его имя?

— ПЛУТ!

Всего несколько метров отделяло его от чернеющей бездны. Плут зажмурился и прижал руки к груди. Он был беспомощен, совершенно беспомощен.

Твердь кончилась. Он падал. Падал, и это был конец.

Уххх!

Внезапно что-то крепко обвило его талию, прилепив при этом руки к бокам. Плут разомкнул веки и, к своему удивлению, увидел веревку! Он болтался над пропастью, а колючий песок сыпался вниз бесконечным каскадом.

В следующий миг кто-то стал тащить его вверх. Плут с силой ударился спиной о холодную скалу. Чьи-то руки схватили его за плечи, вытащили на поверхность и опустили на землю.

Плут поднатужился, стащил с себя веревку и, пошатываясь, встал на ноги. В ушах стоял звон, сердце билось в груди, как мотылек. Плут поднял глаза и увидел, что находится в тени огромного утеса, напоминающего по форме рогатое чудовище.

— Хрумхрымс! — прошептал он.

Мимо несся шумный поток Губительного Вихря, но утес надежно защищал от бури двух юношей. Плути и Ксанта. А именно Ксанти сейчас, согнувшись, стоял рядом со спасенным другом и тяжело дышал.

— Благодарение Небесам, что туман перед вихрем рассеялся, — произнес он, выпрямив спину. — Иначе я бы тебя не увидел. — Ксанти помрачнел. — Прости, Плут. Прости, что я убежал...

Плут жестом попросил его замолчать.

— Благодарение Небесам, что ты так хорошо бросаешь лассо, — сказал он. — И этот утес здесь весьма кстати... — Его голос сошел на шепот. Голова снова закружилась, руки и ноги заныли. — Странно, но я, кажется, знаю это место.

Друзья огляделись по сторонам. Пока они говорили, Губительный Вихрь унялся, пылевые волны улеглись, блестящий песок осел, шум превратился в журчание, ослепительный свет померк.

— Пойдем, — поторопил друга Ксант. — Мы все еще можем нагнать остальных...

Он смолк и уставился на Плута, который опустился на колени и свесился с края утеса.

Ветер внезапно изменил свое направление и подул с Края, откуда-то раздался перезвон цепей. Плут не был уверен, что знает, где находится. Преодолевая тупую боль, он прополз еще чуть-чуть вперед...

Так и есть: в каменную твердь утеса были вбиты огромные круглые кольца; Плут точно знал, что уже их видел. Некоторые кольца были пусты, в других еще болтались остатки оборванных цепей, а внизу даже гнили, напоминая огромные скелеты, обломки нескольких небесных кораблей, пришвартованных здесь когда-то давно и забытых.

— Я помню это место, Ксант, — хрипло проговорил он. — Пустынное Логово. Целые флоты небесных кораблей становились здесь на якорь в лихую непогоду.

Ксант ничего не ответил.

— Здесь бывал и «Небесный Всадник», — продолжал Плут, задыхаясь. — Ты помнишь «Небесного Всадника»? — обратился он к Ксанту.

Но друг лишь молча таращил на него глаза.

— Это небесный корабль капитана Прутика, — объяснил Плут. — Одного из тех, кто возглавил налет на Башню Ночи... — Он запнулся. — Ксант! Ксант, что с тобой?

— Просто... просто... — Ксант замялся и ошеломленно поглядел на Плута. — Ты...

Плут выдохнул. Теперь он и сам все видел. Он приподнялся и посмотрел на свои руки. Они светились, так же как грудь, ноги, как все его тело...

— Ксант, — прошептал он. Свечение на глазах становилось все ярче и ярче. — Что со мной происходит? — Плут снова повалился на землю, судорожно поджав ноги. — Ксант...

Сквозь застилавшую глаза пелену он видел, как встревоженный друг упал на колени, протягивая к нему руки. Свечение становилось все пронзительней, оно сбивало его с толку, кружило разболевшуюся голову.

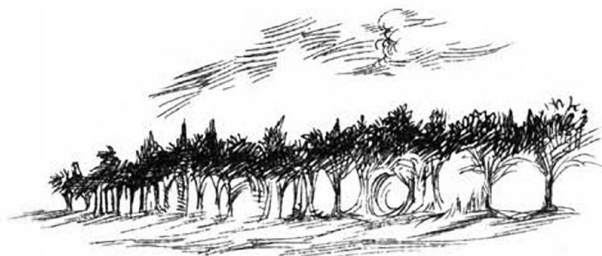
— Помоги мне, — прошептал он, распластавшись на земле.

Ксант припал ухом к груди Плута. Сердце стучало еле-еле.

— Прости меня, старина, — прошептал он, поднимая друга на руки. — Это все моя вина.

Он медленно поплелся через Краевые Пустоши, придавленный тяжелой, драгоценной ношей. И каждый новый шаг был мучительней предыдущего.

— Клянусь Землей и Небом, Плут, — прошептал он, бредя по каменистой равнине. — По моей милости погибло слишком много храбрых Библиотечных Рыцарей. Я не позволю тебе повторить их участь.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

СУМЕРКИ

Литейные цеха

Хамодур Плюнь потер руки, тонкие и гибкие, как паучьи лапки, и улыбнулся, отчего и без того узкий рот вытянулся в ниточку. Это время суток он особенно любил.

Перед приходом ночной смены в огонь подбросили свежих дров, и высокие дымовые трубы изрыгали густые клубы едкого дыма, окрасившего вечернее небо в пурпурный цвет.

Усталые рабочие разбрелись по ветхим хижинам и завалились спать под несмолкающий стук молотков и грохот коловорота. Всего через несколько часов их разбудил гонг, беспощадно сгоняющий на работу. Слух Хамодура улавливал недовольный ропот ночных бригад, нехотя занимающих свои рабочие места.

Главный Литейщик стоял на галерее Счетного Дома — высокой и прочной деревянной башни в восточном конце великолепного резного дворца. Створчатые окна изнутри и снаружи были покрыты сажей, но даже это не портило красивое строение.

Всюду, куда ни брось взгляд, стояли высокие черные печи, напоминающие сверху грозящие персты.

А раскаленные горны как будто смотрели на Хамодура пылающими глазами лесных демонов, отбрасывая на разбросанные поленья причудливые тени. В цехах, как всегда, было шумно и оживленно, а сейчас, когда на землю опустились сумерки, Хамодур наблюдал за работой с особым удовольствием. С приходом ночной смены кипучая деятельность на Опушке Литейщиков достигала своего апогея, позже она постепенно превратится в привычную какофонию стука, скрежета и свиста.

Главный Литейщик провел костлявым пальцем по грязному окну и поправил на длинном носу очки в стальной оправе. Как здесь все изменилось. Когда он — Хамодур Плюнь — впервые пришел в Дремучие Леса, Опушка Литейщиков представляла собой захудалую лесную кузницу, изготавливавшую котелки да сковородки для кочевых гоблинских племен и странствующих шраек. Купцы в Нижнем Городе твердили в один голос, что Хамодур спятил, раз решил здесь остаться, но он лучше знал, что к чему...

При воспоминании о тех далеких временах в глазах у Хамодура заплясали озорные огоньки. Да, с тех пор все изменилось к лучшему, по крайней мере для него.

Каменная Болезнь положила конец воздушным перевозкам, а значит, прибыльной торговле. Больше никогда купеческие небесные корабли не поднимутся ввысь, не полетят в Дремучие Леса с грузом удивительных товаров из Нижнего Города и не вернутся назад с ценной древесиной и прочим замечательным

сырьем; больше никогда воздушные пираты не будут грабить богатых незадачливых торговцев. Мор вернул торговлю на землю, и она, по мнению Хамодура, перестала быть таким уж прибыльным делом.

Для начала шрайки получили контроль над Дорогой через Топи, и купцам пришлось платить дань за право торговать в Дремучих Лесах. Цены на товары взлетели до небес, и многие богатеи из Нижнего Города потеряли дело. Хамодур не преминул этим воспользоваться и быстро заполнил образовавшуюся на рынке нишу. Опушка Литейщиков, избежавшая посягательства шраек, стала процветать.

Очень скоро в Дремучих Лесах появились, как грибы, торговые точки Хамодура. Его влияние росло и крепло. Без Опушки Литейщиков гоблины так бы и остались жалкими, примитивными племенами, а главное, своими знаниями и своими навыками они целиком и полностью стали обязаны Главному Литейщику.

Да, дело спорилось, но Плюнь не желал на этом успокаиваться. Ведь, добившись успеха один раз, хочешь повторить его снова и снова.

Кроме того, достаточно вспомнить шраек и их пресловутый Восточный Посад. Глупые курицы жирели и богатели за счет Нижнего Города, так сказать, клали все яйца в одну корзину. И каков итог? Если верить источникам, в достоверности которых Хамодуру не приходилось сомневаться, шрайки сгнули вместе с Нижним Городом.

Но Хамодур не желал повторить их судьбу. У него были планы, монументальные планы, способные

полностью перекроить карту Дремучих Лесов. Земля, богатство, власть — вот ради чего он жил.

Главный Литейщик обернулся и придирчиво оглядел большой темный зал, заставленный узкими столами. За каждым из столов сидел писарь и быстро водил по белоснежной бумаге длинным пером.

Рядом стояли заляпанные чернильницы. Городские гномы, тролли-несуны и гоблины всех родов с бешеной скоростью подсчитывали и записывали количество ушедшей на производство древесины, горной руды, объем сплавки и сумму выпускаемой продукции. В зале стоял такой гул, словно сюда залетел целый рой лесных сверчков, хотя на деле это скри-

пели по пяти сотням свитков перья пяти сотен писарей.

Время от времени раздавался рыхлый, раскатистый кашель, такой можно было услышать только здесь. Рабочие называли его литейным бронхитом. Им страдал каждый, кто подолгу дышал грязным, задымленным воздухом. Впрочем, писцы переносили болезнь в легкой форме, по-настоящему не повезло тем, кто трудился в цехах. По статистике легкие несчастных выдерживали не более двух лет.

Посещая литейные цеха, Хамодур взял в привычку закрывать рот и нос марлевой повязкой. Остальное время он проводил в высоких башнях или верхних палатах дворца, там воздух был несравнимо чище. Тем не менее даже он иногда покашливал. Очевидно, полностью от задымленности нельзя было укрыться нигде. Чувствуя, что в горле начинает першить, Хамодур полез в карман, выудил оттуда маленькую бутылочку, ловко откупорил ее и поднес к губам.

Терпкий сироп смочил горло, и кашель прекратился. Хамодур Плюнь сунул бутылочку обратно в карман, снял очки и протер линзы большим носовым платком.

«Какое счастье, что в Дремучих Лесах не перевелись лекарственные травы, а балаболы все так же искусно варят из них снадобья», — подумал Хамодур. У него в личном распоряжении было с десяток глазастых аптекарей. Что ж, долгожданному, вечно хворающему гостю это должно прийтись по душе.

— Прошу прощения, Ваше Превосходительство, — вывел его из раздумий чей-то робкий голос.

Хамодур быстро напялил на нос очки и оглянулся.

Перед ним с озабоченным взглядом вечно усталых глаз стоял престарелый секретарь Пинвик Крам.

— Что тебе? — резко ответил Хамодур. — Слушаю.

— Прибыла последняя партия рабочих от Хемтафта Топорбоя, — сообщил Крам.

Хамодур прищурился:

— И?..

— К сожалению, их всего пятьдесят, — последовал ответ. — И все до одного длинноухие гоблины...

— Как длинноухие! — взвыл Хамодур и чуть не захлебнулся новым приступом кашля. — Сколько раз еще повторять? Мне нужны молотоголовые или плоскоголовые гоблины, у них хотя бы мускулы есть. Но длинноухие — мирные пахари и порядочные раззявы! — Он ухватил секретаря за воротник. — Не смей плакать Топорбою, пока мы не проверим их в деле. Если рабы не подойдут, он не получит ни монеты, тебе понятно?

— Да, господин, — тихо пискнул Крам.

Хамодур оттолкнул секретаря, повернулся к окну, протер пыльное стекло и уставился в темноту. По двору ковыляла колонна новых рабочих. Каждый был закован в цепи и, не поднимая глаз, тихо шаркал вслед за надзирателем.

Вне всякого сомнения, это были длинноухие гоблины, подтверждение тому — особая посадка головы пленников и кривые уши, отягощенные массивными золотыми кольцами. Но Плюнь с облегчением заметил, что у большинства были розовые глаза и крепкая чешуя, а значит, после небольшой подготовки из них можно вылепить хороших работников и жестоких бойцов. Новая партия была все же лучше прежней, когда Топорбой пытался всучить ему ленивых низкопузых гоблинов.

— Хм, эти еще ничего, — проворчал он. — Хотя, конечно, далеки от идеала.

— Знаю, господин. — Секретарь молитвенно прижал руки к груди. — Но что я могу поделать?

Хамодур хватил кулаком по столу, отчего все писари как один оторвались от бумаг и воззрились на хозяина.

— Это недопустимо! — заорал он. — Совершенно недопустимо! Пламя в печах должно постоянно поддерживаться! Особенно сейчас. И я не позволю нерадивым рабам разрушить все, что было создано таким трудом. Похоже, никто не хочет работать? — Он снова схватил испуганного секретаря за воротник. — Мне нужно триста новых работников! — выплюнул он. — И *хороших* работников! *Усердных* таких!

Они должны быть здесь ровно через неделю. Тебе понятно?

— Да, господин, но...

— Бестолковый ежеобраз, *господин* Крам, — перебил его Хамодур. — Разве вы не бестолковый ежеобраз?

— Нет, господин, но...

— Если Топорбой хочет и дальше получать наши товары, ему придется заплатить! — гаркнул он. — Заплатить рабами! Так и скажи ему. А теперь убирайся!

Пинвик Крам развернулся и бросился бежать, что-то бормоча себе под нос. Хамодур проводил его насмешливой улыбкой.

— Три сотни, Крам. Не разочаровывай меня! — крикнул он ему вслед. — Иначе сам встанешь у печи.

Крам шмыгнул за дверь, и Хамодур снова устоялся в окно. Солнце еще не село, но клубы дыма уже окутали Опушку Литейщиков, как ночная мгла. Закованные в цепи длинноухие пленники скрылись в ветхих сараях.

— Пятьдесят жалких гоблинов, — пробормотал он. — Этих хватит на пять цехов. А нужно заполнить *двадцать пять*.

Хамодур покачал головой. Даже если Крам сумеет добыть триста гоблинов, через месяц понадобится еще триста, а потом еще триста и еще триста...

Плюнь прищурился: там, вдали, лежали Дремушие Леса. К северу от них расположена Вольная Пустошь. Главный Литейщик улыбнулся, обнажив маленькие острые зубки.

— Вольная Пустошь, — протянул он. — Так называемый маяк надежды и света... — Он презрительно фыркнул. — И бесконечный источник рабов.

Совет Племен в лагере пучковолосых гоблинов

— Так это и есть знаменитый Хемтафт Топорбой? — спрашивал Лоб, пытаясь протиснуться сквозь плотную толпу любопытных гоблинов.

— Какой чудесный у него плащ из перьев шраек! — подхватил его брат Луммель. — Говорят, он лично вырвал каждое перо.

— Замолчите, вы там, — раздался позади сердитый голос. — И так ничего не слышно.

Лоб и Луммель прикусили языки. Близилась урожайная пора, и кто-то должен был представлять семью на Совете Племен. Раньше туда ходили их старшие братья, но все они теперь работали на Опушке Литейщиков. А Лобу и Луммелю очень не хотелось злить здорового молотоголового гоблина.

— Простите, добрый господин. — Лоб в знак почтения прикоснулся к колпаку и толкнул в бок брата, чтобы тот последовал его примеру.

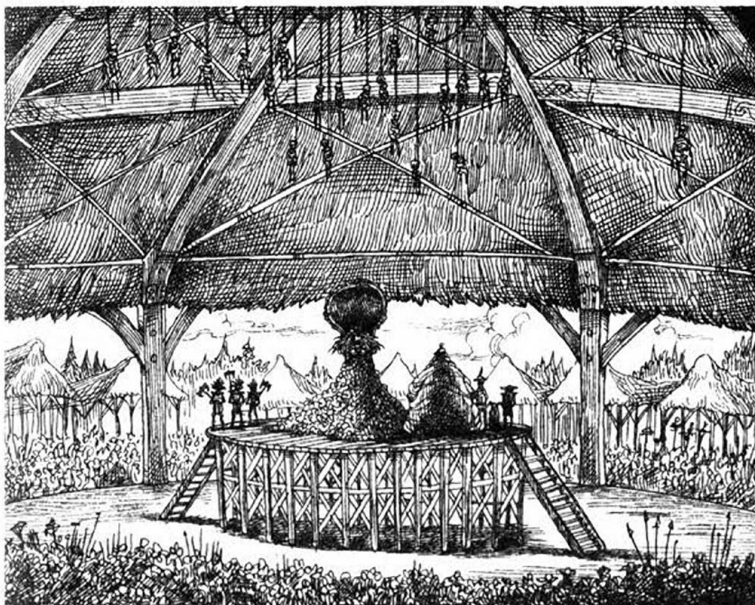
Молотоголовый гоблин, однако, не обратил на них никакого внимания.

Лоб и Луммель Группы были низкопузыми гоблинами. Их соломенные колпаки и забавные ремни сразу выделяли их из толпы воинственно настроен-

ных собратьев, отчего оба брата чувствовали себя не в своей тарелке.

Толпа, состоящая из гоблинов всех родов, собралась в просторной хижине пучковолосых. Здесь было так тесно, что даже дышали все с трудом. Плоскоголовые и молотоголовые, красноглазые и чешуйчатые, длинноволосые и пучковолосые гоблины, гоблины-всегрыз и гоблины-кусачки — все пришли на Совет.

В центре хижины на высоком помосте восседал в своем цветастом плаще из оперения шраек Хемтафт Топорбой из племени длинноволосых гоблинов. Он смотрел на толпу с высокого резного трона, установленного на груде черепов усопших предков длинноволосых.

Рядом с троном, склонив головы, стояли четыре вождя других гоблинских племен.

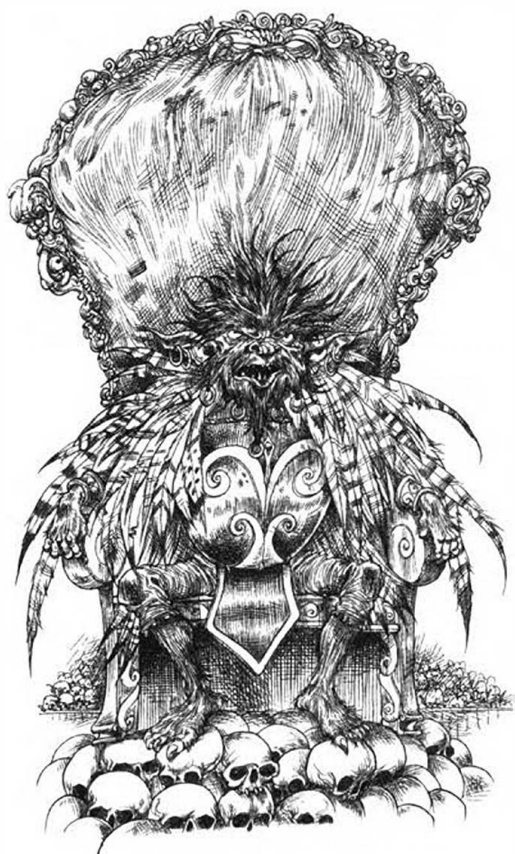
Рутрот Кусачий, вождь клыкастых гоблинов, первым поднял глаза. Он возглавлял одно из наиболее многочисленных гоблинских племен и, несмотря на лживую улыбку, выглядел весьма строптивым.

Рядом с ним стояла Литтаг, глава племени плоскоголовых и молотоголовых гоблинов, внучка генерала Титтага. Несмотря на молодой возраст, гоблинша могла похвастаться многочисленными шрамами, говорящими о бурном боевом прошлом. Как-никак, Литтаг возглавляла самое воинственное гоблиново племя.

Подле нее маячил сгорбленный вождь длинноухих гоблинов Мигмяу Серый, столь же мудрый, сколь и древний. Длинноухие были самым безобидным и, может быть, именно поэтому самым многочисленным племенем, а потому роль старика Мигмяу нельзя было недооценивать.

Так же как нельзя было отрицать значимость Бабки Сладкоежки Второй. На Совете она представляла сразу четыре племени — гоблинов-сиропщиков, гоблинов-пауконогов, древесных гоблинов и крохгоблинов. Эти племена слыли замечательными кулинарами. Пять подбородков Бабки Сладкоежки Второй всколыхнулись подобно волнам, когда она подняла голову и хладнокровно встретила взгляд Хемтафта.

Топорбой взмахнул волосатой рукой. На Совете Племен его слово было законом. Но все же он понимал, что зыбкий мир между племенами нарушить ни-

как нельзя, иначе они вновь затеют распри и войны. А это очень и очень нежелательно.

— Я все понимаю, — проговорил он, и толпа притихла, ловя каждое слово. — Вы, длинноухие, заплатили высокую цену, отдав своих лучших представителей в рабство на Опушку Литейщиков. Но, с другой стороны, как бы еще мы получили все эти пики,

котлы, плуги и прочую утварь, без которой никак не прожить.

— Скажи только слово, и мои молотоголовые братья сровняют Опушку Литейщиков с землей. Вот так! — Литтаг стукнула кулаком по ладони.

Хемтафт укоризненно покачал головой.

— Ох, Литтаг, Литтаг. Сколько раз мне еще объяснять? — завел он старую песню. — Нападать на Опушку Литейщиков слишком рискованно. Хамодур Плюнь скорее умрет, чем откроет нам секрет чудесного литья. И что нам тогда делать? Мы остаемся один на один с механизмами, которыми не умеем управлять. Нет, если мы хотим и дальше процветать, нужно платить дань...

Кости предков, украшавшие деревянные балки, забренчали на ветру.

— Но почему дань должны платить *только* мы — длинноухие? — проскрежетал старый Мигмяу Серый, поднимая белые, как молоко, глаза.

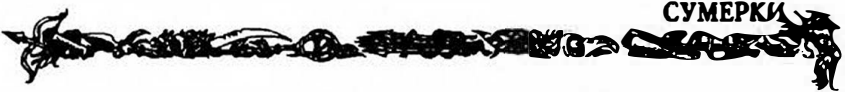
— Потому что вас больше всех, — равнодушно пожал плечами Рутрот Кусачий.

— ...И потом, ни один молотоголовый или плоскоголовый гоблин не станет топить печь! — чванливо ответила Литтаг. — Мы же воины!

Плоскоголовые и молотоголовые гоблины, стоявшие рядом с Лобом и Луммелем, поддержали свою предводительницу одобрительными криками.

— Но так больше не может продолжаться! — прогудела Бабка Сладкоежка Вторая, и все притихли.

— Не может и не будет! — Хемтафт слез с трона и воздел руки к небесам. В своем плаще он как ни-

когда напоминал хищную птицу. — Если мы нападём на Вольную Пустошь и поработим ее жителей, то ни один гоблин больше никогда не пойдет в рабство на Опушку Литейщиков. Нас заменят граждане Рабской Пустоши!

Лоб и Луммель ошеломленно переглянулись. А толпа зашлась восторженными криками:

— Рабская Пустошь! Рабская Пустошь! Рабская Пустошь!

— Сейчас для нападения самое подходящее время! — оживилась Литтаг. — Шрайки потеряли много бойцов! Нижний Город стерт с лица земли! Вольная Пустошь еще никогда не была такой беззащитной! Литейщики дадут нам столько оружия, сколько потребуется, и мы устроим грандиозное сражение, быть может, самое грандиозное в истории Края. Никто не сможет устоять перед гоблинами!

Лоб содрогнулся, Луммель прикрыл глаза. Оба отлично помнили, что в рабство их братьев отправила не Вольная Пустошь, а Гоблиново Гнездо. Хемтафт и остальные вожди виновны в их горестях.

— Мы победители! — возопила Литтаг. Ее резкий голос прокатился по хижине.

Лобу и Луммелю было неуютно среди беснующейся толпы. Оголтелые крики и искаженные лица пугали братьев. Они всего-то хотели узнать насчет урожая, но, похоже, всех остальных волновало только одно — война!

Вечерело. Гоблины зажгли факелы и стали расходиться по домам.

— Да здравствует победа! — кричал им вслед Хемтафт. — Да здравствует Рабская Пустошь!

Кладка яиц в Восточном Посаде

— Ты только погляди на наших милых крошек! Какой отменный аппетит! — восхитилась матрона Пернатый Рог, обращаясь к своей сухопарой спутнице — сестре Неряшке. Почтенные шрайки брели по длинному мосту над широким манежем, в котором располагались ясли.

Завидев их, птенцы встрепенулись, жадно вытянули длинные шеи и разразились голодным криком. Трудно было поверить, что эти верзилы, вымахавшие уже в половину своего взрослого роста, вылупились всего два дня назад.

— Ты, как всегда, права, дорогуша, — ответила сестра Неряшка, одобрительно кивнув пернатой головой. Ее холодные глаза блеснули, как лезвие кинжала на солнце. — И ждать нам осталось совсем недолго.

Так за неспешным разговором матроны подошли к затейливому деревянному сооружению со множеством канатов, шестеренок и соединительных шлангов. Птенцы принялись галдеть еще громче. Матрона Пернатый Рог навалилась всем телом на рычаг, который под ее весом подался и медленно заскользил вниз. В этот миг открылся затвор резервуара и в металлические краны хлынул теплый поток рубленых внутренностей зубоскалов.

Если огласилась яростными криками. Грубо отталкивая друг друга, птенцы бросились к вожделенным трубам, обхватили их крепкими клювами и, хлопая редкими перышками, стали ждать кровавый ужин.

Матрона Пернатый Рог ухватила за колесо лебедки, резко крутанула его вправо, и из труб потекла густая смесь из сырого мяса. Прильнув к кранам, птенцы жадно поглощали щедрое угощение, то и дело закатывая от удовольствия глаза.

Матрона внимательно наблюдала за трапезой маленьких шраек.

— На сегодня достаточно, — решила она и снова крутанула колесо, на этот раз влево.

Подача пищи прекратилась. Сытые птенцы повалились на пол и тут же захрапели.

— Вот и чудно, мои хорошие, — прошептала сестра Неряшка. — Крепких снов!

Растите большими, сильными и свирепыми. — Она повернулась к товарке: — Скоро у нас будет новая армия, новая Шайка Шраек и новая предводительница в ярком оперении.

Старая матрона задумчиво поправила шляпку.

— Надеюсь, что ты права, сестра Неряшка, — сказала она. — После ужасной гибели в Нижнем Городе Мамаши Ослиный Коготь и Шайки Шраек нам как никогда нужны новые предводительницы. — Она горестно закудаhtала. — Нам следует взять на себя всю ответственность, не правда ли?

Сестра Неряшка тяжело вздохнула. Сейчас, когда ее оперение поседело, а глаза потеряли былую зоркость, ей казалось, что дни бывшего могущества уже не вернуть. В далекой молодости она, досточтимая сестра Неряшка, была важной фигурой в Шайке Шраек. Вот тогда-то на ней, второй шрайке после самой Мамаши, лежала настоящая ответственность. Но после переезда в Восточный Посад, не в силах привыкнуть к оседлому образу жизни, Неряшка с радостью сложила с себя полномочия.

Зато теперь все переменялось. После гибели основных сил шраек в канализации Нижнего Города в Восточном Посаде не осталось никого, кроме бесполезных шраек-самцов, престарелых шраек-наседок да нескольких древних сестер вроде нее. На их долю выпало высиживание и воспитание нового поколения Золотого Гнезда.

Они недосыпали ночами, таская в ясли сухую солому, поддерживая комфортную для яиц температуру. Они охотились на зубоскалов и забивали их киш-

ками резервуары для кормления птенцов. А когда подошло время, старухи собрались возле гнезд и запели новорожденным старинную песню шраек:

*Из скорлупы в полет,
Из желтка вперед,
Шрайка шрайку зовет!*

Через несколько часов после рождения птенцы уже потеряли мягкий пушок, а к первому в жизни завтраку покрылись перьями. От разнообразия расцветок пестрело в глазах. Птенцы были полосатые и желтые в крапинку, алые, синие, оранжевые и лиловые. Их перья уже сейчас одним сулили будущее рядовых бойцов, другим — тепленькие места в Шайке Шраек. Юные шрайки ежеминутно увеличивались в размерах даже сейчас, во сне, на глазах умиляющихся матрон они заметно крепили и набирались сил. Матрона Пернатый Рог была права: пришло время для принятия ответственных решений.

— Ах, дорогуша, — проворковала сестра Неряшка. — Я всегда повторяла, что шрайки — кочевое племя. Мы не можем вести оседлый образ жизни.

— Но Восточный Посад... — начала было матрона Пернатый Рог.

— Восточный Посад — это нечто искусственное, — прервала ее сестра Неряшка. — У шрайки не может быть дома. — Она смолкла. — Пока существовала Дорога через Топи, все еще было ничего. Но сейчас, с крахом Нижнего Города, держаться нашей крепости нет никакого смысла.

Матрона Пернатый Рог открыла от удивления клюв.

— Да, сестра, да, — продолжала сухопарая шрай-ка. — Мои слова могут тебя шокировать, но настала пора покинуть Восточный Посад. Здесь мы потеряли бдительность и слишком привыкли к роскоши. Нужно собрать сундуки с добром, оседлать зубоскалов и вернуться к старому доброму бродяжничеству и работорговле. Как-никак, но такой образ жизни наши

предки вели не одну сотню лет. — Она указала острым когтем на спящих птенцов: — И эти крошки завоюют нам славу еще на века.

Матрона Пернатый Рог поежилась и плотнее закуталась в шаль.

— К работорговле, — повторила она. — Не так уж это и просто. Времена изменились, сестра. Дикие племена Дремучих Лесов сплотились, гоблины заключили союз с литейщиками, а Вольная пустошь... О, Вольная Пустошь теперь сильна и едина. Ты что, предлагаешь напасть на таких могущественных противников?

Сестра Неряшка хмыкнула и покачала головой.

— Нет, моя осторожная сестра, — ответила она. — Пока что нам это не под силу. Слишком мало наше войско. Но на примете у меня все же есть цель. Живая и очень уязвимая цель, бегущая в эту минуту из разрушенного города...

— Из Нижнего Города! — ахнула матрона Пернатый Рог.

— Совершенно верно, — последовал ответ. — Мои шпионы сообщают мне о передвижении колонны переселенцев, и я питаю надежду...

Она осеклась, услышав громкий вопль, доносившийся с улицы. Недолго думая, сестра Неряшка и матрона Пернатый Рог бросились на балкон.

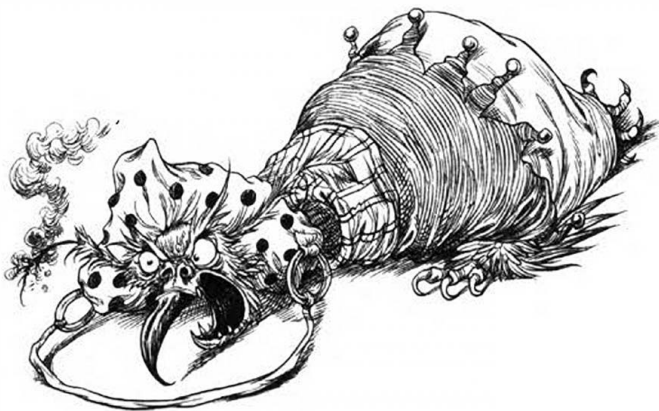
Высоко над Восточным Посадом медленно парило с три сотни маленьких, похожих на причудливых жучков небоходов.

Матрона Пернатый Рог мрачно уставилась на них.

— Библиотечные Рыцари, — пробормотала она.

— Похоже, не у нас одних есть шпионы, — кивнула сестра Неряшка, перевесившись через перила балкона.

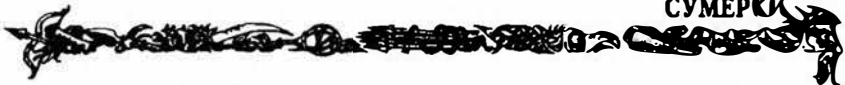
На крепостной стене с бойницами собралась уже целая толпа старых наседок, сидящих сестер-утешительниц и тощих шраек-самцов. Они что-то оживленно кричали, указывая на небо. Рядом стояли осиротевшие метательные машины.

— Что вы стоите? — взвилась сестра Неряшка. — Сделайте что-нибудь!

Шрайки кинулись выполнять приказание. В считанные секунды они зарядили метательные машины огненными лафовыми шарами, но дальше дело застопорилось...

Никто из уцелевших шраек не умел стрелять. Это была работа стражи, вот только стражи больше не было. Бедным наседкам и сестрам-утешительницам

пришлось действовать наугад, пытаясь защитить себя и, что гораздо важнее, бесценных птенцов.

— ОГОНЬ! — скомандовала сестра Неряшка и едва успела плюхнуться на пол, как лафовый шар просвистел над ее головой, опалив перышки на ушах.

И это был не единственный снаряд, полетевший в сторону, противоположную цели. Еще пяток лафовых шаров вывалилось из жерл метательных машин, и непутевым воительницам пришлось заливать их водой, чтобы не запылал пожар. Другие снаряды, едва перелетев через арку, упали где-то в лесу.

Но все же несколько шаров попало в цель.

— Да, да, да! — приговаривала сестра Неряшка, глядя, как четыре... пять... шесть снарядов угодило в скопление легких небесных корабликов.

Раздался взрыв, во все стороны полетели щепки. Лафовые шары зацепили как минимум три небохода. Два из них, кружась на ветру, как снежинки, исчезли из виду в направлении Дремучих Лесов. Третий потерял управление и теперь приближался к Восточному Посаду.

Сестра Неряшка вскочила и теперь радостно приплясывала на месте.

— Лети сюда, мой сладенький, — шептала она. — Лети к сестре Неряшке.

Как раненый снежник, небоход опускался все ниже и ниже, пока не коснулся земли. Пилот запутался в веревках и теперь отчаянно барахтался, отчего узлы только затягивались еще крепче. Очевидно, это и помешало Библиотечному Рыцарю посадить небесный кораблик в Дремучих Лесах в относительной

безопасности. Вооруженные цепями и пиками шрайки обступили пленника.

— Осторожно! — прикрикнула сестра Неряшка. — Он мне нужен живым!

Недовольно кудачча, две шрайки перерезали веревки и стащили пилота на землю.

— Что стоите? Продолжать обстрел! — велела сестра Неряшка.

Матрона Пернатый Рог обернулась к подруге.

— Не думаю, что нам стоит слепо доверять твоим шпионам, сестра, — заметила она.

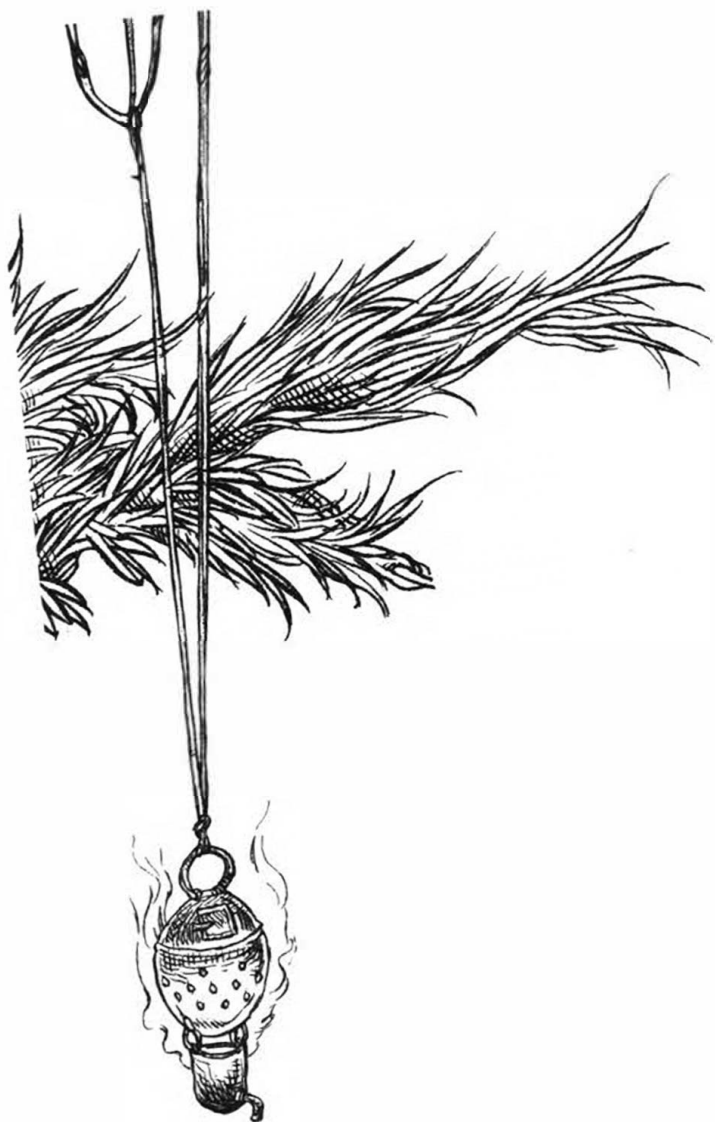
— Твоя правда, сестра, — зло прищурившись, процедила сестра Неряшка. — Для начала мы допросим этого Библиотечного Рыцаря. Мы будем медленно сдирать с него кожу, пока не получим ответы на *все* вопросы. И обещаю, моя дорогая, — шрайка повысила голос, — мы узнаем, где сейчас переселенцы. Даже если мне придется гадать на дымящихся кишках этого пленника.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

СВИНЦОВЫЕ СОСНЫ

начала Плут ощутил горячее дыхание. Медленное и мерное дыхание. Вдох. Выдох. Вдох, выдох. Вдох, выдох.

Потом он почувствовал на своей щеке пахнущий мхом пушистый ворс и ощутил крепкие объятия.

«Это сон, — подумал Плут. — Добрый сон, знакомый с детства».

Еще ребенком он попал в берлогу толстолапа, и добрый зверь выходил малыша. Плут хорошо помнил ласковое урчание огромного друга и бережное баюканье.

Что за чудесный сон. Плут знал, что он в безопасности, что с ним не случится ничего дурного. Болела голова, руки и ноги как будто налились свинцом. Но здесь, в берлоге, было уютно и сухо, а тихие ласкающие звуки облегчали телесные муки. Плут не хотел просыпаться. Вот бы лежать так вечно в тепле и покое, но почему-то он отлично понимал, что проснуться придется. Проснуться и увидеть...

Что увидеть? Внезапно Плут понял, что не знает ответа на этот вопрос. Он собрался с мыслями.

Итак, он помнит Нижний Город и бурю, наводнение, сметающее все на своем пути... Помнит в панике бегущих горожан и...

И все...

В его памяти образовался пробел. До ушей снова донеслось ласковое пение толстолапа. Ошибиться было нельзя, кто-то качал его на руках.

Плут медленно открыл глаза.

Так и есть, над головой купол из душистых веток, под головой мягкий мох.

Он в берлоге *толстолапа*.

— Неужели я правда здесь? Это не сон? — прошептал Плут, еле шевеля пересохшими губами.

— Ш-вух-ш, — раздался в ответ тихий голос.

Плут поднял глаза и увидел рядом с собой толстолапиху.

— Вумеру, — прошептал он, узнав свою старую подругу. — Это ты?

— Вурра-воох. Вух-вух! — сообщила толстолапиха, осторожно щупая его лоб. — *Это не сон. Теперь ты в безопасности, тот, в кого попала отравленная палочка. Но тебе нужно отдохнуть.*

— Меера-веега-вух? — спросил Плут, пробуя пошевелить руками. — Вух! Лоора-веер? Веллах-вух? — *Как я сюда попал? Ничего не помню!*

Вумеру повела лопаухими ушами и оживленно замахала лапами.

— *Безволосый утверждает, что спас тебя от Губительного Вихря и принес к нам в Дремучие Леса.*

— В Дремучие Леса? — повторил Плут. — Безволосый?..

Вумеру кивнула и указала вглубь берлоги, и Плут только сейчас понял, что они здесь не одни. Толстолапиха заурчала, и из тени выступил юноша. Он неуверенно подошел к Плуту и опустился рядом с ним на колени. Плут увидел, что у него бледная кожа, впалые глаза и бритая голова.

— Плут? Как ты? — спросил он, тревожно глядя в его необычно светлые и отчего-то светящиеся глаза.

Плут растерянно смотрел на юношу, в его взгляде ясно читалось замешательство.

— Плут, это я, — повторил тот, — Ксанти. Мы все-таки добрались до Дремучих Лесов, старина.

Плут нахмурился, теперь он припоминал.

— Ксанти? — переспросил он. — Ксанти Филатайн? Мы вместе учились в Вольной Пустоши... Ты убежал... Нам сказали... Нам сказали, что ты шпион. Ксанти, нам сказали, что ты предатель...

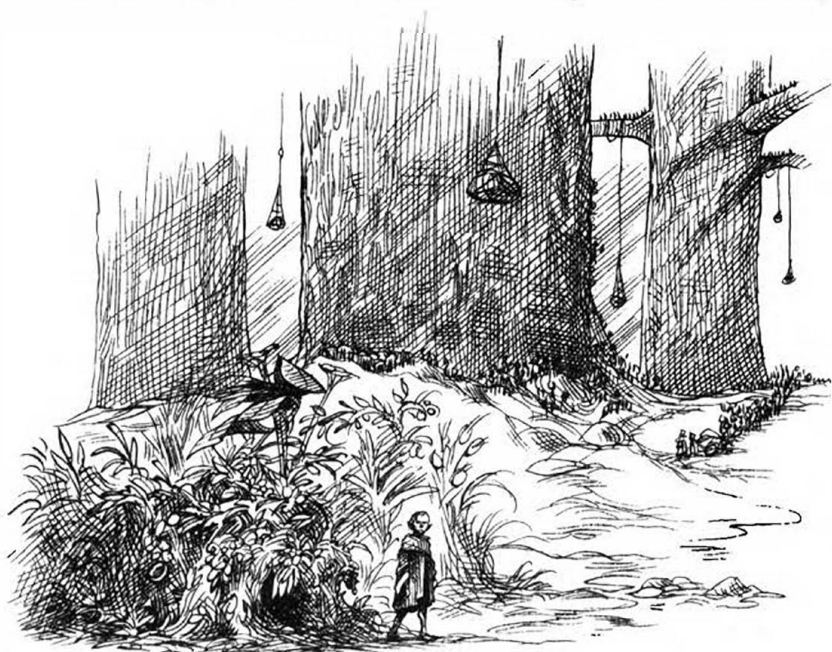
У Плути закружилась голова, лицо Ксанта растаяло. Вумеру стала нежно покачивать его в своих объятиях. Юноша зарылся лицом в теплый мех и провалился в сон.

Толстолапиха махнула Ксанту, замершему, как столб, у выхода из берлоги.

— Вух! — проворчала она, и хотя юноша не понимал ни слова на ее языке, он осознал, что его присутствие здесь нежелательно.

Впрочем, его уже давно нигде и никто не ждал.

Он выполз из берлоги, тщательно замаскированной от посторонних глаз в зарослях папоротника и лишайника. Поляну высокой стеной окружали свинцовые сосны, самые высокие ветви терялись в облаках,

плывущих из Краевых Пустошей. На нижних ветвях, широких, как Дорога через Топи, разбили лагерь переселенцы.

Ксанту повезло, что он догнал их. Как тяжело было пробираться через туман, неся на плечах Плу-та. Он уже думал, что никогда не найдет колонну, но вот туман рассеялся, и перед ним, подобные великанам, возникли свинцовые сосны. Собрав последние силы, Ксант зашагал по скользким камням вперед и вскоре ступил на мягкую, поросшую травой землю Дремучих Лесов.

В лагере толстолапы забрали у него Плу-та, и Ксант оказался во вражеском библиотечном стане. Он не смог долго выносить их перешептывание и ушел к толстолапам, которые, хоть и позволили помочь им построить берлогу, все равно смотрели на него с укоризной. Видать, винули его в том, что он своим побегом навлек на Плу-та беду.

Смеркалось. Ксант не желал возвращаться в лагерь, а потому уселся на валун рядом с берлогой толстолапов и спрятал лицо в ладонях.

— Во имя Неба и Земли! — простонал он. — Что же мне делать?

— Так, так, так, — раздался знакомый голос, и на плечо Ксанта легла рука. — Что ты делаешь здесь, внизу? Пора забираться на дерево, впереди длинная ночь.

Ксант обернулся и увидел ласково улыбающегося ему Каулквейпа Пентефраксиса.

— Ну же, не грусти, паренек, — подбодрил его Высочайший Академик. — Все не так уж плохо.

Ксант поморщился. Старый профессор хотел помочь, но его слова ударили Ксанта, словно хлыст.

— Думаете? — мрачно проговорил он.

На лице Каулквейпа проступили морщинки.

— Туман Краевых Пустошей может вызвать безумие, Ксант, — сказал он. — Не вини себя. Кроме того, — он указал на берлогу толстолапов, — ты совершил храбрый поступок, вернув нам молодого Кородера.

На глазах у Ксанта выступили слезы.

— Скажите это *ему*, — бросил он. — Произошло что-то ужасное. Губительный Вихрь помутил рассудок Плута. Он не узнает меня. И называет предателем и... шпионом.

Каулквейп похлопал Ксанта по плечу и присел рядом.

— Дай ему время, — попросил он. — Твоему другу нужно отдохнуть.

— Но его глаза, — не успокаивался Ксант. — Они стали такими сияющими, такими пронзительно-голубыми... И кожа... Вся кожа *светится*...

— Знаю, знаю, — вздохнул Каулквейп. — В лагере только об этом и говорят. Значит, Плут попал в Губительный Вихрь?

Ксант кивнул.

— Однажды я уже видел нечто подобное, — пустился в воспоминания Высочайший Академик.

— Правда? — изумился Ксант.

Каулквейп улыбнулся.

— Небесные пути неисповедимы, — сказал он. — Я был воспитанником в старом Сантафраксе, когда

встретил молодого капитана небесного корабля. Его нашли в Каменных Садах, он, как и Плут, попал в Вихрь и тоже весь светился.

— И что? Он выздоровел? — Ксант затаил дыхание.

— Ну, через несколько дней он перестал светиться, — обнадежил его Каулквейп. — Сначала к нему вернулись силы, а позже, в одну ненастную ночь, и память. — Высочайший Академик покачал головой. — Будем надеяться, что то же произойдет и с твоим другом.

Ксант отшатнулся:

— Но это значит, что он может и не вспомнить меня?

— Небесные раны зачастую лечит Земля. — Каулквейп, крихтя, поднялся на ноги. — Пойдем, Ксант. Не можешь же ты спать здесь, внизу, это опасно...

Ксант понурил голову.

— Давай-ка лучше ужинать, — продолжал Каулквейп. — Составишь мне компанию?

Ксант бросил взгляд на берлогу, потом на Высочайшего Академика и благодарно улыбнулся.

— Спасибо, — пробормотал он. — С удовольствием.

Свинцовые сосны, на ветвях которых расположились на ночь переселенцы, стояли обособленной группой, отдельно от остальных деревьев Дремучих Лесов. Их острые вершины напоминали наконечники стрел.

Когда-то они служили ориентиром и для купеческих и пиратских небесных кораблей. Но Каменная Болезнь навсегда отвела от этих мест грациозные суда, зато теперь исполинские деревья стали своеобраз-

разным маяком для молодых Библиотечных Рыцарей, бороздящих просторы Края на своих крошках-небоходах. Вот почему именно здесь было решено ждать возвращения эскадрилий.

Горожане, библиотекари, воздушные пираты и Духи Тайнограда единогласно решили, что будет лучше, если по пути в Вольную Пустошь их будут сопровождать парящие в небесах отважные разведчики.

— Не отставай, — поторопил Каулквейп Ксанта, быстро шагая по мшистой земле к ближайшей сосне. — Близится ночь, нам пора укрыться наверху.

К дереву были привязаны несколько круторогих ежеобразов. Утомленные длинной дорогой, животные

крепко спали. Каулквейп быстро нашел веревочную лестницу, привязанную к крепким ветвям, и стал карабкаться вверх. Ксант полз следом за Высочайшим Академиком. Повсюду были развешаны факелы и фонари, коробки, сундуки и баулы, на ржавых крюках болтались походные кухни, а на каждой из гигантских ветвей сидели по пять-шесть переселенцев.

Вскоре Ксант с ужасом понял, что вокруг собрались одни библиотекари. Юноша предпочел бы коротать ночь на любом другом дереве, где пристроились простые горожане. Семьи симпатичных городских гномов, крох-гоблинов и лесных троллей, шумные отряды глыботрогов, дружелюбные компании душегубцев — все они торопливо готовились к ночлегу, повинаясь командам храбрых воздушных пиратов и неуловимых Духов Тайнограда, которые ловко перепрыгивали с ветки на ветку, с дерева на дерево, только мелькали гарпуны и лассо.

Ксант кожей чувствовал враждебные взгляды и слышал злой шепот у себя за спиной, но окончательно понял, что пропал, когда Каулквейп остановился на одной из веток.

— Ну, как наш ужин, Гарулус? — поинтересовался Высочайший Академик.

Помощник библиотекаря поднял глаза.

— Почти готов, — отрапортовал он, поднося к губам деревянную ложку и пробуя густую похлебку. — М-м, — протянул он, наморщив лоб. — А если еще чуть-чуть посолить? — Он протянул ложку Каулквейпу: — Как *вы* думаете, профессор?

— Я уверен, ты прирожденный кулинар, — улыбнулся Каулквейп и подтолкнул вперед Ксанта. — Пусть попробует паренек.

Гарулус зло прищурился, набрал полную ложку похлебки и протянул Ксанту, но не успел тот попробовать, как он отдернул руку, замавав юноше рубаху коричневым бульоном.

— Ой-ой-ой, какой же я неуклюжий, — пропел Гарулус.

— Ты, ты... — Ксант затрясся от ярости. Это была последняя капля.

Гарулус трусливо задрожал и спрятался за спиной у Каулквейпа.

— Высочайший Академик! Вы же видели, что это случайность! — занял он.

Ксант, стиснув кулаки, бросал на помощника библиотекаря испепеляющие взгляды.

— Вы только посмотрите на него, Высочайший Академик. Это же животное, дикое животное! — визжал Гарулус.

— Ладно, ладно, — примирительно сказал Каулквейп, вытирая платком мокрое пятно. — У тебя был тяжелый день, Ксант. Ты устал. Гляди, все высохло.

— Страж Ночи — это призвание, — прошипел расхраб्रившийся Гарулус. — погоди, вот придет церемония Расплаты, и ты ответишь за все.

— Достаточно, Гарулус. — Каулквейп смерил подчиненного холодным взглядом.

— Как скажете, Высочайший Академик. — Гарулус пожал плечами. — Но я бы на вашем месте был осторожен...

— Хорошо, хорошо. — Каулквейп раздраженно указал выскочке на лестницу. — Не волнуйся, Гарулус. Мы с Ксантом старые друзья. Так ведь, Ксант?

Бормоча что-то себе под нос, помощник библиотекаря полез вниз, а Каулквейп подошел к котелку и разлил дымящуюся похлебку по двум мискам.

— Друзья? — осторожно спросил Ксант, когда они позже мирно сидели на теплом одеяле, возле походного котелка. — Вы имеете в виду, что я был вашим тюремщиком в Башне Ночи?

Каулквейп улыбнулся:

— Даже когда ты был Стражем Ночи, Ксант, я знал наверняка — у тебя доброе сердце. Ты навещал меня, говорил со мной, внимал всем моим рассказам о чудесах Дремучих Лесов...

— Но не переставал быть вашим тюремщиком, — горько проговорил Ксант, отставив в сторону нетронутую похлебку. — И служил Верховному Стражу Ночи. Библиотекари знают это и никогда меня не простят.

— Потерпи до церемонии Расплаты, — посоветовал ему Каулквейп.

— До церемонии Расплаты? — повторил Ксант.

— На ней кто-то должен вступить за тебя, — объяснил Каулквейп, отставляя в сторону пустую миску. — Я бы хотел быть этим «кем-то», но, к сожалению, несмотря на нашу теплую дружбу, моего слова будет недостаточно. Видишь ли, я знал тебя Стражем Ночи. А тебе нужен кто-то, кто видел, как ты творил добро... — Высочайший Академик обнаде-

живающе улыбнулся. — Ладно, доедай свой ужин. Ты совсем ничего не съел.

— Я не голоден, — буркнул Ксант, и это была чистая правда. При упоминании о церемонии Расплаты, ожидающей его в Вольной Пустоши, аппетит куда-то пропал.

— Тогда полезай в гамак, паренек, — сказал Каулквейп. — Ты же устал.

— Хорошо, — покорился Ксант.

— И не переживай, — крикнул ему вслед Каулквейп. — Утро вечера мудренее.

Ксант коротко кивнул. Высочайшему Академику легко говорить. А вот ему, Ксанту Филатайну, было трудно уснуть в ту ночь. О чем думал он, глядя на пушистые ветви, нависшие над его головой, да на желтые фонари, горящие повсюду, как звезды? «Вернется ли к Плуту память? И где сейчас Магда? — Ксант закутался с головой в одеяло. — Возможно, Высочайший Академик прав, и утро вечера мудреней», — думал он, засыпая.

Ксант спал очень чутко, в сон то и дело вторгались незнакомые звуки ночного леса — крики бритвокрылов, вой губошлепов, переклички толстолапов со своими сородичами. С восходом солнца прилетели кровососущие мышеумы — злые птицы с огромными темно-лиловыми глазами — и разбудили лагерь своими воплями. Кляня их на чем свет стоит, глыботроги и плоскоголовые гоблины схватились за палки и не без труда отбили нападение.

Ксант откинул одеяло и огляделся по сторонам. В светлое время суток привал переселенцев выглядел еще необычайней, чем ночью. Солнце, пробивающееся сквозь хвою, казалось теплей и ярче обычного. Ксант улыбнулся: Каулквейп прав, утро вечера мудренее. Возможно, день тоже не подкачает.

— С востока движется эскадрилья! — закричал часовой, примостившийся на самой вершине свинцовой сосны.

Ксант торопливо вылез из гамака. Лагерь пришел в движение, глаза всех устремились на восток.

— Это отряд из Сумеречного Леса!

— Эскадрилья Профессора Тьмы!

Фенбрус Лодд свесился с соседней ветки и протянул Каулквейпу подзорную трубу.

— Да, это Таллус, — проговорил Высочайший Академик. — Будем надеяться, что у него хорошие новости.

Щурясь от яркого солнечного света, Ксант глядел, как летящие с востока мелкие точки становятся все больше и больше. Вскоре уже можно было разглядеть полощущиеся паруса и подвижные противовеся. Вот небоходы пошли на посадку, спугнув окончательно присмиривших мышеумов.

— Сюда! Сюда! — закричал Фенбрус Лодд Профессору Тьмы, выбирающему для посадки своего небесного кораблика ветку пошире. — Добро пожаловать, Таллус! Что ты нам скажешь?

— Да ничего особенного. — Профессор Тьмы опустился рядом с Верховным Библиотекарем и спешил-ся. — В Сумеречных Лесах нет ни единой шрайки.

Фенбрус нахмурился.

— Странно, — протянул он, задумчиво теребя бороду. — Я был уверен, что они устроили там засаду. Призраки не повреждают рассудок...

— Вполне вероятно, что они учуяли Великую Бурю, — предположил профессор Тьмы. — И потом, Фенбрус, навряд ли хоть одна шрайка могла пережить такой молниевый разряд.

— Ты видел, как это произошло? — спросил Каулквейп.

Профессор Тьмы кивнул.

— От начала и до конца. Сначала из облачного водоворота вырвалась молния, превратившаяся в грозофракс. Захватывающее зрелище! — произнес он. — Но самое интересное было потом. Через несколько минут пронесся огромный сияющий Губительный Вихрь, разлившийся по всему Сумеречному Лесу и окрестностям...

Каулквейп мрачно покачал головой.

— И бедняга Плут, оказавшийся на открытых Краевых Пустошах, принял на себя весь удар, — пробормотал он. — Какое чудо, что он выжил.

Ксант, возившийся неподалеку с походным мешком, наострил уши. Если все правда так плохо,

как говорят библиотекари, Плут может *никогда* не поправиться...

— Я еще такого не видел, — продолжал Профессор Тьмы. — Жаль, со мной не было Ульбуса. Он нашел бы все это необычайно познавательным...

— С юга движется эскадрилья! — закричали сразу двое часовых, и лагерь загалдел с новой силой.

— Возможно, это он. — Фенбрус навел подозрную трубу на новую партию небоходов. — Нет, это моя дочь.

Еще три сотни небесных корабликов, встреченные бурными аплодисментами и приветственными криками, опустились на широкие ветви. Варис направила свой небоход к самой высокой свинцовой сосне, где ее уже поджидали Каулквейп, Фенбрус и Таллус Пенитакс. Ксант закинул мешок за плечи и с надеждой поглядел вниз. Возможно, уже сегодня Плуту полегчает...

— Хорошие новости. — Варис Лодд ловко соскочила с «Ястреба». — Мое почтение, Высочайший Академик. — Она склонила голову. — Мое почтение, Верховный Библиотекарь.

— Ладно, ладно, дочь. — Фенбрус нахмурился. — Не время для церемоний. Что ты узнала?

— Подмога на подходе, — весело объявила Варис. — Уже в эту минуту Вольные Уланы движутся нам навстречу.

— Прекрасные новости! — восхитился Каулквейп.

— Отлично, Варис, — добавил Фенбрус. — Ты хорошо поработала. Очень хорошо. Вольные Уланы — лучшие воины Дремучих Лесов!

— Были лучшими, пока здесь не появились мы, — раздался задиристый голос. Все обернулись и увидели на соседней ветке приосанившегося Феликса. За спиной у него стоял отряд Духов Тайнограда.

— Ох, Феликс, — вздохнула Варис. — Это ведь не соревнования.

Феликс вызывающе посмотрел на сестру и отца. Фенбрус закашлялся и опустил глаза.

— А я и не знал. — Феликс печально улыбнулся и обратился к своим подчиненным. — Духи! — командовал он. — Помогите горожанам собраться и сообщите счастливую весть. — Он поглядел на отца. — Вольные Уланы спешат на помощь! Мы спасены! — саркастически добавил он и удалился.

Ксант тем временем спустился вниз по веревочной лестнице и направился разыскивать берлогу. Она была так хорошо замаскирована, что даже при дневном свете отыскать ее было нелегко. Внезапно сзади раздался шелест. Ксант резко обернулся и увидел Вумеру, выбравшуюся из зарослей папоротника с Плутом на руках. Ксант со всех ног бросился к толстолапихе.

— Плут! Плут! — закричал он.

Плут приоткрыл глаза и уставился на юношу. Взгляд его неестественно голубых глаз пронизал Ксанта насквозь.

— Ксант Филатайн, — пробормотал Плут. — Я вспомнил. Ты предал подмастерьев, посланных в Озерную Академию, и сбежал в Башню Ночи, до того как тебя вычислили...

Ксант повесил голову. Из его глаз брызнули слезы.

— Ксант, ты же был моим другом. Как ты мог так поступить? Как ты *мог*...

Плут снова закрыл глаза. Ксант протянул было руку, но Вумеру покачала пушистой головой и отступила назад.

«И что теперь?» — подумал Ксант.

Снова раздались радостные крики, и сердце Ксанта взволнованно забилось в груди. Приближалась третья эскадрилья Библиотечных Рыцарей. Ульбус Веспиус и его отряд возвращались из Восточного Посада. Ксант приподнялся на цыпочках и стал, напряженно вглядываясь, ждать небесные кораблики.

Один из этих пилотов Магда. Магда вступится за него на церемонии Расплаты, даже если к Плуту не вернется память!

Вскоре небо зазеленело от изумрудных костюмов Библиотечных Рыцарей, идущих на посадку. Профессор Све-

та направил свой небоход к самому высокому дереву, на котором его уже ждала целая делегация. К Фенбрусу Лодду, Каулквейпу, Таллусу и Варису уже успели присоединиться капитан Гриф и Феликс. Ульбус по очереди поклонился каждому из них и обратился к Высочайшему Академику:

— У меня плохие новости.

— Что-то неладно в Восточном Посаде? — забеспокоился Каулквейп.

— К сожалению, да, — ответил Профессор. — В Золотом Гнезде появился на свет многочисленный выводок — самая большая армия, которую я когда-либо видел! Тысячи молодых шраек уже покинули Восточный Посад и направляются сюда. Они еще неопытны, но сильны и дерзки. Их крыльям, когтям и клювам может позавидовать любая взрослая шрайка. Эта поросль охоча до боя и жаждет крови. — Он покачал головой. — Признаюсь, это ужасное зрелище.

— Они далеко? — коротко спросил Каулквейп.

Профессор Света пожал плечами:

— Полдня на зубоскалах, около того.

Каулквейп глубоко вздохнул и обратился к Фенбрусу.

— Нельзя сворачивать лагерь, — сказал он. — Горожане должны оставаться в безопасности на деревьях.

Фенбрус нахмурился.

— Но почему? — спросил он. — Если шрайки в самом деле направляются сюда, не лучше ли нам бежать со всех ног?

— Пешком мы далеко не уйдем, — пояснил Каулквейп. — Среди переселенцев много стариков и детей. Так что или нас снимут с деревьев, как спелые фрукты, или Вольные Уланы придут на помощь и будет битва.

— Но что если шрайки их опередят? — предположил Фенбрус.

— Тогда нам придется обороняться самим, — ответила Варис. — Как-никак, у нас есть Библиотечные Рыцари, Духи Тайнограда и воздушные пираты...

Капитан Гриф одобрительно кивнул.

— Нам уже приходилось сражаться с мерзким птичьим отродьем, — усмехнулся он и сжал рукоятку сабли. — И я с радостью перережу глотки еще парочке.

— Ладно, — согласился наконец Фенбрус Лодд. — Но у бойцов не должно быть при себе свитков. Пусть они оставят их на деревьях. Ни один манускрипт не должен пропасть. Мы не имеем права рисковать священной Большой Библиотекой.

— Как же, твои бесценные свитки! — взвился Феликс. — Если мы проиграем битву, не будет никаких свитков, отец, не будет никакой Библиотеки! Шрай-

ки возьмут в плен тех, кто уцелеет, и превратят в ничтожных рабов!

Когда известие о надвигающемся полчище шраек дошло до горожан, лагерь впал в оцепенение. Все отлично понимали, чем могла обернуться встреча с дикими и безжалостными тварями.

Все еще не сводя глаз с неба, Ксант снова полез на дерево. Один за другим на широкие ветви опускались небоходы, и Ксант набрасывался на каждого пилота с одним-единственным вопросом:

— Вы видели Магду Берликс? Вы видели Магду Берликс?

Одни Библиотечные Рыцари лишь качали головой, другие даже не знали, кто это такая. Беспокойство Ксанта возрастало с каждой минутой.

Завидев еще одного Библиотечного Рыцаря, опустившегося на соседнее дерево, Ксант безрассудно перепрыгнул с ветки на ветку, несмотря на головокружительную высоту. Пилот удивленно уставился на лихача.

— Магда? — с надеждой выдохнул он.

Библиотечный Рыцарь привязал небоход к сучку.

— Боюсь, что нет, — ответил он. — Меня зовут Портикс.

Ксант начинал терять терпение.

— Но вы видели ее? Магду. Магду Берликс.

Библиотечный Рыцарь покачал головой. Ксант собирался уже бежать дальше, как из тени выступил еще один сухопарый пилот.

— Ты ищешь Магду Берликс? — спросил он. — Она твоя подруга?

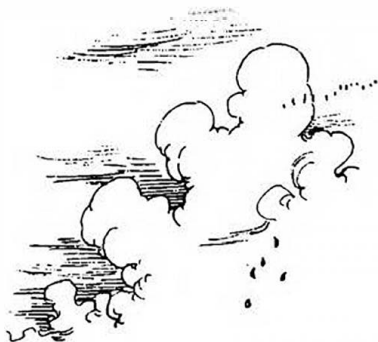

Ксант радостно закивал:

— Да. Мы вместе шли из Нижнего Города.

Сухопарый Библиотечный Рыцарь положил Ксанту руку на плечо.

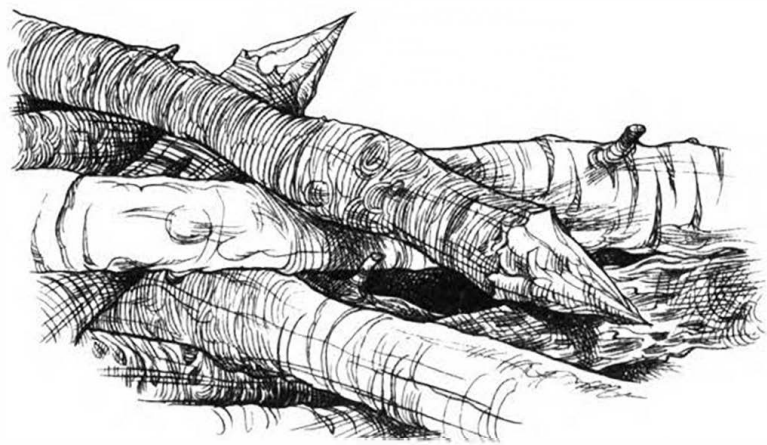
— Плохие новости, дружище, — проговорил он. — Ее подбили над Восточным Посадом. Мне очень жаль, но она не вернется.

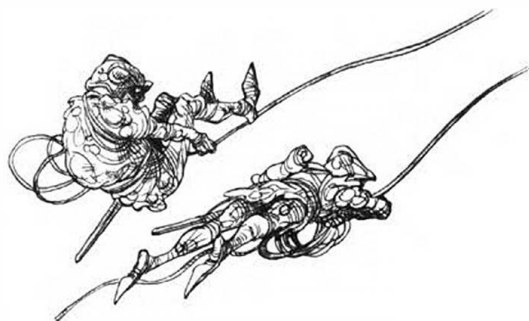

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

КРОВАВАЯ БОЙНЯ

амочка тильдера замерла на лесной поляне, настороженно подняв уши, и втянула розовыми ноздрями воздух. Она чувствовала, как что-то приближается — что-то очень и очень опасное.

В этот час в Дремучих Лесах было весьма неспокойно. Снежники и мышеумы без умолку щебетали на высоких деревьях; дикие свиноморды тревожно перекликивались, а семья лемкинов залегла в густой траве, стараясь даже не дышать. Но маскировка оказалась бессмысленной, поскольку самый крошечный лемкин не вынес такого напряжения и выскочил из укрытия.

— Ва-а-а-и-и-и — кха-кха-кха-кха-кха... — завизжал он, бросаясь наутек во всю прыть маленьких пожек. Его бегство послужило сигналом для всех остальных.

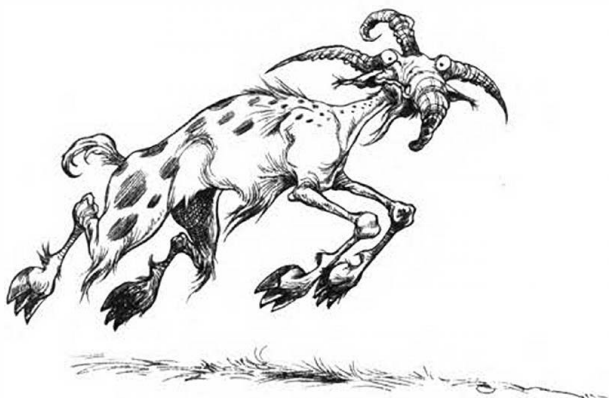
Свиноморды запрыгали прямо по деревьям вглубь леса, мышеумы и снежники взвились в небо, халитозные жабы, бритвокрылы, лесосвиньи и пискунуны — все те, кто еще минуту назад застыл, пригото-

вившись бежать, лететь или скакать при первом признаке надвигающейся опасности, покинули насиженные места и бросились врассыпную.

На какой-то миг поляну накрыли клубы густой пыли и песка. Вот мелькнули острые копыта самочки тильдера, скрывшейся в ближайшей чаще, и все стихло.

Такая трогательная тишина бывает после бури или перед рассветом. Казалось, сама природа замерла... Ни ветерка, ни звука...

Но вот картина изменилась, и на поляне показалась суровая шрайка в сверкающем на солнце рыжевато-коричневом оперении. Следом появилась еще одна шрайка, потом еще одна, и еще одна. И вот уже тысячи грозных воительниц, подобно лесному пожару, заслонили собой линию горизонта.

Шрайки были коричневые, серые и коричневато-серые, полосатые, пятнистые и в крапинку, с кра-

сочными воротниками и роскошными плюмажами. У каждой был крепкий клюв и острые когти. А для самых бесстрашных и искусных противников имелись в запасе пики, копья, булавы, пращи, кривые косы и зазубренные кинжалы.

— Ка-а-ар-ка-а-ар! Кут-кут-кут! — завопила важная шрайка с пурпурно-лиловым плюмажем, скачущая по огромным деревьям верхом на зубоскале.

— Ке-е-р-ке-е-р-ке-е-р! — вторили ей сестры с соседних ветвей.

Не переставая перекрикиваться, армия продолжала свое победное шествие, галдя на весь лес. Впереди всех летела на ретивых зубоскалах благородная Шайка Шраек — несколько сотен сильнейших особей в нарядном оперении и роскошных одеяниях.

Возглавляла войско молодая и дерзкая Мамаша Ослиный Коготь в тяжелых золоченых доспехах.

— Кут-кут-кут-ка-а-а-р! — подбадривала она своих жестоких приспешниц.

Алые и желтые, голубые и лиловые перья предводительницы переливались на солнце, а огромный плюмаж колыхался на ветру, когда она неслась через лес на спине серого зубоскала.

Чуть поодаль скакали сестра Неряшка, матрона Пернатый Рог и другие престарелые матроны, тащившие за собой на привязи свору перепуганных шраек-самцов.

— Хорошо быть снова в строю! — прищелкнула клювом матрона Пернатый Рог.

— Твоя правда, сестра! — согласилась сестра Неряшка, прищипывая зубоскала. — Только взгляни,

как трепещут перед нами Дремучие Леса! Все живое преклоняется перед молодым поколением шраек!

— Таковы наши крошки! — загготала матрона Пернатый Рог. — Даже не могу поверить, что недавно они были птенцами! Чего стоит одна Мамаша Ослиный Коготь!

Сестра Неряшка закивала.

— Из нее вышла прекрасная предводительница, — сказала она. — Я с самого начала это знала. Еще бы, не успела остыть скорлупа, как она сожрала весь выводок. Блестяще!

— Не могу дождаться, когда увижу ее в бою, — пропела матрона Пернатый Рог.

— Терпение, сестра, — поучала сестра Неряшка. — Если верить показаниям Библиотечного Рыцаря, мы будем на месте с минуты на минуту. И тогда переселенцам несдобровать! — Она блаженно закатила глаза и пустилась в воспоминания.

О, как же кричал и извивался пленник в ее острых когтях, умоляя прекратить пытку. Как умолял ее о пощаде, выдав все интересующие сведения до последнего!

И она проявила милосердие. Вместо того чтобы насладиться муками противника, она просто вырвала у него из груди сердце и проглотила еще теплым и бьющимся. Восхитительно! Библиотечный Рыцарь прожил еще несколько минут и видел это!

Сестра Неряшка зорко огляделась по сторонам и, к своей радости, заметила на фоне розовато-желтого неба очертания долгожданных свинцовых сосен. Эти испанские деревья нельзя было перепутать ни с чем.

— Уже недалеко, — проклохтала сестра Неряшка. — Уже недалеко. Я почти чувствую запах крови.

После спешной подготовки к бою в лагере воцарилось затишье. На вершине самого высокого дерева о чем-то совещались Феликс Лодд и капитан Гриф Мертвая Хватка.

— А это сработает? — задумчиво протянул Феликс.

— Должно сработать! — хмыкнул капитан Гриф. — Или мы трупы!

— Трупы или рабы, — горько проронил Феликс.

— О нет, если победу одержат шрайки, рабов не будет, уж поверь мне. — Воздушный пират пригладил растрепанную бороду.

Феликс удивленно вскинул брови.

— По словам твоего Профессора Света, армия еще очень молода, — пустился в объяснения капитан.

— Он не мой Профессор Света, — огрызнулся Феликс.

— Мне без разницы, паренек, — пожал плечами пират. — Это не меняет сути дела. Итак, шрайки вылупились совсем недавно. А значит, у них хромает дисциплина, да и отсутствие опыта налицо. Если начнется битва, они просто не смогут себя контролировать и будут рвать в клочья все и вся. А значит, нам во что бы то ни стало нужна эта победа. Вот так-то.

Капитан Гриф Мертвая Хватка поднес к глазам подзорную трубу и оглядел Дремучие Леса.

— Ну как? — тревожно спросил Феликс.

Воздушный пират покачал головой и сложил трубу.

— Пока ничего, — мрачно проговорил он. — Но шрайки где-то близко. — Он повел носом и прищурился: — Я чувствую их приближение...

Ксант сидел на земле один-одинешенек, безучастно глядя себе под ноги. Внезапно кто-то положил ему руку на плечо. Юноша обернулся и увидел глыботрога в костюме капитана воздушно-го корабля. На пирате был плащ из кожи головонога, в руках он сжимал тяжелый топор.

— Ты ведь библиотечкарь? — спросил он, пристально разглядывая Ксанта. — Тогда тебе лучше спрятаться в убежище вместе с остальными грамотеями и горожанами. Шрайки на подходе, или ты не слышал? — ухмыльнулся он.

— Я искал своего друга Плута Кородера... — Ксант

указал на опустевшую берлогу толстолапов. — Но его, похоже, здесь нет.

— Кородера? — переспросил глыботрог. — Не тот ли это Библиотечный Рыцарь, который попал в Губительный Вихрь?

— Он самый, — вздохнул Ксант. — За ним ухаживали толстолапы...

— Ну, если твой друг с толстолапами, можешь быть за него спокоен, — уверенно сказал глыботрог. — Лучше подумай о себе. Здесь, внизу, очень опасно. Ступай-ка к своим друзьям-библиотекарям!

Ксант печально покачал головой.

— Библиотекари мне не друзья, — вздохнул он. — У меня, похоже, вообще нет друзей.

— И что, ты будешь сидеть здесь и упиваться собственным несчастьем? — резко спросил пират. — Если хочешь, пойдем со мной, — уже мягче добавил он, протягивая Ксанту руку. — Забыл представиться — Хенкель. Капитан Хенкель с небесного корабля «Пронзающая Мгла». Временно без экипажа, поскольку мои матросы сбежали на Опушку Литейщиков с трусливой дворняжкой Квилитом Плимом! Тьфу! Впрочем, все это не важно... Так что, ты идешь?

Ксант улыбнулся и уже протянул было Хенкелю руку, как заметил в траве свер-

ток. Сам не понимая зачем, Ксант поднял находку и развернул тряпицу.

— Что это ты нашел? — спросил Хенкель, с любопытством наблюдая за юношей.

— Это... это меч, — растерянно ответил Ксант.

— И отличный меч. Что ж, забирай его себе, — посоветовал глыботрог. — Отыщешь хозяина после боя. — Он снова протянул Ксанту руку: — Друзья?

Ксант тепло ответил на рукопожатие.

— Друзья! — благодарно откликнулся он.

— Ке-ер-ке-ер-к-а-а-arrrr! — вопила Мамаша Ослиный Коготь, то и дело подстегивая своего серого зубоскала.

Многочисленная пехота вторила ей грозными криками, приливной волной подкатывая к свинцовым соснам. Предводительница уже могла разглядеть переселенцев, которые сбились в группки на раскидистых ветвях. Это было слишком хорошо, чтобы быть явью. Все эти слабаки в ее власти. И она — свирепая, сильная, изголодавшаяся шрайка — будет здесь править бал!

У черного клюва Мамаша запузырилась бешеная пена. Она широко разинула рот и сплюнула подкатившую горькую желчь. Глаза предводительницы вспыхнули желтым огнем, зрачки расширились. Все вокруг словно окрасилось багрянцем.

Она должна ощутить вкус крови! Прямо сейчас! Она будет пировать, пировать! Пировать! Пировать!

И тут же в воздух взвились сотни подожженных стрел. Шрайки метили точно по деревьям, и те мо-

ментально занялись огнем. Горожане оказались в ловушке.

Утробно рыча, зубоскал предводительницы перепрыгнул с медного дерева на широкий сук свинцовой сосны. За своей предводительницей, ликуя, последовала Шайка Шраек.

— Кут-кут-кут-ка-а-ар!

— Ке-ер-ке-ер!

— Кут-кут-кут-ка-а-ар-р-р!

Внизу уже шагала пехота шраек. Тысячи злых желтых глаз рыскали по сторонам в поисках добычи.

А добыча была повсюду. Мамаша Ослиный Коготь и ее именитые сестры перепрыгивали с ветки на ветку, не уставая прищипывать зубоскалов. Тела беззащитных горожан сыпались с веток, как переспелые фрукты, прямо в когти клокочущей перистой массы.

— Ка-а-ар! Ка-а-ар! К-к-к... Ки? Ки? Ки-и-и-и-и!

Оголтелые крики шраек перешли в хриплый свист. Что это? Что? У добычи не было ни крови, ни костей, ни мяса... Одни сучья, одежда, мох, дерюга!

Шрайки раздирали тряпье, рылись в вывалившейся соломе, но тщетно. Мамаша Ослиный Коготь остановила зубоскала и вцепилась в ближайшего застывшего переселенца.

— Ки-и-и-ки-и-и-и-аи-аи! — возопила она, догадавшись, что перед ней не живой противник, а чучело в шерстяной шали. Вырезанное из коры лицо насмешливо глядело на шрайку.

Внезапно ближайшая сестра как-то странно вскрикнула и рухнула к ногам военачальницы. Из глотки

хищной птицы торчала арбалетная стрела. Глаза Мамаши вылезли наружу. Их провели! Они сами стали добычей!

— КА-А-А-Р! — в бешенстве гаркнула она. И, словно в ответ на ее возглас, в небе запестрели крошечные небоходы.

Пилоты искусно управлялись с балансиром, успевая точно выпустить стрелу, метнуть копье и невредимыми отлететь на безопасное расстояние. Шайка Шраек была легкой мишенью, они так и падали с ветвей — по две, по три, по четыре, по десять воительниц. Ошалевшая пехота, ничего не соображая, принялась жадно пожирать себе подобных сестер.

А проворные Библиотечные Рыцари так и сновали из стороны в сторону, заряжая и перезаряжая арбалеты, пока на свинцовых соснах не осталось ни одной сиятельной всадницы.

Шрайки неистовствовали. Они уже попробовали кровь, но едва ли насытились. Вдруг по стволу одного из исполинских деревьев сползла вниз растрепанная шрайка, в которой войско удивленно признало свою предводительницу — Мамашу Ослиный Коготь. Зубоскал Мамаши погиб, блестящие доспехи покоржились, шелка порвались, в оперении местами были проплешины, когти забиты корой.

— Кут-кут-ка-а-а-и! — взревела воительница, свирепо оглядывая притихшее войско.

Она махнула крылом в сторону леса, куда вела тропинка, усеянная оброненными пожитками, вывалившимися из походных мешков во время спешного бегства. Легкие небоходы скрылись за деревьями.

— Ка-а-ар! — завопила Мамаша Ослиный Коготь. —
КА-АА-А-АР-Р!

— Все стихло, — зашептала Гильда своим спутникам. — Что теперь будет?

Старый городской гном по имени Крючкохвост ласково потрепал ее по руке.

— Это затишье перед бурей, — поведал он осипшим голосом. — Видит Небо, если бы мне было всего на пятьдесят лет меньше, я бы показал этим крылатым тварям, что почем. Я бы разбил им черепушки

и вытряхнул оттуда мозги. Вот так! Я бы... Я бы... — Он зашелся раскатистым кашлем.

— Тише вы там, — прикрикнул кто-то.

Городской гном прикрыл рот руками и попытался заглушить кашель. Гильда похлопала старика по спине, а Рогг — седой однорукий плоскоголовый гоблин, сидевший поблизости, снял с пояса флягу, откупорил ее, вытер горлышко рукавом и протянул городскому гному.

— Глотни-ка, приятель, — мрачно пробасил он.

Крюкохвост прижал фляжку к губам, сделал большой глоток и вдруг стал судорожно ловить ртом воздух. Из глаз старика брызнули слезы.

— Что... что... что это?.. — выдохнул он.

— Огненный сок, — объяснил Рогг. — Понравилось?

— Я... я... — Городской гном не мог подобрать подходящих слов. — Я никогда еще не пил такое жуткое пойло.

Рогг фыркнул:

— Но кашлять-то ты перестал, хвостун?!

— А вот я бы не отказался от глоточка хорошего огненного сока, — раздался писклявый голосок. Все обернулись и увидели бледного морщинистого тролля-несуна, завернутого в теплый плед. Старичок робко улыбнулся беззубой улыбкой. — Он бы согрел мои древние кости.

Рогг передал ему фляжку.

— Только капельку, — предупредил он. — А то, гляди, очучуришься.

Гильда сокрушенно покачала головой. До Лафовой Горы было всего ничего; но многие из ее това-

рищей валились с ног от изнеможения. Рогг одной рукой поддерживал тролля-несуна, другой — дородную балаболку с маленькой дочкой. Гильда из последних сил тащила за собой старого Крючкохвоста.

Но теперь с ней не было ее меча. Она несла свое сокровище из Нижнего Города через Топи и Краевые Пустоши, в далекие Дремучие Леса. Это было единственное, что могла она сделать для молодого отважного Библиотечного Рыцаря, вырвавшего ее из унылого рабства. Гильда не знала, жив ли ее герой, но на всякий случай взяла с собой в поход тяжелый меч... И, о чудо, она увидела юношу!

Сомкнув веки, он тихо постанывал в объятиях огромной толстолапихи. Гильде хватило одного взгляда, чтобы понять — ее храбрый Библиотечный Рыцарь очень болен.

Толстолапиха скрылась в берлоге, и Гильда не посмела последовать за ней. Великанша выглядела такой суровой, а бедный юноша все равно был без сознания. Гильда решила не тревожить его и оставила завернутый в тряпки меч у входа в берлогу. Она хотела вернуться сюда позже и удостовериться, что толстолапиха забрала сверток, но весть о нападении шраек поломала ее планы. Лагерь пришел в движение, горожане спешно собирали пожитки, хватая самое ценное...

Гильда обвела взглядом своих спутников: только утром они мирно завтракали у походных котелков и сорвались с насиженных мест всего несколько часов назад. Старые и молодые, богатые и бедные, беженцы из Нижнего Города упрямо брели на запад, проди-

раясь сквозь дебри Дремучих Лесов, прочь от свинцовых сосен.

Дважды беднякам пришлось, спотыкаясь, падая и снова поднимаясь, пробираться через бурелом, пока наконец, усталые, ослабевшие и напуганные, они не добрались до вершины горы.

Только здесь воздушные пираты и Духи Тайнограда разрешили им остановиться и разбить лагерь. Вскоре вся округа огласилась стуком топоров и визгом пил, горожане и их провожатые сооружали баррикады. К вечеру Библиотечные Рыцари сели на свои небоходы и полетели обратно к свинцовым соснам.

Гильда следила за ними, затаив дыхание. Какими благородными, какими отважными казались они ей. Проводив взглядом небесные кораблики, горожане сбились в кучу и стали ждать первых вестников приближающейся битвы.

И вот вдалеке раздался пронзительный крик шрайки. В лагере наступила мертвая тишина. Все как один наострили уши, прислушиваясь к каждому вскрику, визгу, грохоту, доносившимся до Лафовой Горы. Самые суеверные сжимали в руках медальоны и поглаживали амулеты, шепча молитвы или заклинания в истовой надежде, что Библиотечные Рыцари победят неумолимого врага.

Наконец шум битвы стих, и, когда солнце село, небоходы вернулись на гору. Взошла луна, вдалеке пылали опаленные горящими стрелами свинцовые сосны. Воздушные пираты, Библиотечные Рыцари и Духи Тайнограда собрались на баррикадах.

Тем временем по лагерю уже поползли слухи об убийстве Шайки Шраек. Казалось, теперь уж битва выиграна, но Мамаша Ослиный Коготь выжила. У войска оставалась предводительница, и шрайки, перегруппировавшись, продолжили наступление.

Гильда натянула капюшон и поежилась. Впереди ждала длинная ночь.

Ксант был счастлив, что стоит плечом к плечу с Хенкелем. Пусть впереди была целая армия свирепых шраек, рядом с ним стоял дюжий, покрытый боевыми шрамами глыботрог с тяжелым топором в руке. Ксант оглядел свой новый меч. До чего он хорош. Покрытая орнаментом рукоятка блестит как зеркало, а клинок такой острый, что может разрезать вдоль тоненький волосок.

Ксант перевел восторженный взгляд на глыботрога.

— Он великолепен! — выдохнул юноша.

— Еще бы, — согласился Хенкель. — По всему видать, церемониальный меч. Думаю, ему не терпится перерезать глотки парочке шраек. — Он зашелся гортанным смехом. — Испробуй его в деле, паренек.

Ксант медленно поднял меч, сделал выпад, отразил воображаемый укол и точно поразил невидимого соперника серией отточенных ударов. Меч был таким

податливым, что, казалось, сам рассекает воздух, как проворный птицекрыс.

— Превосходно, превосходно! — одобрил Хенкель. — Он как будто создан для тебя. И скажу тебе, паренек...

Глыботрог запнулся и прищурился. Они стояли во втором эшелоне, за баррикадой из срубленных деревьев, которые капитан Гриф Мертвая Хватка велел повалить, дабы лишить шраек возможности внезапно напасть сверху.

Впереди проходила еще одна полоса баррикад, которую защищали Духи. Ксант различил силуэт Феликса, знаками приказавшего своему эшелону подготовиться к первой атаке.

До ушей Ксанта донесся рокочущий голос Хенкеля:

— Держись молодцом, паренек!

Ксант сжал рукоятку меча, твердо решив оправдать доверие пирата. Ночь была тихая, слышалось лишь чье-то покашливание да мрачное перешептывание пиратов, не сводивших глаз с Феликса.

И вдруг Ксант услышал то, чего ждали все. Услышал пронзительный птичий крик, от которого в жилах стыла кровь. В следующий миг вся округа огласилась воплями шраек.

— Вот и они, — пробормотал Хенкель. — Да защитят нас Небеса.

Огромная волна крылатых тварей с пиками, топорами и кистолотами буквально рухнула сверху и потекла по поляне к первой баррикаде. Ксант затаил дыхание. Духи Тайнограда уже яростно бились со шрайками, а те все прибывали и прибывали. Хлест-

кие лассо рассекали воздух, обвивая пернатые шеи. Но надолго задержать столь многочисленное войско было невозможно.

Они были обречены, Ксант ни минуты в этом не сомневался. Слишком много жестоких, жаждущих крови шраек успело вылупиться в Золотом Гнезде.

Каждая клеточка тела Филатайна уговаривала его бежать. Бежать, пока бурлящий поток из клювов, когтей и перьев не сотрет его в порошок. Хенкель, наверное, прочитал мысли юноши, потому что уверенно положил руку ему на плечо.

— Спокойно, паренек. Миг перед битвой — самый страшный. Верь своему мечу и стой, где стоишь.

Ксант коротко кивнул и еще сильнее стиснул рукоятку меча. Сможет ли острый, сияющий клинок

остановить хотя бы одну лютую шрайку? Он выяснит это сегодня ночью.

— Духи, отступаем!

Не успела прогреметь команда Феликса, как над головой пиратов и Ксанта просвистели сотни лассо, обхватившие ветви деревьев. Вооруженные до зубов Духи вырвались из кольца шраек и приземлились позади второй баррикады.

Ксанти ахнул. Он еще никогда не видел такого захватывающего зрелища.

— Что ж, отлично! — прорычал Хенкель. — К бою!

В это время шрайки, обнаружив, что добыча исчезла, зашлись в яростных криках. Они перелезли через сваленные бревна и ринулись ко второй баррикаде.

Ксанти уже видел их злые ярко-желтые глаза, острые клювы и сверкающие в лунном свете когти.

— *Огонь!* — гаркнул капитан Гриф, и воздушные пираты направили в противников тяжелые арбалетные болты.

Первая шеренга шраек с воплями повалилась на землю, но их сородичи даже не замедлили шаг.

— *Огонь!* — командовал капитан Гриф. — *Огонь!*

Новые и новые снаряды вонзались в гущу пернатой армии, но шрайки продолжали наступать.

— Вперед! — проревел Хенкель, когда первые шрайки добрались до баррикад. В нос Ксанти ударил запах тухлого мяса и птичьих испражнений. Жуткие создания перебрались через сваленные деревья и, разинув клювы, набросились на пиратов. Хенкель взмахнул топором и одним ударом обезглавил сразу трех шраек. Ксанти поднял меч и почувствовал, как по руке

пробежал электрический разряд, когда одна, а сразу за ней другая шрайка налетели на сверкающее острие.

— Хорошая работа, паренек, хорошая работа! — прокричал Хенкель, когда Ксант вытащил из груди погибшей противницы перепачканный в крови меч. У юноши зашумело в ушах, сердце было готово разорваться. — Осторожно! — закричал Хенкель. — Сзади!

Ксант обернулся и успел увидеть, как огромная мускулистая шрайка с пятнистым кремово-бурым плюмажем запустила в него ядро с острыми шипами и гремящей цепью.

Ксант отскочил в сторону, пригнулся, поймал ядро за цепь и метнул его в шрайку. Воительница повали-

лась на землю, сотрясаясь в предсмертной агонии, а из разверзшейся глотки хлынула густая, темная кровь.

Не успел Ксант отдышаться, как сразу три шрайки в рыжем оперении с косами наперевес бросились на него. Обливаясь потом и превозмогая боль, Ксант закрутился на месте, искусно отражая бешеные удары, проворно уклоняясь от крепких клювов и заточенных когтей.

— *Охх!* — вскрикнул он, когда когтистая лапа зацепила его за плечо, и упал на одно колено.

В этот момент обступившие его шрайки закричали от боли. Рыжие перья окрасились кровью. Ксант поднял глаза и увидел Хенкеля, сжимающего в руке топор.

— Бежим! — приказал он.

Ксанту не нужно было повторять дважды. Он вскочил и бросился к вершине Лафовой Горы вслед за глыботрогом, расчищавшим дорогу взмахами тяжелого топора. То и дело их обгоняли окровавленные, облепленные перьями воздушные пираты. Духи прикрывали отступление, посылая в шраек с деревьев потоки стрел.

На вершине их встретили побелевшие и онемевшие от ужаса горожане. Вокруг них нерушимой стеной стояли Библиотечные Рыцари. По их суровым лицам было ясно, что они будут драться до последнего.

Ксант увидел Фенбруса Лодда, застывшего с гордо поднятой головой подле сгорбленного Высочайшего Академика Каулквейпа. Он увидел охранявших их Варис Лодд и Профессоров Света и Тьмы с самострелами и мечами наперевес.

Капитан Гриф Мертвая Хватка в изорванном в клочья плаще торопливо направился прямо к ним.

— Мы сдерживали их до последнего, — обратился он к Каулквейпу. С бороды капитана капала темная кровь убитых шраек. — А ваш сын и его Духи заставят их заплатить за каждый шаг, сделанный вверх по горе, — добавил он, переводя взгляд на Фенбруса. — Парень хорош в бою, можете мне в этом поверить.

Фенбрус Лодд мрачно кивнул.

— Мы встретим врага здесь, — заявил он. — Если Большой Библиотеке суждено погибнуть, мы погибнем вместе с ней.

— Боюсь, что так и будет, — угрюмо согласился капитан Гриф. — Шрайки впали в неистовство. Ждите кровавую бойню.

Ксант опустился на скалистый уступ рядом с Хенкелем и перевел дыхание. Луна залила Лафовую Гору серебряным светом. Отовсюду неслись тихие всхлипы и приглушенные рыдания.

— Ты хорошо сражался, паренек, — сказал Хенкель, вытирая окровавленный топор полой плаща из кожи головонога. — Я рад, что ты был рядом со мной.

— А ты со мной, друг. — Ксант выдавил улыбку.

— Пошли-ка. — Глыботрог поднялся на ноги. — Ночь еще не закончилась.

Воздушные пираты присоединились к Библиотечным Рыцарям, защищавшим подступы к вершине. Вскоре подоспели Духи Тайнограда, ловко передвигавшиеся по деревьям с помощью легких лассо. Темные облака заволокли луну, подул резкий ветер, на вершине горы воцарилась тишина.

— Чего они ждут? Почему не наступают? — прошептал Ксант.

От подножия горы неслись крики шраек.

— Они пожирают мертвых, — ответил глыботрог без обиняков. — А когда набьют брюхо, — он прищурился, — придут за нами.

Долго ждать не пришлось. Крики шраек становились все громче, но один голос перекрывал все остальные:

— КА-А-А-АР-КА-А-А-АР-КА-А-АР!

От этого крика на ветвях колыхалась листва.

— Кут-кут-ке-ер-ке-ер! — отвечали тысячи других голосов.

Вот в воздухе засвистели стрелы, одна пролетела в миллиметре от щеки Ксанта, юноша пошатнулся и, не удержавшись, упал. А когда поднялся, то увидел огромную армию шраек, штурмующих вершину.

Это больше не был беспорядочный, кричащий поток — нет, они шли медленно и целеустремленно, все выше и выше по склону. Перья шраек были перепачканы в крови, клювы и когти окрасились в алый цвет, в желтых глазах горели пульсирующие огни.

Ксант зачарованно смотрел на приближающееся полчище. Он не представлял, что может остановить предстоящую резню, о последствиях которой уже догадывался. Их всех ждет конец.

Когда до вершины оставалось всего чуть-чуть, снова раздался властный голос:

— КА-А-А-АР-КА-А-А-АР-КА-А-АР!

Огромная Мамаша Ослиный Коготь пробилась вперед и подняла вверх окровавленный коготь. Вот оно! Последнее пиршество!

И вдруг раздалось чистое и сладкое пение горна из рога тильдера. Пение и последовавший за ним раскат грома неслись от подножия горы. Мамаша замерла на месте. Что это?

— Ки-и-и-ки-и-и-ки-и? — спрашивали друг у друга встревоженные шрайки.

А тем временем внизу появилось огромное ощерившееся и извивающееся животное. Оно быстро двигалось вверх по склону горы, явно преследуя армию шраек. Мамаша Ослиный Коготь с ужасом глядела, как животное расплзается на сотни частиц и превращается в сотни воинов, вооруженных копьями.

Ксант огляделся по сторонам. Воздушные пираты, Духи Тайнограда и Библиотечные Рыцари вытягивали шеи и вставляли на цыпочки, пытаясь разглядеть, что взволновало врагов. Внезапно сквозь толпу шраек прорвался вооруженный до зубов наездник на рыжем зубоскале. За ним проследовали еще двадцать всадников. На белых туниках воинов были вышиты алые толстолапы.

— Вольные Уланы! — раздались восторженные крики.

Вскоре всюду, куда только ни погляди, замелькали отважные всадники на могучих зубоскалах. Застав шраек врасплох и нарушив организованные ряды, они атаковали их со всех сторон.

— КА-А-А-АР-КА-А-А-АР-КА-А-АР! — возопила Мамаша Ослиный Коготь, увидев, что ее войско бросается наутек.

А за ее спиной Ксант взмахнул мечом, затаил дыхание и рассек воздух.

— КА-А-А-АР-КА-А... К... ох!

Мамаша умерла, прежде чем коснулась земли. Ее голова с великолепным плюмажем и крепким клювом отделилась от тела.

— Хенкель! Хенкель! — радостно закричал Ксант. — Я сделал это! Я смог! Я убил ее...

Он обернулся, замер и упал на колени. Хенкель полусидел-полулежал на земле и глядел на юношу невидящими глазами, изо рта глыботрога вытекла тонкая струйка крови, из груди торчала стрела, выпущенная какой-то шрайкой.

— Эй, ты! Да, ты! — раздался сердитый голос. Ксант поднял голову и увидел разгневанного Феликса Лодда. — Где ты взял этот меч?

Сестра Неряшка и матрона Пернатый Рог бежали через лес, таща за собой на поводках хилых шраексамцов. Было темно и холодно. Луна скрылась за дождевыми облаками, приплывшими с севера.

— О, наши крошки! — завывала матрона Пернатый Рог. — Такие молодые, такие неопытные. Они оказались в западне...

— Это была кровавая бойня, — качала головой сестра Неряшка. — Не думала, что доживу до того дня, когда войско выйдет из-под контроля и шрайка пойдет на шрайку.

— Ты ничего не могла поделать, сестра. — Матрона Пернатый Рог закатила глаза. — *Никто* не смог бы. Жажда крови оказалась сильнее. Наши детки запутались. После гибели предводительницы началась полная анархия.

— Будь проклят Нижний Город! — сплюнула сестра Неряшка. — Будь проклята Вольная Пустошь! Еще чуть-чуть, и победа была бы на нашей стороне...

— И что нам теперь делать? — всхлипывая, спросила матрона.

Сестра Неряшка обернулась и смерила свою наперсницу холодным немигающим взглядом.

— Наша лучшая армия уничтожена в Нижнем Городе. Наше последнее войско пало в Дремучих Лесах. У нас ничего не осталось, моя дорогуша, — горько бросила она. — Эпоха шраек окончена.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

**ЦЕРЕМОНИЯ
РАСПЛАТЫ**

ДОЛИНА
ВЕЙФОВ

ОСТОЧНЫЕ
РУБЕЖИ

ЗАПАДНЫЕ
РУБЕЖИ

КОЛОНИЯ ГОБЛИНОВ-
СИРОПЩИКОВ

НОВЫЙ НИЖНИЙ ГОРОД

ПОСЕЛЕНИЕ ГОБЛИНОВ

ПЧЕЛИНЫЕ
ДОМИКИ

ЛАФОВАЯ
БАШНЯ

ПОВЕРЕЖЬЕ

СЕВЕРНОЕ
ОЗЕРО

КОЛЫБЕЛЬНЫЙ
ОСТРОВ

ТАВЕРНА
«ДУБ-КРОВООС»

СЕВЕРНЫЕ РУБЕЖИ

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

НОВЫЙ НИЖНИЙ ГОРОД

Яркое солнце освещало Вольную Пустошь. Никогда прежде на улицах Нового Нижнего Города не было так много гуляк, как в этот теплый вечер на исходе лета. Все жители высыпали на улицу, чтобы приветствовать дорогих гостей. А те после опасного и долгого путешествия не могли оторвать глаз от окружающей их красоты.

Каждый дом с затейливым резным фасадом, расположенный на площади, узкой аллее или в проулке, был украшен красочными флагами и транспарантами. Длинные цепочки мерцающих фонарей — золотых, розовых и белых — тянулись вдоль улиц от элегантной башни из лафового дерева в центре до расположенных в южной части города пчелиных домиков с зонтами над дымовыми трубами. Гирлянды вились над каждой улочкой, обрамляли мосты, очерчивали площади, спускались к берегу, украшали рыночные прилавки, отражались в глубоких водах Северного Озера.

Как только село солнце, фонари запылали еще ярче, озаряя радостные лица жителей Нижнего Города, Нового и Старого. Кто-то смеялся, кто-то пел, кто-то пустился в пляс — тут и там танцевали тролль-

ПОЛ СТЮАРТ, КРИС РИДЕЛ

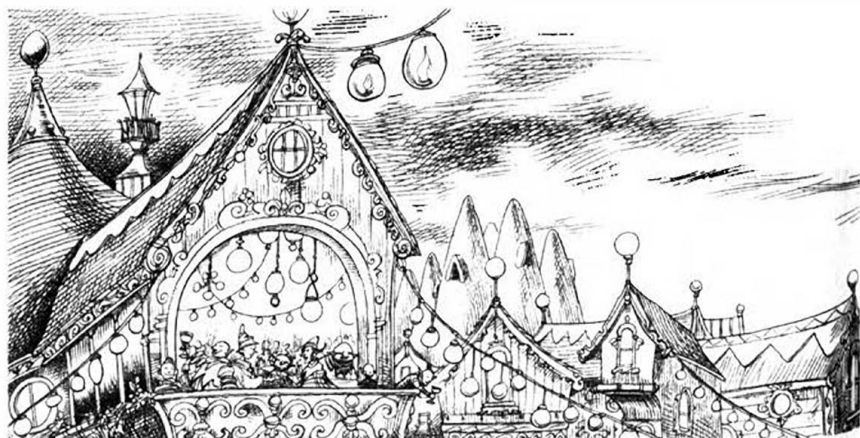
ВОЛЬНАЯ ПУСТОШЬ

скую джигу, троговую чечетку и тролльнесунскую польку. Уличные музыканты ходили по улицам с дудками, барабанами и каким-то диковинным струнным инструментом, который могли поднять только четверо. Толпа празднующих, хохоча и пританцовывая, двинулась из центра к побережью, где на лотках всегда было много соблазнительных лакомств.

— Лесной эль! Кому лесной эль! — вопил румяный городской гном, выглядывая из-за огромной бочки, стоящей на высоком дощатом столе.

— Извольте чарочку вина из живицы! — выкрикивала крох-гоблинша из-за соседнего прилавка.

Компания троллей-несунов — стар и млад, — еле передвигающих ноги после долгого путешествия, робко глядела на ломящиеся прилавки. Наконец они остановились возле тележки балаболки. Молодой тролль-несун в изодранном плаще склонился над ды-

мящейся кастрюлей и жадно втянул носом манящий аромат.

— Не желаете ли дубомеда? — ласково спросила торговка. — Со специями и травами. — Она проворно схватила большую ложку и миску и налила в нее тягучую теплую жидкость. — Попробуйте! — предложила она.

Троль-несун взял миску и сделал маленький глоток. Вкус у блюда был изумительный.

— И почему? — осторожно спросил паренек.

— Почему? — повторила балаболка, и ее глазки запрыгали от удивления. — Это же Вольная Пустошь. Один за всех и все за одного. — Она широко распахнула руки, словно обнимая всех вокруг. — Здесь все бесплатно. Все, что вы, наши бедные, наши славные жители Старого Нижнего Города сможете съесть и выпить.

Тролли-несуны переглянулись и расплылись в счастливых улыбках. В Старом Нижнем Городе они

влачили жалкое существование, зарабатывая на пропитание непосильным трудом в кузницах знатных купцов. Работа была тяжелая, дни казались бесконечными, а платой за работу являлась жидкая каша с черствым хлебом. Но в Новом Нижнем Городе даже воздух был сладким и все вокруг приветствовали их улыбками, как старых друзей.

— Спасибо вам, добрая госпожа, — благодарно проговорил молодой тролль-несун. — Тысяча благодарностей.

— Значит, всем по порции дубомеда? — улыбнулась балаболка, ее длинный язык так и мелькал, когда она разливала по мискам ароматную смесь. — Кушайте на здоровье! — провозгласила она. — И добро пожаловать! Добро пожаловать домой!

В тот вечер во всех уголках оживленного города, да что там — во всей Вольной Пустоши, от южных лугов до северных окраин, от деревень лесных троллей на востоке до берегов Большого Озера на западе, — всюду радушно встречали дорогих гостей.

— Жареные шишки, — надрывался городской гном, расфасовывая лакомство по большущим кулям. — Карамельки с соком, лощинные ягоды в желе...

— Аппетитные сосиски из мяса тильдера и черный хлеб, — перекрикивал его душегубец. — Кушайте сколько влезет.

Зашло солнце, уступив место на небосводе луне, но никто и не думал расходиться по домам. Наоборот, все новые и новые гуляки присоединялись к общему веселью. Разнаряженные глыботроги высыпали из уютных пещер на юго-востоке Вольной Пустоши и радостно

приветствовали своих оборванных, усталых соотечественников, прибывших из перенаселенного и холодного Старого Нижнего Города. Не прошло и часа, как они уже вовсю вместе отплясывали зажигательные танцы и пили традиционное травяное пиво.

Толпы лесных троллей и душегубцев пришли в Новый Нижний Город с севера, прихватив с собой компанию гоблинов-сиропщиков, спешивших на праздник с востока. Все они — беженцы из Старого Нижнего Города и граждане Нового Нижнего Города — улыбались и кланялись друг другу, обнимались и целовались. Они знакомились, пели песни и делились всем: от старинных преданий до сочных сарделек. В эту сказочную ночь тысячи раз повторялась одна и та же сладкозвучная фраза: «Добро пожаловать в Вольную Пустошь! Добро пожаловать домой!»

А на маленьком деревянном причале, тесно прижавшись друг к дружке, сидели два плоскоголовых гоблина — он и она — и бросали в Северное Озеро камешки, наблюдая, как расходятся круги по воде.

— Я и не думала, что когда-нибудь снова увижу тебя, Горл, — говорила она, смахивая с глаз слезы.

— Я тоже, Реда. — Он крепко сжал ее руку.

— Когда они забрали тебя... — всхлипнула она, — когда заковали тебя в цепи и увели в Санктафраксов Лес, Нижний Город перестал для меня существовать. Я ушла сюда, попробовала начать жизнь заново, но никогда, ни на минуту не забывала тебя...

— Знаю, — ответил Горл. — Но все наши беды остались в *Старом* Нижнем Городе. В прошлом, Реда. Главное, что мы снова вместе. — Он огляделся по сторо-

нам. На фоне звездного неба темнела бескрайняя Свинцовая Роща. Разноцветные огни, задорный смех, аппетитные запахи, музыка и стук сапог в ритме танца напоминали ему о том, что теперь все будет по-другому. Он улыбнулся и притянул подругу к себе: — Теперь мы граждане Вольной Пустоши.

Реда ничего не ответила, она просто улыбалась счастливой улыбкой, чувствуя его крепкие, надежные объятия.

А в это время к башне из лафового дерева под приветственные крики ликующей толпы приближалась нарядная карета. На второй этаж башни вела широкая парадная лестница. А там на площадке, украшенной свежими цветами и фруктами, дорогих гостей ждал Совет Трех Старейшин — все трое досточтимые заседатели.

Парсиммон, Верховный Правитель Озерного Острова — невысокий крох-гоблин в простых одеждах и с огром-

ным букетом лесных лилий, — ласково улыбался мудрой старческой улыбкой. Рядом с ним на резном лафовом табурете стояла на цыпочках Хранительница Задумчивого Сада Канкарессе из Долины Вейфов, ее знаменитые полупрозрачные уши слегка подрагивали. Третий почетный заседатель — мэр Нового Нижнего Города низкопузый гоблин Хеб Лаб-Драб — стоял, выпятив толстый живот с перевязью, украшенной сияющей цепочкой, символом его высокого положения.

Но вот зубоскалы в нарядной упряже, украшенной гирляндами из разноцветных перьев и маленькими звонкими колокольчиками, остановились у подножия лестницы. Дверца кареты открылась, и на площадь один за другим вышли Каулквейп Пентефраксис, Фенбрус Лодд, его дочь Варис и Профессора Света и Тьмы — один в белом, второй в черном одеянии. Каждого гостя толпа приветствовала восторженными криками.

Все пятеро зашагали по белоснежным ступеням, а собравшиеся на площади жители Нового Нижнего Города хлопали в ладоши, топали ногами и одобрительно улюлюкали. Канкарессе протянула Каулквейпу крошечную ручку и заговорила мягким, мелодичным голосом, заполнившим покоем и миром сердца и души всех слушающих.

— Добро пожаловать, друзья. Совет Трех Старейшин стал Советом Восьми. Пришло время для воссоединения. Теперь все мы — граждане Вольной Пустоши.

— Да здравствует Вольная Пустошь! — взревел краснолицый глыботрог. — Отныне больше нет граж-

дан Старого Нижнего Города и граждан Нового Нижнего Города. Все мы граждане славной Вольной Пустоши!

— Это правда. Отныне и вовеки мы граждане Вольной Пустоши, — прожурчала Канкарессе. — И если я права, таверна «Дуб-кровосос» только что распахнула свои гостеприимные двери. А там подают отменный лесной эль!

— И правда! — подхватил глыботрог. — Давайте пропустим по кружечке и отметим наш добрый союз.

И они были не единственными, кто в ту ночь решил пропустить по кружечке. Матушка Синешейка, старая шрайка, управлявшая таверной «Дуб-крово-

сос», лично помогала сбившимся с ног официантам наполнять стаканы и разносить подносы. Эль лился рекой, веселье было в самом разгаре. За каждым столиком слышался дружный смех, и вся таверна сотрясалась от лихих плясок.

— По кружечке эля, добрые господа? — услужливо пропела Матушка Синешейка, с трудом протискиваясь между столиками к новым посетителям.

— Разлюбезная шрайка с пенным лесным элем?! — восхитился Феликс Лодд, разом опорожняая кружку. — Поистине Вольная Пустошь — чудное место!

— И правда чудеса! — согласился с ним капитан Гриф. — Спасибо, милостивая госпожа. Старый воздушный пират ваш вечный должник!

Сидевшие рядом с капитаном Вумеру, Вурало и Виг получили по высокому стакану лесной живицы и сока из лощинника и теперь блаженно потягивали вкусный напиток. И хотя они не взяли в рот ни капли спиртного, атмосфера всеобщего праздника опьянила их, и могучие толстолапы горланили песни вместе с гуляками и раскачивались на стульях взад-вперед, подняв мохнатые лапы.

Матушка Синешейка с нежностью смотрела на своих посетителей. Какие они все-таки забавные, эти жители Старого Нижнего Города. Взять хотя бы этого самоуверенного молодого Духа Тайнограда с ясными глазами и копной светлых волос или его товарища, седеющего воздушного пирата, такого обходительного и любезного. Да что там, вот толстолапы — это да! Сначала они напугали хозяйку своим грозным видом, но уже через несколько минут она поняла, какие они ми-

лые и дружелюбные. Что до молодого Библиотечного Рыцаря с пронзительно голубыми глазами, который робко улыбается ей, то он выглядит таким потерянным. И толстолапы возятся с ним, как с малышом.

Но вот юноша наконец взял с подноса кружку эля, и Матушка Синешейка внимательно огляделась по сторонам.

В уголке подметал пол тощенький шрайк Биккли, муж хозяйки. Он был неприметным, маленьким существом, но это было ее неприметное, маленькое существо, и Матушка Синешейка любила его всем сердцем.

— Еще две кружки, к тому столику, — прошептал кто-то, и шрайка завертела головой. У ее ног стоял крохотный вейф-официант с огромными отто-

пыренными ушами. Матушка Синешейка добродушно кивнула и направилась к двум новым посетителям, на которых ей указал своим по-паучьи тонким пальцем вейф.

— Матушка, ты чудо! — восхитился коренастый гоблин Зет Черноглаз, вручая ей пустую кружку и хватая с подноса новую.

Его грузный товарищ, глыботрог Гроум, в потерятой кожаной кепке благодарно кивнул, когда шрай-

ка поставила перед ним пенящийся напиток.

— Из «Дуба-кровососа» никто не уйдет голодным, да, матушка?

— Наш бочонок почти опустел! — слышался хор голосов за спиной хозяйки. Матушка Синешейка обернулась и увидела завсегдатаев таверны: Меггата, Беггата и Дега — гоблинов из армии генерала Титтага, сбежавших в свое время в Вольную Пустошь.

— Ох, простите меня, господа, — извинилась она перед Зетом и Гроумом и бросилась на зов гоблинов. — Повторить, господа?

Гоблины дружно закивали, и Матушка подкатила к ним новый бочонок.

— Ну, готовы? — спросила она.

Три головы закивали в ответ, и шрайка одним ударом острых когтей проделала в бочке дыру, из которой полился терпкий эль. Гоблины жадно набросились на угощение.

— Пейте, мои дорогие, — улыбнулась Матушка Синешейка, вытирая когти о белоснежный передник. — Еще лесного грога, капитан?

Последние слова адресовались высокому мрачному старику с густой, спутанной бородой.

Он также был постоянным клиентом таверны. В Вольной Пустоши его называли Пиратом Топей. Настоящего имени старца никто не знал, так как он никогда и ни с кем не разговаривал. Он пришел в Новый Нижний Город более двенадцати лет назад и быстро стал завсегдатаем таверны. Своим обликом он походил на воздушного пирата, а бледная кожа свидетельствовала о том, что старик много лет провел

в Топях. Отсюда взялось и прозвище. Но, по мнению Матушки Синешейки, самым необычным в ее посетителе были глаза.

Эти затуманенные и немигающие, непривычно светлые пристальные глаза, казалось, видели то, что другие не могли увидеть. Но, поскольку старик всегда молчал, хозяйка не могла подтвердить свои подозрения.

За одним из соседних столиков царило бурное веселье.

— Тост! — прокричал капитан Гриф Мертвая Хватка, поднимаясь на непослушные ноги. — За нас! — продекламировал он. — И за Вольную Пустошшш!

— За Вольную Пустошь! — гаркнул Феликс.

— Во-ух-Пу-ух-вух! — запели толстолапы.

Капитан Гриф плюхнулся на стул и недовольно покосился на мохнатых гигантов.

— *Вух-вух-вух*, — проворчал он. — Не понимаю я, что вы говорите!

Толстолапы зашушукались. Затем Вумеру кивнула и взмахнула левой лапой.

— Вела-вух-вурра-йолла-вух, — выговорила она.

— Что она говорит? Что говорит-то? — наседал воздушный пират на Плута.

Плут улыбнулся, отчего его глаза замерцали еще ярче.

— Она говорит, что лесной эль развязал язык Пыш-нобородому. Скоро он станет петь как толстолап.

Капитан Гриф зашелся раскатистым смехом.

— Почему бы и нет. Это несложно. — Он запрокинул голову и заорал: — Вух-ух-ух-вух-о-о-о-о-о!

Феликс заткнул уши пальцами:

— Что это значит, во имя Небес?

— Разве не ясно? — Воздушный пират указал на пустую кружку. — Меня мучит жажда!

Феликс расхохотался.

— Еще эля! И свежеевыжатого сока для наших лохматых друзей! — махнул он вейфу.

Капитан Гриф поднялся со стула и потянул за собой толстолапов.

— Пускай мы говорим на разных языках, но всегда есть способ понять друг друга. — И воздушный пират стал неловко выплясывать замысловатые коленца.

Толстолапы, посмеиваясь, подхватили игру.

Феликс повернулся к Плуту и вдруг нахмурился.

— Плут! — позвал он. — С тобой все в порядке?

Друг был еще бледнее, чем прежде, а под глазами залегли черные круги.

— Я просто очень устал, — Плут в изнеможении откинулся на спинку стула. — Но заснуть не получается. В голове каша, какие-то тени и образы, кое-что я могу вспомнить до мельчайших подробностей, а кое-что — вообще не могу...

— А это ты помнишь? — Феликс вытащил из-под плаща прекрасный меч.

— Мой меч... — Плут болезненно поморщился. — Это... это ты мне его подарил. Очень давно. Еще в подземной библиотеке. Я потерял его в Нижнем Городе...

— А я нашел в Дремучих Лесах, — сказал Феликс. — Он был у Ксанта Филатайна — того самого Ксанта Филатайна, который заманил тебя в Краевые Пустоши. Он клянется, что нашел меч. — Феликс фыркнул. — Свежо предание! Он и его дружки, Стра-

жи Ночи, небось похитили его, а Филатайн боится признаться. — Он покачал головой. — Этот парень все время лжет. Говорил я тебе, будь с ним осторожен.

— Ксант Филатайн, — повторил Плут. — Мы с ним вместе учились в Озерной Академии. Он оказался шпионом Верховного Стража Ночи... И все... Больше я ничего не помню. — Плут поглядел на Феликса: — Где он сейчас?

— За это не волнуйся, — твердо сказал Феликс. — Он под надежной охраной.

— Где?

— В Садах Света под Свинцовой Рощей, — ответил Феликс. — Он останется там до церемонии Расплаты. И, насколько я знаю, многие выступят против него, в том числе я...

— Плут Кородер! — закричал вдруг чей-то звонкий голос. — Глазам своим не верю! Плут Кородер!

Феликс и Плут обернулись и увидели крепкого ухмыляющегося юношу одних лет с ними.

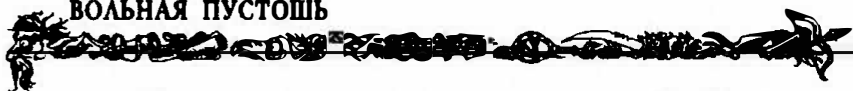
— Только не говори, что не узнаешь меня! — В голосе незнакомца засквозила обида. — Я Стоб. Стоб Ламмус.

— Стоб Ламмус, — задумчиво повторил Плут.

— В Озерной Академии мне сказали, что ты здесь, — продолжал Стоб. — Я и прибежал! — Он горячо пожал Плуту руку. — Я так рад тебя видеть.

— Я тоже очень рад, — пробормотал Плут, тщетно пытаясь выудить из головы нужное воспоминание. — Озерная Академия... Мы вместе учились, да? Ты, я, Магда и Ксант...

Улыбка сползла у Стоба с лица.

— Меня предупреждали, что ты не в себе, Плут, — сказал он. — Еще бы, пережить Губительный Вихрь. А правда, что тебя туда заманил предатель Ксант Филатайн?

— Я... мне... — Плут запнулся. — Понимаешь, я не помню...

— Понимаю, дружище. — Стоб похлопал его по спине. — Ничего, целительный воздух Вольной Пустоши поправит твоё здоровье...

— Ежеобраз, — выпалил Плут. — Ты придал своему небоходу форму ежеобраза.

— Точно, — обрадовался Стоб. — У меня был ежеобраз, у Магды — мотылек, у тебя — буревестник. — Он нахмурился. — А у Ксанта...

— ...Птицекрыс, — подхватил Плут.

Феликс усмехнулся.

— Это о многом говорит, — мрачно процедил он.

Тем временем к столу вернулись толстолапы, поддерживавшие громко храпевшего капитана Грифа.

— Добро пожаловать в Вольную Пустошь, — по очереди приветствовал новых знакомых Стоб. Когда настала очередь капитана, он замер и вопросительно посмотрел на Плути.

— Не обращай внимания, — рассмеялся Феликс, поднимаясь

со стула. — Он маленько переборщил, но это от радости. — Пойдем, Плут. В пчелиных домиках нас давно ждут уютные гамаки.

Не успел он договорить, как распахнулись двери таверны и веселый гомон стих, уступив место протяжному низкому пению.

— *Оох-маах, оомалаах. Оох-маах, оомалаах. Оох-маах, оомалаах...*

Глаза всех собравшихся обратились к шеренге эльфов-дубовичков — а их было семеро, — вошедших в переполненный зал. Их бирюзовые плащи с капюшонами, пропитанные соком колыбельных деревьев, тихо шелестели при ходьбе.

— Братство эльфов-дубовичков с Колыбельного Острова, — зашептал вейф Феверкьюль Матушке Синешейке.

Шедший впереди эльф-дубовичок держал в руках покачивающуюся на цепочке курильницу. Валивший из нее густой дым в одно мгновение наполнил таверну сладким ароматом. Его унылый собрат, замыкавший шествие, звонил в небольшой колокол.

— *Оох-маах, оомалаах. Оох-маах...*

— Чем мы обязаны вашему визиту? — спросила Матушка Синешейка, пытаясь скрыть сквозившее в голосе раздражение. Эти эльфы-дубовички знали, как испортить веселый праздник.

Но процессия проследовала мимо нее в самый угол зала. Пират Топей проводил ее немигающим взглядом. Эльф-дубовичок с курильницей остановился возле Плута Кородера и отбросил капюшон. Лицо эльфа-дубовичка было таким же коричневым и заскорузлым,

ПОЛ СТЮАРТ, КРИС РИДЕЛ

ВОЛЬНАЯ ПУСТОШЬ

как кора дерева, давшая этим существам такое прозвище. Скорбное пение тем временем перешло в тихое заывание. И тогда эльф-дубовичок с курильницей заговорил.

— Мы пришли за тем, кто повредил свой рассудок в Губительном Вихре, — произнес он ломающимся хриплым голосом и взмахнул курильницей.

Дым окутал голову Плута Кородера. Глаза молодого Библиотечного Рыцаря загорелись еще ярче, чем прежде.

— Следуй за нами, — сказал эльф-дубовичок, и пение возобновилось. — На Колыбельный Остров.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

КОЛЫБЕЛЬНЫЙ ОСТРОВ

а Колыбельный Остров? — переспросил Плут, протягивая руку эльф-дубовичку и заглядывая в его черные, как бездна, глаза. В их глубине горели светлые огни, они были ярче, чем звезды, круглее луны. Плут присмотрелся и вдруг понял, что это его собственные сияющие глаза отражаются в бездонных глазах эльфа.

— Ты устал, но не можешь уснуть? — спросил эльф-дубовичок.

— Да, — выдохнул Плут.

— В твоей голове роятся мысли и воспоминания? — продолжал эльф-дубовичок. — Ты жаждешь покоя?

— Да, — повторил Плут, и его глаза вспыхнули еще ярче.

— Тогда пойдем с нами, мы отвезем тебя на Колыбельный Остров. Меня зовут Граальзух, а это... — он указал на своих спутников, и Плут ощутил на себе взгляд еще шести пар таких же бездонных глаз, — это мои братья из Колыбельной Рощи. Мы видели тебя во сне, Плут Кородер, и теперь пришли, чтобы тебе помочь.

Воцарившуюся в таверне тишину нарушил стук кружки, выпавшей из рук Пирата Топей.

— Я пойду с вами, — тихо-тихо прошептал Плут.

Он встал и двинулся вслед за эльфами-дубовичками, но Феликс быстрее молнии преградил ему дорогу. Толстолапы тоже повскакивали из-за стола и теперь утробно рычали.

Капитан Гриф соскользнул со стула и повалился на пол, впрочем, даже это не смогло его разбудить.

— Плут! — В голосе Феликса слышалась мольба. — Ты нездоров. Ты не можешь вот так вот отправиться в какую-то рощу на каком-то острове посреди ночи...

— Не волнуйтесь, добрый господин, — прокудахтала Матушка Синешейка, положив крыло на плечо Феликса. — Это Братство эльфов-дубовичков. Они уже много лет приносят мир и исцеление всей Вольной Пустоши. — Многие посетители таверны закивали, подтверждая ее слова. — Возможно, их речи показались вам странными, но они не причинят вреда вашему другу, поверьте мне.

Толстолапы переглянулись и, склонив головы, отступили в сторону. Эльфы-дубовички прошествовали мимо, Плут двинулся следом за ними.

— Ты не обязан с ними идти, — крикнул ему вслед Феликс. — Скажи только слово, и...

Плут обернулся и улыбнулся другу.

— Не тревожься, Феликс, — попросил он, и его голубые глаза наполнились таким светом, что моло-

дой Лодд отшатнулся. — Как знать, возможно, они мне помогут.

— А хочешь, мы пойдем с тобой? — не сдавался Феликс. — Хоть сейчас.

Матушка Синешейка распушила воротник и подскочила к Феликсу.

— Нет, умоляю вас, добрый господин, не делайте этого. Лишь званный гость может ступить на священную землю острова. Все в Вольной Пустоши знают об этом. Лучше выпейте еще по кружечке и оставьте напрасные волнения.

Вумеру мягко потянула Феликса за руку.

— Вух-вух, — ласково прошептала она.

Феликс притих. Он не понимал языка больших неуклюжих толстолапов, но знал, что самая старая и преданная подруга Плута не позволит причинить юноше вред. И если Вумеру верит эльфам-дубовичкам, ему тоже придется поверить. Феликс тяжело опустился на стул и мрачно проводил взглядом странную процессию, исчезающую в дверях.

А за дальним столиком в самом темном углу просторного зала замер, словно каменное изваяние, старый отшельник Пират Топей.

Наконец двери захлопнулись, и в таверне воцарилось привычное веселье. Но за столиком, где сидели друзья Плута, повисла напряженная тишина.

— Что ж, если мы не можем отправиться вслед за Плутотом на этот подозрительный Колыбельный Остров, — прервал молчание Феликс, — придется дожидаться его возвращения на берегу. — Он покачал головой, капитан Гриф громко всхрапнул. —

Что-то подсказывает мне, что эта ночь будет долгой.

Пират Топей не сводил с Феликса задумчивых глаз, а Матушка Синешейка уже спешила к молодому предводителю Духов Тайнограда с кружкой пеннистого лесного грога.

А по шумным улицам Нового Нижнего Города в окружении тихо напевающих эльфов-дубовичков брел Плут Кородер. Боковыми аллеями и узкими переулками братья вели его к Северному Озеру. Глядя поверх голов своих крохотных провожатых, Плут изучал окрестности. Повсюду мелькали радостные лица гоблинов, трогов, троллей и вейфов — они пели, пля-

сали, шутили и хохотали, но Плут отметил для себя кое-что странное.

Губы озорных гуляк шевелились, но юноша не слышал ни слов, ни песен, ни смеха. До его ушей долетал только грустный, глубокий и монотонный напев эльфов:

— Оох-маах, оомалаах. Оох-маах, оомалаах. Оох-маах, оомалаах...

Юноша остановился и помотал головой, пытаясь избавиться от назойливого, завораживающего мотива. Но ничего не вышло, семенящие рядом эльфидубовички лишь подталкивали его вперед. Так они и шли по залитой розовым и золотым светом тропинке мимо одиноких причалов, рыбных лавок и зарослей тростника, мимо воссоединившихся семей и влюбленных парочек, прогуливавшихся под руку по берегу.

Чем дальше они уходили, тем слабее становился свет фонарей, и на чистой, а порой мутной поверхности воды вспыхивали крупные звезды и отражалась полная серебристая луна. Все реже попадались загулявшие прохожие, тропинка стала совсем узкой и вскоре затерялась в высокой траве.

Впереди виднелся лес, туда и направились эльфидубовички. Листва на деревьях была настолько густой, что сквозь нее не мог просочиться лунный свет, и единственным маяком для Плути были сияющие одежды угрюмых братьев, пробирающихся через тернистые заросли к озеру.

Плут шел как зачарованный. Тихое пение, неземной бирюзовый свет, идущий от одежды братьев, за-

вораживали. Наконец они вышли к озеру и увидели луну, сейчас напоминавшую серебряный слиток, который кто-то взял и опустил в воду. И вдруг юноша понял, что засыпает. Ноги отяжелели, глаза стали слипаться.

— Ступай потихоньку, молодой господин, — проговорил эльф с курильницей. — Я тебя поддержу.

Плут остановился в замешательстве, поглядел под ноги и увидел у самого берега рыбацью лодку, накрепко привязанную к шершавой коряге. Это была маленькая, почти круглая, сплетенная из лесного ивняка лодка, обтянутая тильдячьей кожей.

Часть эльфов-дубовичков уже расположилась на скамье, остальные ждали, пока усядется Плут. Юноша залез в лодку, устроился между двумя братьями, и ему сразу стало тепло и уютно. Эльфы дружно заработали веслами, и лодочка заскользила по озерной глади.

Весла мерно рассекали воду, лодка покачивалась на волнах, а братья продолжали тянуть свой унылый мотив. Но чем ближе становился остров, тем яснее Плут сознавал, что это мрачное завывание было не единственным звуком в округе. С острова неслась похожая мелодия, только в этот раз она казалось юноше в сотни раз слаще и светлей.

Плут закрыл глаза и уронил голову на грудь.

— Подожди немного, Плут Кородер, — прозвучал у самого уха голос Граальзуха. — Еще не время.

Лодка с тихим стуком ударилась о берег. Плут разлепил веки и широко зевнул. Эльфы-дубовички смолкли, шестеро из них вылезли на берег и вытащили на сушу лодку.

Граальзух взял Плута за руку.

— Следуй за мной, Плут Кородер, — молвил он.

Братья стали пробираться сквозь лес к самому сердцу острова. Плут время от времени различал бледный бирюзовый свет, пробивающийся меж ветвей.

— Теперь уже недалеко, — пробормотал Граальзух и вдруг улыбнулся Плуту.

Юноша сонно улыбнулся в ответ. Чем глубже в чащу уходили братья, тем реже попадались на их пути серебристые ивы, зато все чаще встречались колыбельные деревья — огромные, с толстыми узловатыми стволами, размашистыми сучьями и крупной листвой. Теплый ветер доносил из глубины диковинного острова протяжные напевы и переливчатые трели. Лунный свет растекся по лесу, и все вокруг окрасилось в глубокий бирюзовый цвет.

— Как же... как здесь красиво, — благоговейно прошептал Плут.

— Она приветствует нас, — произнес Граальзух.

— Она?

— Колыбельная роща, — объяснил эльф-дубовичок. — Эти рощи самые древние и таинственные уголки Дремучих Лесов. А наша роща — самая древняя и таинственная из всех. — Граальзух крепче сжал руку Плута. — И она приветствует тебя, Плут Кородер, ибо здесь ты найдешь мир и покой.

— Но почему, почему я? — прошептал юноша, вслушиваясь в ласковую мелодию, заполнявшую бирюзовый лес.

— Мы видели тебя во сне, — проговорил Граальзук. — И знаем, что ты перенес много страданий.

— Вы имеете в виду Губительный Вихрь? — спросил Плут, пытаясь припомнить хоть что-нибудь. — Он застал меня в Краевых Пустошах.

— И это тоже, — кивнул эльф-дубовичок. — Ты, как и многие другие до тебя, попал в эпицентр Вихря...

— И вы можете меня излечить? — робко спросил Плут.

Граальзук окинул его взглядом с головы до ног.

— Все в твоей власти, Плут Кородер, — загадочно ответил он.

Они пошли дальше и наконец добрались до самого сердца рощи, где их уже ждали другие эльфы.

Плут огляделся по сторонам. Листва всколыхнулась, рощу наполнили новые звонкие напевы, и изумленный юноша увидел несколько серых, похожих на мешки предметов, покачивающихся на ветвях. И хотя никогда прежде Плут не видел ничего подобного, он сразу понял, что перед ним. Еще в детстве он видел такие изображения в свитках, хранящихся в Большой Библиотеке.

— Коконь Птицы-Помогарь, — выдохнул Плут.

— Твоя правда, — кивнул Граальзух. — Некоторым коконам уже тысячи лет, а некоторые до сих пор не выполнили своего предназначения.

У Плута отвисла челюсть.

— Вы хотите сказать, что в любую минуту может вылупиться молодая Птица-Помогарь? — прошептал он.

— Может, да, а может, нет, — глубокомысленно проговорил эльф-дубовичок. — Вполне возможно, я до этого не доживу и ты тоже... Птицы-Помогарь появляются на свет не каждый день, Плут Кородер, а раз в сотню лет, иногда реже. Но здесь, в этой роще, чудо происходило неоднократно.

Плут глядел во все глаза, стараясь получше рассмотреть это чудесное место. Столько всего нужно запомнить: чарующую музыку, неземной свет, сияющие коконы, висящие здесь целые тысячелетия.

Бирюзовая листва продолжала раскачиваться в такт музыке, хотя ветер давно улетел прочь. Граальзух поднял на Плута огромные черные глаза и улыбнулся.

— Помогарные гусеницы питаются листьями колыбельных деревьев, отсюда и музыка, — пояснил он.

Плут нахмурился:

— Помогарные гусеницы? Где ж они?

— На деревьях. Это они светятся бирюзой и плетут коконы, чтобы превратиться потом в...

— В Птицу-Помогарь! — ахнул Плут.

— Точно! — Граальзух подал знак своим братьям. — Итак, время пришло...

Музыка набрала темп и выросла до крещендо.

«Время для чего?» — подумал Плут, чувствуя, что глаза снова стали слипаться.

Будто прочитав его мысли, Граальзух указал на один из пустых коконов.

— Пришло время для сна. Ты будешь спать в коконе и видеть сны всезнающей Птицы-Помогарь. Ты увидишь себя ее глазами и с помощью Небес обретешь покой...

У Плута по телу побежали мурашки. «Увидишь себя? Обретешь покой?»

— Ну, давай же, — подтолкнул его Граальзух. — Залезай на дерево и устраивайся в коконе. Сон излечит тебя.

Плут послушно повиновался. Он без труда вскарабкался по узловатому стволу, прополз по ветке и нырнул в уютный и мягкий кокон. Тот слегка прогнулся под весом юноши и застыл. Уже через несколько мгновений руки и ноги Плута расслабились, дыхание стало глубоким и спокойным.

Последнее, о чем успел подумать юноша, было то, что он засыпает в настоящем коконе Птицы-Помогарь. Как это странно и как естественно. Плут сомкнул веки и погрузился в сон.

Его тихое посапывание слилось с музыкой деревьев. Молодой Библиотечный Рыцарь видел чудные, цветные сны.

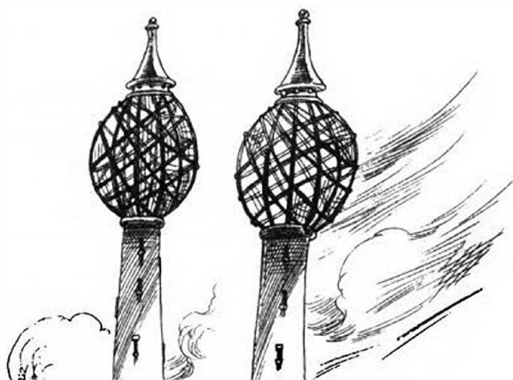
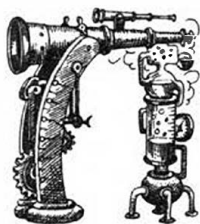

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

СНЫ В КОКОНЕ

Плут стоял посредине большого, роскошного зала. Стены украшали фрески и гобелены, на полу была выложена мозаика, а в камине потрескивал огонь. Ровные поленья из свинцового дерева лежали поверх тлеющих алых угольков, а ярко-желтые и белые, как сирень, языки пламени беспокойно плясали и рвались вверх. Рыжий пепел оседал, пачкая каминную решетку.

У камина сидели четверо мальчиков. Огонь отбрасывал блики на их темные вьющиеся волосы и красивые лица с точеными чертами и очень ясными, живыми глазами. Один из мальчиков носил очки. Все четверо весело смеялись. Самый младший рассказывал братьям историю, где он выступал настоящим героем, а те беззлобно поддразнивали его.

Глядя на них, Плут отчего-то почувствовал прилив беспричинного счастья, как будто он сам был одним из этих милых детей.

В комнате были еще два старших мальчика. Они увлеченно упражнялись в фехтовании на игрушечных мечах. Женщина в нарядном платье с кружев-

ным воротничком сидела в мягком кресле возле камина и смотрела на сыновей с умилением и гордостью, а у окна стоял высокий темноволосый воздушный пират с окладистой бородой и густыми усами. Мужчина был облачен в блестящую черную кирасу, на поясе у него висела тяжелая сабля. «Какой он суровый и сильный, — подумал Плут. — И почему-то до странности знакомый. Почти родной».

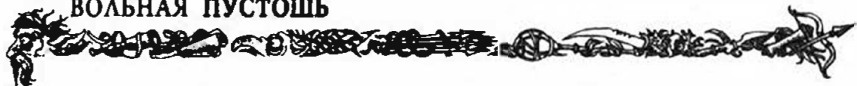
Огонь потрескивал, мечи гремели, и раздавался детский смех, а Плут с любопытством продолжал разглядывать зал. На стене слева от него он видел фреску. На ней был изображен прекрасный город с высокими грациозными башнями и великолепными дворцами; река, вьющаяся вдоль улиц и проспектов. Высоко над городом парил красивый небесный корабль, неподалеку от него порхала стая птичек-крысов, выше над облаками кружила Птица-Помогарь, а на переднем плане мастер нарисовал большую дружную семью — отца, мать и шестерых сыновей.

Плут приблизился к стене и вытянул руку, чтобы потрогать фреску. Но лишь только его пальцы коснулись поверхности, изображение покрылось пузырями, краски почернели, семья растаяла, как будто ее и не было.

Внезапно в нос ударил едкий запах и перед глазами поплыли серые клубы дыма.

Плут слышал страшные крики и мольбы о помощи. Он бросился бежать, пытаясь разыскать выход из задымленного зала. В следующий миг вспыхнули

ковры, гобелены, парчовые кресла. Дым становился все удушливей, горячий воздух обжигал кожу.

Плут закричал, закричал во все горло, но не услышал своего крика. Он повалился на колени, задыхаясь от копоти, и зашелся в беззвучном плаче. Слезы бежали по его щекам, как капли дождя по цветным витражам, но он не ощущал их мокрого прикосновения.

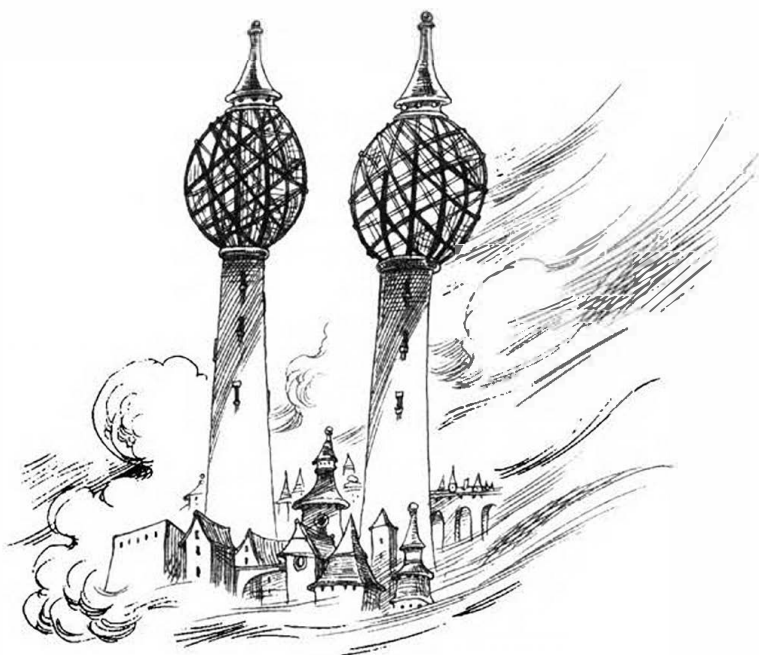
Потом все пропало...

Тело Плути стало легким, как перышко или пепел. Холодный ветер подхватил его и вынес в окно. Он летел былинкой над крышами домов, над башнями и колокольнями великого города и глядел вниз.

На крыше выгоревшего дома сидел маленький мальчик — самый младший из братьев. Обняв колени, он ронял горькие слезы, раскачиваясь взад и вперед, взад и вперед...

Легкий, как воздух, Плут проплыл мимо него, поднялся еще выше, запутался в облаках и вдруг почувствовал непередаваемый восторг, настоящую эйфорию!

Внезапно он оказался на борту огромного небесного корабля, рассекающего небесные просторы. Плут ухватился за мачту из лафового дерева и задержался на корме. Он увидел в изящном камзоле воздушного пирата гордого юношу с темными вьющимися волосами. Рядом с ним стоял капитан небесного корабля — высокий мужчина с окладистой бородой и густыми усами. Широко улыбаясь, он что-то говорил юноше, а тот старательно и послушно управлял тяжелым штурвалом.

И Плут почувствовал горячую, отеческую любовь капитана к подросшему сыну, ощутил духовную связь тех двоих, стоящих сейчас на корме. От гордости у него перехватило дыхание, слезы застилали глаза...

Плут вздрогнул. Небесный корабль исчез, а сам он оказался в высоком холодном дворце. Вверх вела длинная винтовая лестница, а по крутым ступенькам плелся старый стеклянный паук с большим подносом. Плут видел кровь, текущую по прозрачным венам, вздымающиеся легкие, состоящие из трех долей, и целых два бьющихся сердца. Паук тем временем

добрался до лестничной площадки и остановился у дверей из свинцового дерева.

Он постучался и подождал — одну, две, три, четыре, пять секунд; Плут считал вместе с ним, после чего повернул ручку и распахнул дверь.

Девочка с черными косичками подняла большие зеленые глаза и ласково улыбнулась пауку. Она сидела за столом, составляя из тысячи мелких кристалликов большую мозаику. Рядом с ней неуклюже переминался с ноги на ногу ровесник Плута — молодой воздушный пират с темными вьющимися волосами. Юноша то и дело бросал взгляды на широкий балкон, где вели неспешную беседу капитан небесного корабля и какой-то важный академик.

Слева за их спинами Плут разглядел величавый дворец с огромным куполом в окружении острокопечных башен; справа — две грациозные башни-близнецы.

— Башни-близнецы аналитиков Дымки! — выдохнул юноша.

Ошибиться было нельзя. Он видел их изображение в старых свитках. Значит, сейчас он каким-то невероятным образом оказался в самом Санкта-фраксе...

Плут зябко поежился, тело жалил ледяной ветер. Он стоял на заваленной снегом площади. С карнизов и подоконников свисали огромные сосульки. Все до единой крыши стали похожи на огромные шапки из пушистого холодного снега. Плут огляделся по сторонам и снова увидел уже знакомого юношу с темными вьющимися волосами. На этот раз он ви-

сел над Санктафраксом, одной рукой цепляясь за фигурный карниз, опоясывающий высокую башню, а другой удерживая девушку. У Плута голова пошла кругом от увиденного. Девушка что-то кричала, и Плут в конце концов сумел разобрать слова, которые она твердила снова и снова: «Спасайся, Квинт»!

А снег падал и падал. Плут напрасно таращил глаза, вскоре все закрыла белая пелена, и он так и не узнал, что стало с юношей и девушкой...

В следующий миг он услышал тихие всхлипы. В глаза ударил ослепительно яркий солнечный свет. Плут зажмурился, а когда разлепил глаза, то увидел, что находится в Дремучих Лесах. А чуть впереди маячит сгорбленная, закутанная в плащ фигурка с маленьким свертком в руках.

Плуту захотелось узнать, что произошло, помочь, сказать слова утешения, но он почему-то робел. Пришлось просто идти по пятам, терзаясь догадками. Вне-

запно позади послышался топот, Плут обернулся и увидел высокого воздушного пирата. Тот догнал кутающуюся в плащ женщину, а это по всему была женщина, и завязал с ней ожесточенный спор. Плут не мог разобрать слов, было лишь понятно, что эти двое ссорятся.

Женщина снова зашлась плачем, опустилась на колени и положила сверток у подножия дерева. Плут подошел поближе и смог разглядеть измученное лицо незнакомки с почерневшими от горя глазами. Воздушный пират протянул своей спутнице руку, та тяжело оперлась на нее, и они, не оглядываясь, торопливо зашагали прочь. Сгорая от любопытства, Плут склонился над свертком и охнул.

Это был ребенок, завернутый в широкий платок с вышитым на нем корабельным деревом! Новорожденный темноглазый малыш.

Непонятный скрип вывел юношу из оцепенения. Он резко обернулся и увидел на раскидистых ветвях ближайшего лафового дерева маленькую хижину. Да что там, на соседних деревьях были такие же хижины. Занимался рассвет, обитатели деревни просыпались, из печных труб повалил лиловый дым.

Дверь хижины, которую Плут заметил первой, распахнулась, и крепко сбитая лесная троллиха, пыхтя и отдуваясь, поползла вниз по стволу. Спрыгнув на землю, она перевела дыхание, заметила сверток с младенцем и закричала. Горе, поселившееся в сердце Плу-та при виде потерянной женщины, отпустило. А троллиха на его глазах подняла малыша с земли, укачала

в объятиях и запела колыбельную песню. Крошка весело загугукал...

Свет угас, и Плут снова оказался в темных дебрях Дремучих Лесов. Стояла ночь, а он плелся в никуда без надежды и опоры.

Внезапно чья-то рука легла ему на плечо, он обернулся и увидел ту женщину, завернутую в плащ, только теперь она была старше, и воздушного пирата с ней не было. Глаза женщины лучились добротой, а у ее ног висла детвора — городские гномы, глыботроги, лесные тролли, тролли-несуны, балаболы и гоблины из всех гоблинских племен.

И все были счастливы и беззаботны. И сам Плут испытал прилив сил и беззаботного веселья. Он стал смеяться и плясать вместе с малышами и женщиной. А чуть поодаль застыл, наблюдая за своей мудрой хозяйкой, огромный стеклянный паук...

Но вот смех стих, и на смену ему пришло тихое пение. Все вокруг было залито бирюзовым светом.

Плут очутился в колыбельной роще, но не в мягком коконе, а на земле. Откуда-то доносились плач и приглушенные крики. А на толстой ветке прямо над его головой сидела великолепная птица. Рядом покачивался осиротевший кокон, из которого она только что вылупилась.

Птица-Помогарь!

Птица распушила свои иссиня-черные перья, провела по белоснежной грудке острыми коготками, затем склонила голову набок и смерила Плута долгим немигающим взглядом.

В следующий миг Плут понял, что летит. Огромные черные крылья рассекали воздух, подбрасывая его и опуская. Внизу мелькали желтые, голубые, зеленые леса — целый океан пышной листвы.

Он стал Птицей-Помогарь! Это были *его* крылья! *Его* клюв! *Его* пронзительный крик!

Позади него летел резной лакированный небесный корабль. И уже через секунду он понял, что канат, опоясывающий его тело ровно посередине, привязан к высокой корме.

Он тянул небесный корабль на буксире!

Плут открыл клюв и восторженно закричал. Молодой капитан воздушных пиратов благодарно махнул ему в ответ. Плут взмахнул крыльями и понесся еще быстрее.

Но нет! А это еще что? Навстречу ему движется вихрь, он неотвратно приближается, еще чуть-чуть — и птица с кораблем попадет в жестокий круговорот...

Плут падал вниз, вот только птицей он больше не был. Он превратился в беспомощного Библиотечного Рыцаря, летящего напрямик в бездну...

В камине потрескивал огонь, горели разноцветные лампы, а он сидел за длинным столом в компании

рыжеволосых душегубцев. Стол ломился от всевозможных яств. Каждый мог найти себе здесь лакомство по вкусу — тильдяхчи сосиски, стейки из ежеобраза, пирожки с самыми разнообразными начинками. Ежеминутно вверх взлетали кружки с лесным элем и звучали громогласные тосты. Теплый воздух был напоен сладкими ароматами. Тут и там слышался добродушный смех. Воздушный пират брал в жены молодую хорошенькую душегубку. Это был их свадебный пир.

Плут весело стукнул кулаком по столу и подхватил веселую песню. Лесной эль был отменным, огонь жарким, хмель кружил голову и...

Стояла ночь. В деревне душегубцев все давно спали. Лишь встревоженный капитан воздушных пиратов мерил шагами поляну.

Наконец толстый занавес из кожи ежеобраза распахнулся и из дверей вышла дородная потная душегубка. В руках у нее была крошечная девочка, которую она незамедлительно вручила пирату.

— Ваша дочка, капитан, — улыбнулась она.

Воздушный пират поднял новорожденную к небесам, и Плут ошалел от счастья.

Ему хотелось кричать и плясать! Но в деревне было так тихо, а он не хотел никого тревожить. Юноша рванул было к капитану, но голубой предрасветный час сменился золотыми сумерками...

Плут снова возвратился в Вольную Пустошь. Молодая пара с малышом сидела в дорожной повозке, запряженной ежеобразами, их пожитки были сложены под брезентом.

Высокий воздушный пират с густой бородой и темными глазами что-то твердил, отчаянно размахивая руками. Прислушавшись, Плут понял, что тот пытается отговорить молодежь от отъезда.

— Это же так опасно, — причитал он. — Повсюду рыскают работорговцы.

Но молодые лишь снисходительно улыбнулись, пришпорили ежеобразов и попросили сынишку помахать на прощание ручкой милому дяде Тему. Воздушный пират проводил их затуманенными от слез

глазами — и Плут был почти уверен, что уже видел это лицо.

Закатилось солнце, взошла луна, сердце юноши сжалось от боли...

То, что он видел, напоминало его детский кошмар. Волки, волки, повсюду волки. Белогривые, клыкастые волки с желтыми злыми глазами.

Отец велел, чтобы он прятался, мать зашлась в крике. Плут не знал, куда ему деться. Он видел лишь желтые глаза волков и слышал резкие оклики работоторговцев.

Плут застонал. Он уже знал, что будет дальше.

Он остался один-одинешенек в Дремучих Лесах. Крики работоторговцев стихли вдаль, но кто-то очень огромный приближался к нему.

Но ужас почти сразу сменился ощущением покоя и защищенности, когда лохматая, пахнущая мхом толстолапиха прижала его к груди, ласково напевая на ушко добрые песни...

Плут приоткрыл глаза, сон растаял, но чувство покоя странным образом сохранилось. Он лежал в коконе Птицы-Помогарь, и мягкие волокна обнимали его так же бережно и крепко, как толстолапиха из видений.

Юноша сел, боль и усталость как рукой сняло. Голова впервые за долгое время была ясной, а по телу растекалась пульсирующая энергия. Плут высунул голову из кокона, странные сны утекали, как песок сквозь пальцы, а он очень хотел разобраться в них.

Над рощей стоял утренний туман, Плут слез с дерева и сладко потянулся.

— Надеюсь, тебе хорошо спалось, Плут Кородер, — раздался голос Граальзуха.

— Лучше, чем когда-либо, — улыбнулся юноша. Из его глаз навсегда ушел пронзительно голубой свет.

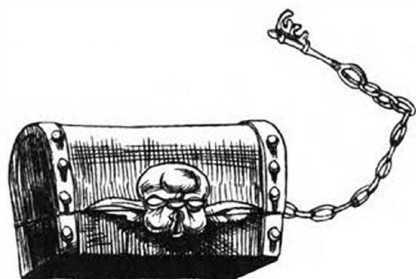

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

СИГНАЛ

Опушка Литейщиков

огда отряд оборванных воздушных пиратов добрался до вершины очередного поросшего лесом холма, солнце уже садилось за горизонт. Их предводитель, всегда настороженный и подозрительный интендант в грязном, разодранном плаще, вытащил подзорную трубу и принялся осматривать окрестности. Но куда бы ни упал его алчный взгляд, всюду он видел лишь колышущиеся пушистые кроны деревьев.

«Отложил бы ты трубу, Квилит Плим, — прозвучал в голове интенданта тихий свистящий голос. — Возможно, в Топях от нее и была польза, но не здесь, не в Дремучих Лесах».

С перекошенным от гнева лицом интендант резко обернулся и увидел прямо перед собой толстую запыхавшуюся матрону из рода глыботрогов с маленьким и хрупким на вид вейфом за плечами. Вейф равнодушно глядел на интенданта.

— Если хочешь что-то сказать, Амберфус, — рявкнул Плим, — говори вслух, а не ройся в моей голове.

С тех пор как беглые воздушные пираты подобрали в Топях этого вечно больного эльфа и его груз-

ную няньку, мерзавец Плим не раз обнаруживал, что тот читает его мысли.

— Тысяча извинений, — тут же засвистел вейф. — Я просто хотел отметить, что в здешних местах от подозрительной трубы мало прока.

Остальные пираты тоже забрались на холм. Тяжелая дорога отняла у свиты Плима последние силы. Все они — покрытый татуировками плоскоголовый гоблин, три болезненных крох-гоблина, длинноволосый гоблин с бордажным крюком и пара городских гномов, позвякивающие флагами, — когда-то служили на

небесном корабле «Пронзающая Мгла» под началом глыботрога Хенкеля, но, поддавшись уговорам Плима, покинули своего капитана.

Вейф Амберфус сулил им несметные богатства и даже обещал высокие чины на Опушке Литейщиков. Хитрый вейф намекал, что водит дружбу с одной очень важной персоной, которая и сможет все это устроить.

Персоной этой был сам Хамодур Плюнь — знаменитый хозяин Опушки Литейщиков. От пиратов всего-то требовалось проводить вейфа и его суетливую няньку через Топи, Краевые Пустоши

и Дремучие Леса на Опушку Литейщиков и получить за это щедрую награду.

Дел-то!

Но очень скоро стало ясно, что задача эта не из легких. Отделиться от толпы беженцев в Топях было легко и просто. Даже причитающая Фламбузия с вейфом за плечами не доставила им много хлопот. Пираты хорошо знали Топи, привыкли к ним и смогли добраться до южных Краевых Пустошей всего за день.

Переход через Краевые Пустоши дался намного трудней. Всю дорогу их преследовали видения и кошмары, особенно безумствовал вейф, пока нянька не влила ему в глотку какое-то зелье. Но и это испытание, как и клялся Амберфус, обошлось без потерь.

Наконец путники вошли в Дремучие Леса. Почти сразу пришлось вступить в бой с реющим червем, а крох-гоблины умудрились подхватить лихорадку. Пришлось разбить лагерь, из-за чего они на неделю отстали от графика. Провиант почти закончился, а впереди еще долгая дорога через лесные дебри.

— Должен же быть какой-то другой, более легкий путь, — простонал плоскоголовый гoblin Мизивелл на третий день похода.

«Путь к богатству всегда тернист, мой друг», — зажурчал у него в голове голос вейфа.

На четвертый день злой, изголодавшийся отряд стал мрачно поглядывать на своего предводителя. А тот, к своему ужасу, понимал, что никаких признаков Опушки Литейщиков нет в помине.

— И что теперь? — процедил Квилит Плим, сверля вейфа взглядом.

Амберфус закрыл глаза, втянул носом воздух и зашевелил большими, тонкими, как пергамент, ушами.

— Я слышу звон и лязг, — зашептал он. — Шипение и скрежет. Стук и вой. Я чую запах плавленного металла и едкого дыма. — Он вытянул вверх длинный костлявый палец. — Опушка Литейщиков ждет нас за следующим холмом, друзья... — Вейф умолк и зашелся сухим кашлем.

— То же самое ты говорил два дня назад, — проворчал Мизивелл.

— Ну же, ну же, Амби, дорогой, — всполошилась Фламбузия, перебросив через плечо одеяло. — Закутайся потеплей и ни о чем не волнуйся.

Квилит скривился и повернулся к пиратам.

— Мы зашли слишком далеко, — заговорил он. — Какая разница, сколько впереди холмов? Пошевеливайтесь, жалкие дворняжки! Выше нос!

Бормоча про себя проклятия, воздушные пираты стали спускаться вниз по холму. Квилит ухватил Мизивелла за руку и, дождавшись, когда Фламбузия скроется из виду, горячо зашептал:

— Поверь, старина, я тоже сыт по горло обещаниями вейфа. Готов биться об заклад, он заблудился. Обещаю, если с вершины следующего холма мы не увидим дыма кузниц, мы возвратимся в Топи.

— А как же вейф и его нянька? — спросил плоскоголовый гоблин.

— Мы избавимся от них. — Интендант показал на острый кинжал. — Без этой обузы дорога станет намного легче. Но, прошу тебя, держи мысли при себе. А то вейф обо всем узнает.

— А каков сигнал? — Мизивелл ухмыльнулся.

— Сигналом будет слово «прощай», — прошептал Квилит.

Еще через пять часов вконец изможденные путники добрались до вершины очередного холма. Этот переход оказался особенно трудным, острые сучья бритвошипов, серодубов и огнекустов раздирали одежду пиратов, лезли в глаза. Квилит и Мизивелл то и дело обменивались мрачными взглядами. Но вот Плим

первым выбрался на вершину и разинул от удивления рот.

Прежде всего ему ударил в нос запах дыма. Едко-го, густого дыма с примесью кислого запаха металла. И тут же до него донесся стук тысяч молотков о наковальню. Плим посмотрел вниз и увидел яркие костры — неизменные атрибуты Опушки Литейщиков.

Амберфус хитро уставился на ошалевшего интенданта. *«Что, сказать нечего?»* — зашипел у того в голове голос вейфа. — *Нет? Тогда вперед и немедленно, нас ждет мой добрый друг Хамодур Плюнь».*

И чем ниже они спускались, тем отчетливей становился шум, тем сильнее валил дым, а вместо высоких деревьев тянулись к небу дымовые трубы.

Амберфус обмотался шарфом и часто задышал. Фламбузия запричитала и принялась через каждые несколько метров совать ему пилюли от кашля.

Когда путники подошли к первому цеху, и без того маленькие глазки Плима превратились в щелочки. Большая бригада потных рабочих металась между огромной поленницей и пламенеющей печью, забрасывая в огнедышащее жерло бревна и сучья, а грозные надсмотрщики то и дело угощали их хлесткими ударами кожаных кнутов. Воздушные пираты переглянулись.

— Вот бедняги, — пробормотал длинноволосый гоблин Стигрул.

— Эй, вы! Да, вы! — раздался резкий оклик. — Зачем пожаловали?

Пираты обернулись и увидели спешащий к ним отряд крепких плоскоголовых гоблинов. Впереди шагала огромный, весь в шрамах капитан.

Амберфус подтолкнул Фламбузию, но, прежде чем та успела открыть рот, вперед выступил Плим.

— Разрешите представиться! — с поклоном обратился он к капитану. — Воздушные пираты, рисквавшие жизнью, чтобы доставить сюда из Старого Нижнего Города вейфа Амберфуса...

Недолго думая, громила ударил интенданта в живот, и тот, согнувшись пополам, повалился на землю.

— Молчать, мразь! — проревел капитан, взмахнув мечом.

«Мой дорогой капитан... э... Хегхафт, не так ли? — звучал в голове у гоблина сладенький голосок вейфа. — Ваша удаля достойна всяческого восхищения. Несомненно, вы лучший слуга моего близкого друга Хамодура Плюня. О, мой друг будет очень рад, когда я ему расскажу о вашем... э... усердии».

Вейф стянул шарф и расплылся в елейной улыбке.

Плоскоголовый гоблин прищурился и опустил меч.

— А теперь не могли бы вы проводить меня к вашему господину... — громко сказал Амберфус, поборов очередной приступ кашля.

Капитан коротко кивнул и повернулся к своим подчиненным.

— Разоружите пленников, — приказал он, указывая на воздушных пиратов. — И следуйте за мной.

Они быстро зашагали по Опушке Литейщиков мимо цехов, еще более ужасных, чем первый, пока впереди не показался дворец. Гоблины всю дорогу подозрительно косились на оробевших воздушных пиратов. Миновав широкий плац, они поднялись по мраморной лестнице на четвертый этаж и оказались перед боль-

шой кованой дверью. Но вот дверь распахнулась, и на пороге показался сутулый субъект с длинными усами и диковинными очками в стальной оправе. За спиной у него стояли огромные стражники.

— Амберфус! Амберфус! — воскликнул он, увидев вейфа, сидящего за плечами у няньки. — Неужели это ты? Сколько лет, сколько зим!

— Хамодур, друг мой! — суетливо заерзал вейф. — Ну опусти же меня, Фламбузия! Чего ждешь?

Нянька стянула платок и поставила на пол свою драгоценную ношу.

— Ну вот и приехали, — облегченно улыбнулась она.

Вейф, пошатываясь, сделал несколько шагов. В руках у него была резная шкатулка.

— Мы не виделись целую вечность, Хамодур, — выдохнул он.

— Правда, правда. — Плюнь пригладил бородку. — Как видишь, я успел создать здесь целую империю, пока ты отсиживался в Нижнем Городе. — Он усмехнулся и довольно потер ладони. — Твои вложения не пропали даром. Сбылись наши самые дерзкие мечты. Гоблины уже у меня в руках, а на очереди Вольная Пустошь. И теперь, когда ты здесь, Амберфус, для меня не существует преград.

— Ничто не сможет нам помешать, — поддакнул вейф. — Нам нужно срочно поговорить с глазу на глаз. — Он потряс шкатулкой. — Думаю, тебя заинтересует то, что внутри.

— Вне всякого сомнения, — ответил Хамодур. — Прошу.

Плюнь направился к кабинету, Амберфус юркнул за ним, следом засемила Фламбузия.

— А как же мы? — взвился Плим. — Ты что, позабыл, вейф? Твой друг обещал назначить нас главными надсмотрщиками...

Плюнь обернулся, на его тонких губах заиграла надменная улыбка.

— Надсмотрщиками? — переспросил он, глядя на вейфа. — Ай-ай-ай, Амберфус, забияка! Воздушные пираты не могут быть надсмотрщиками! Ты же знал, я никогда на это не соглашусь.

Амберфус кивнул.

— Да, — прошептал он. — Но *они*-то этого не знали.

— Ты обещал! — взвыл Плим. — Ты дал слово!

— О да, слово, — протянул вейф. — Ты запомнишь его навсегда: «*Прощай!*»

Гоблины по команде капитана заломили пиратам руки.

Плюнь улыбнулся:

— Что ж, некоторые из них могут сослужить неплохую службу. Если будут прилежно работать. Стража, увести их!

Не обращая внимания на протестующие вопли пленников, Хамодур повернулся к Фламбузии и небрежно махнул ей рукой.

— Не могла бы ты оставить нас, дорогуша, — бросил он.

— Но... но... — Фламбузия от возмущения не могла подобрать слов. — Его микстура! Его мази! Его...

— Фламбузия *всегда* при мне, — заметно встревожился вейф.

Хамодур снова ухмыльнулся, обнажив острые желтые зубы, впихнул вейфа в кабинет и захлопнул дверь перед самым носом у няньки. Повернув ключ, он пристально посмотрел на Амберфуса.

— Сначала дела, — наставительно сказал он. — Ты же хотел поговорить с глазу на глаз..

— Да, хотел, — пробормотал Амберфус. — Но Фламбузия же не в счет..

Хамодур увлек вейфа к маленькому столику.

— Да забудь ты хоть на минуту о няньке, — вздохнул он. — Лучше покажи, что в шкатулке!

Амберфус снял с шеи цепочку, на которой болтался ключ, и торопливо открыл замок. Внутри ока-

зались простые бумаги. Вейф вывалил их на стол и откашлялся.

— Будучи правой рукой Вокса Верликса, величайшего ума Старого Нижнего Города, я имел доступ в его личные покои. Сообщив тебе, друг мой, о своем скором приезде, я намекнул, что везу с собой нечто особенное.

— Помню. Вопрос в том, насколько оно особенное. — Хамодур сверкнул глазами.

— Разработки Вокса Верликса. Все в Крае знают про Сантафраксов Лес, Башню Ночи и Дорогу через Топи, — вейф сделал эффектную паузу, — но это лишь малая толика из задуманного Воксом. У него было множество планов, удивительных по своей гениальности. — Амберфус принялся перебирать бумаги. — Катапульти, бревнометатели, огненные пращи... Среди нас жил великий изобретатель с беспокойным, пытливым умом. А вот это, — Вейф расстелил на столе последний пергамент, — лучший из его планов.

— Вижу, — прошептал Хамодур, склоняясь над столом. — Прекрасно! Просто великолепно!

— Знал, что тебе понравится, — улыбнулся Амберфус.

— Это превзошло все мои ожидания, — молвил Плюнь. — А теперь позволь мне сделать тебе ответный подарок.

— Подарок? — Амберфус задохнулся от восторга. — Какой... какой подарок... — Вейф разразился кашлем. — Ох, Фламбузия! Мне нужна моя Фламбузия!

В дверь заколошматили. Встревоженная нянька требовала немедленно впустить ее внутрь.

— Она тебе не понадобится, поверь мне. — Хамодур подвел кашляющего вейфа к двери, ведущей в соседнюю, смежную с кабинетом комнату.

Вейф заглянул внутрь и вытаращил глаза. Кашель Амберфуса куда-то пропал, щеки залил румянец.

— Друг мой! — ахнул он. — Я, наверное, умер и попал в Вечную Долину!

Плюнь только усмехнулся и ввел вейфа внутрь комнаты, где его сразу же окружили аптекари баллаболы с массажными мочалками, душистыми венниками, фланелевыми полотенцами и ароматическими маслами.

— Я отдаю в твое распоряжение своих личных лекарей. Наслаждайся!

— Амби? — бушевала снаружи Фламбузия.

Но вейф уже позволил уложить себя на лавку.

— Амби?

Амберфус ничего не ответил. Он лишь блаженно улыбался, чувствуя, как в кожу проникают цветочные масла и мази, травяные бальзамы и эликсиры. Множество рук принялись бережно растирать и мять его тщедушное тельце. Вейф сладко зажмурился.

— АМ-БИ!

— Потом, Фламбузия, — проурчал он, отдаваясь крепким, молодым рукам. — Все потом.

Гоблиново Гнездо

— Но почему самое тяжкое выпадает всегда на долю длинноухих? — возмущался Мигмяу Серый.

Старый гоблин за свою жизнь многое повидал, но никак не мог взять в толк, отчего каждый месяц на Опушку Литейщиков должно поставляться до тысячи ни в чем не повинных гоблинов. Скоро некому будет сажать, а потом собирать урожай. А это означало одно — голод.

— Потому что мои плоскоголовые и молотоголовые гоблины — воины, старик, — вскинулась Литтаг. — Они должны сражаться, а не стоять у печи...

— И мои клыкастые гоблины для этого не годятся. — Рутрот Кусачий с грохотом опустил на стол тяжелую кружку. — Воевать — это пожалуйста, а в проклятой кузнице потеть — уж увольте!

Хемтафт Топорбой неловко заерзал на троне и поправил свой расшитый перьями плащ.

— Дело в том, что нам нужна эта проклятая кузница, — сказал он, буравя взглядом Рутрота. — У нас просто нет выбора. Сейчас Плюню как никогда требуются рабочие руки. Я думал, все уже решено.

Старейшины согласно закивали.

Почувствовав, что удача на его стороне, Хемтафт решил перейти к решительным действиям. Он внимательно оглядел своих соратников: молотоголовую красноглазую гоблиншу Литтаг, хмурого клыкастого гоблина Рутрота Кусачего, громадную Бабку Сладкоежку Вторую и старого Мигмяу Серого.

— На Опушке Литейщиков затеваются великие дела, — вкрадчиво завел Хемтафт. — Если задуманное осуществится, все племена Гоблинова Гнезда по-

лучат небывалую власть и невиданные доселе богатства. Нужно лишь немного потерпеть...

В это время унылая черноухая гоблинша плюхнула на стол поднос с полными кружками лесного эля. Предугадав долгие и сложные переговоры, Хемтафт позаботился обо всем заранее. Предводители племен уже успели осушить целую бочку.

— О каких великих делах ты толкуешь? — спросил Мигмяу Серый. — Ради чего мы жертвуем своими собратьями?

Хемтафт Топорбой важно приосанился.

— Ты должен доверять мне, Мигмяу, — надменно проговорил он. — Повсюду шпионы из Вольной Пустоши. — Он покосился на черноухую гоблиншу. — Нужно соблюдать осторожность. Хамодур Плюнь планирует нечто грандиозное, а для этого ему требуется много, очень много рабочих. Я пока сам многого не знаю, скажу только, что Плюнь называет свое предприятие «Пожиратели Пустоши».

Повисла тишина. Гоблины задумчиво потягивали эль и барабанили пальцами по столу. Рутрот Кусачий первым прервал молчание.

— Пожиратели Пустоши? — прохрипел он. — Звучит заманчиво. — Он криво ухмыльнулся. — Вот что: я отдаю вам стариков, больных и хромых. Что касается пучковолосых и черноухих — они мне нужны самому. Пусть литейщики уберут от них свои грязные лапы!

Хемтафт кивнул:

— Ладно, я пожалуй Хамодуру по третьему ребенку из каждой семьи. Из них всегда вырастают никчемные воины.

— Молотоголовых я не отдам, — протянула Литтаг. — А кое-кого из плоскоголовых пусть забирает. Но только не для работы в кузнице!

— Хорошо, — закивал Хемтафт. — А что ты скажешь?

— Допустим, я пожертвую пару отрядов крох-гоблинов, — заговорила толстуха. — Только оставьте гоблинов-сиропщиков. Это мои любимые крошки... — Она громко разрыдалась.

— Хорошо, хорошо. — Хемтафт поморщился и повернулся к старику Мигмяу: — А сколько длинноухих не пожалеешь ты?

Мигмяу вздохнул.

— Я уже послал на Опушку Литейщиков многих красноглазых и серых гоблинов. — Он сокрушенно покачал головой. — В деревнях начинаются волнения...

— Ба! — презрительно фыркнула Литтаг. — Неужели великий Мигмяу Серый испугался собственных гоблинов?

Старик опустил глаза. Хемтафт положил руку ему на плечо.

— А что если отправить низкопузых, друг мой? — улыбнулся он, — Они дружелюбны, понятливы, а главное, их много. Уверен, Литтаг пришлет тебе в помощь целый отряд бравых плоскоголовых вояк.

Литтаг кивнула.

— Ах да, низкопузые, — прошептал Мигмяу. — О них-то я и забыл. Хорошо, я согласен, хотя мне все это совершенно не нравится. Может быть, низкопузые и тюфяки, но даже их терпение безгранично.

Хемтафт поднял вверх кружку.

— За Пожирателей Пустоши! — проревел он.

— Друзья урожая, пришло время собраться во-
круг стола и высказать свое мнение.

— Это не стол! — закричал кто-то. — Это повозка
с сеном!

— Эй, подвинься!

— Кого это ты толкаешь?

Вернувшись из лагеря длинноволосых, Лоб и Лум-
мель Группы уже около часа пытались провести со-
вет. Братья приблизительно знали, что нужно пред-

принять. Но беда была в том, что никто больше этого не знал.

— Друзья мои! — взмолился Лоб. — Пожалуйста, помолчите! Если все будут говорить хором, мы равным счетом ничего не услышим.

— Да о чем здесь толковать. Все и так знают: то, что происходит, — нечестно, — проворчал старый, одетый в чьи-то обноски низкопузый гоблин.

— Почему всегда мы? — заныл его товарищ, поправляя сползающую с головы соломенную шляпу. — Лично я сыт по горло.

— Я потерял отца, двух братьев, восьмерых кузенов... — причитал третий бедняк.

— Нас бросили на произвол судьбы...

Снова поднялся гомон, каждый считал своим долгом высказаться. Время от времени в дверь сарая стучали припозднившиеся соседи. Луммель поднял вверх руку, призывая собравшихся к порядку. Меньше всего ему хотелось привлечь внимание патруля. Но чаша терпения безобидных гоблинов была переполнена.

Очередное требование Хамодура Плюня вызвало бурю негодования не только в деревнях длинноухих, но и во всем Гоблиновом Гнезде. Простые ремесленники и земледельцы обменивались безрадостными слухами, и вскоре старый сарай был набит битком.

— Кто идет? — спросил суровый низкопузый гоблин с вилами в руках, когда в дверь снова постучали.

— Друг урожая, — прозвучал тихий ответ. — Впустите меня.

Сторож отодвинул засов, и молодой пучковолосый гоблин с кривой саблей и крепким щитом из свинцового дерева просунул голову внутрь.

— Добро пожаловать, друг, — пригласил его сторож. — Только оставь свое оружие у входа.

Пучковолосый послушно выполнил наказ и перешагнул через порог.

— Друзья... — надрывался Лоб, пытаясь перекрыть толпу.

— Мы сняли лишь половину урожая, — жаловались его сородичи. — Нам что, бросить его на полях?

— Можно подумать, мы питаемся воздухом!

— Война, война, война — они только об этом и говорят.

— Друзья, выслушайте меня, — умолял Луммель. — Мы должны держаться друг за дружку...

Но его слова потонули в гуле голосов. Конечно, нужно было еще до начала собрания припрятать стоявший на видном месте бочонок с сидром из лесных яблок. Кончилось тем, что захмелевший старый клыкастый гоблин полез на повозку, где стояли растерянные братья, но не сумел удержаться и с грохотом повалился на пол.

Гоблины как один вздрогнули и испуганно устались на повозку.

— Друзья, послушайте же меня! — Лоб не преминул воспользоваться воцарившейся тишиной. — У всех нас на Опушке Литейщиков есть близкие и родные...

— А вскоре за нами придет целый отряд злобных плоскоголовых гоблинов, — подхватил Луммель. — Они заберут низкопузых, длинноволосых, клыкастых

гоблинов и крох-гоблинов, старых и молодых, немощных и больных!

Сарай снова заполнили возбужденные голоса.

— И что же нам делать? — выкрикнул крох-гоблин.

— Мы должны сплотиться, — заявил Лоб.

— И помогать друг другу, — закончил Луммель.

Гоблины одобрительно загудели. Теперь вместо бессмысленных жалоб слышались дельные советы и предложения. Сосед думал, где спрятать соседа, брат обещал укрыть брата, друг предлагал спасти друга.

— Мы все отлично понимаем, зачем предводители племен вступили с Хамодуром в сговор, — заговорил Лоб, и шум стих. — Они полагают, что война с Вольной Пустошью принесет им богатство и славу. Но зачем эта война нам? Разве нет у нас в Новом Нижнем Городе добрых друзей?

Гоблины согласно закивали.

— Гоблиновому Гнезду и Вольной Пустоши делить нечего, — провозгласил Луммель. — Ну же, кто мэр Нового Нижнего Города? Простой низкопузый гoblin по имени Хеб Лаб-Драб! Такой же, как мы с вами! — Он умолк, дожидаясь, пока его слова возымеют должное действие. — Неужто мы позволим разрушить эту мирную обитель?

Повисла тишина. Но вот гоблины зашептались, и по сараю прокатились первые отклики.

— Нет...

— Нет...

— Нет!..

Лоб и Луммель с улыбкой переглянулись. Начало было положено. И какое начало!

Новый Нижний Город

Наступил вечер. Матушка Синешейка, бодрая после традиционного дневного сна, сновала по таверне со свечой в руках, зажигая лампы и учтиво кланяясь своим постоянным клиентам. И лишь дойдя до маленького столика в углу таверны, поняла, что один из ее завсегдатаев отсутствует.

— Старый Пират Топей снова не пришел, — пробормотала она.

— Странно все это, — покачал головой Зет.

— Я его уже неделю не видел. — Гроум задумчиво почесал волосатую грудь.

Матушка Синешейка озабоченно нахмурилась:

— Хотела бы я знать, где он пропадает.

Меггат, Беггат и Дег с трудом оторвали глаза от пенистых кружек.

— Мы тоже давно не видели бродягу, — сообщили они. — Ни слуху от него, ни духу.

Шрайка зажгла последнюю лампаду и задула свечу.

— Надеюсь, он в добром здравии, — вздохнула она. — Без него таверна совсем не та.

Гуляки понимающе закивали. Никто из них не слышал от Пирата Топей ни слова, но без него в шумном зале стало как будто тише. Даже Феверкьюль терялся в догадках, размышляя о том, куда мог подеваться старик.

Впрочем, если бы кто-нибудь на деле взялся за поиски, то быстро обнаружил бы Пирата Топей неподалеку от таверны «Дуб-кровосос». Станный ста-

рик с безумными глазами и всклокоченной бородой стоял на невысоком, затененном лафовыми деревьями холме и глядел на Северное Озеро. Он приходил на это место каждый вечер и так стоял до рассвета, словно молчаливая недвижимая статуя. Он покидал холм с первыми лучами солнца, чтобы вернуться назад, когда землю накроют сумерки.

Эта лунная ночь не была исключением. Старик одиноко стоял на холме, не сводя глаз с Колыбельного Острова. По небу безмятежно плыли своей дорогой облака, тишину нарушали лишь крики ночных птиц. Так он прождал до утра, и когда уже занималась заря и он собирался уйти, легкий всплеск привлек его внимание.

Маленькая рыбацья лодка из ивняка рассекала водную гладь. Пират Топей прижал ко рту ладонь, чтобы заглушить рвущийся из груди радостный крик. Он уже

хотел спуститься к причалу, когда заметил маленькую компанию, спешащую к берегу.

Старик замер на месте.

— Он вернулся! — вопил светловолосый юноша в кожаном плаще, бросаясь навстречу лодке, следом, весело гомоня, бежали трое толстолапов.

Весла с плеском последний раз погрузились в воду, и молодой Библиотечный Рыцарь с помощью эльфов-дубовичков выбрался на причал.

— Плут! — выдохнул Феликс. — Ну наконец-то!

— Доброе утро, Феликс! — Плут крепко обнял друга.

Толстолапы, радостно напевая, приплясывали на месте. Эльфы-дубовички с улыбкой переглянулись, не сказав ни слова, оттолкнули лодку от берега и направились в обратный путь,

— Мы ждали тебя неделю, — не унимался Феликс. — Целую неделю! Я уже стал сомневаться, что ты когда-нибудь вернешься! Но знаешь, друг, — он внимательно поглядел на Плута, — похоже, пребывание на острове пошло тебе на пользу!

— Меня не было неделю? — Плут не мог поверить, что это правда. — Неужели, я проспал в коконе целую неделю!

— В коконе Птицы-Помогарь? — в свою очередь удивился Феликс. — Вот, значит, что тебя излечило! Какие же молодцы эти эльфы-дубовички! Правильно, что мы позволили им тебя забрать!

Толстолапы дружно закивали.

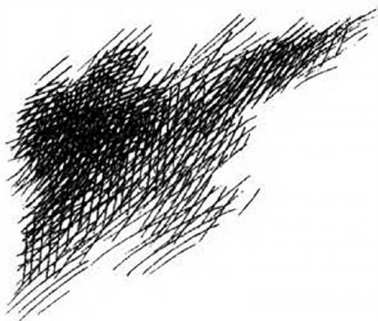
— Мы как раз собирались к Озерному Острову, Плут. Там кипит жизнь! Во всяком случае, закипит,

когда появимся мы. Ладно, сам все увидишь. — Феликс со смехом потянул друга за руку. — Айда с нами! Заодно расскажешь нам по дороге про свои сны! Кто бы мог подумать — целая неделя в коконе Птицы-Помогарь!

Когда веселая компания скрылась, Пират Топей вышел из своего укрытия. С минуту он глядел им вслед полными слез глазами. Губы старика дрогнули, и хриплым, ломающимся голосом он впервые за многие годы произнес всего одно слово:

— Кородер.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ЧАЕПИТИЕ С ПАУКОМ

есмотря на ранний час, в Садах Света работа шла полным ходом. Стекланные пауки, которых в Вольной Пустоши называли шпинделями, с длинными граблями и мотыгами бродили по тропинкам между плантациями плесени в поисках люминесцентных поганок. Склизкие дойники, смачно чавкая, пережевывали перегной, а клеевые кроты то и дело высывались на поверхность в надежде отыскать лакомый кусочек, оставшийся после завтрака.

А наверху, в Свинцовой Роще, наступил тот час, когда луна уже зашла, а солнце еще не встало. Тишину нарушали лишь крики зубоскалов. Свиноморды и губошлепы крепко спали, а хищные бритвокрылы еще не вернулись с ночной охоты.

Но вскоре раздались веселые голоса, замелькали факелы и из леса вышли дружные гоблины-сиропщики с полными корзинами лунных манго. Эти крупные розовые плоды созревают ночью, собирать их нужно немедленно, чтобы сочная кожура не стала кислой. Добрые трудяги прошествовали в самый центр Свинцовой Рощи, где располагалась знаменитая питательная воронка. Сиропщики опустили тяжелые корзины на землю и вывалили содержимое внутрь воронки.

— Ну вот, Сады сыты. Теперь доверху наполним ведра молоком и по домам! — сказала молоденькая гоблинша.

— М-м-м... Медовое молочко на завтрак! Обьединение! — сказала ее подруга, томно закатывая глаза.

Когда первая порция лунных манго рухнула вниз, юноша, прохаживающийся по окружающей воронку узкой кромке, вздрогнул. Тусклый свет падал на его стриженный затылок. Наконец поток иссяк, стайка огненных мошек залетела в воронку, вырвалась на волю и полетела в лес.

— Хотел бы и я так, — пробормотал юноша.

Но это было невозможно. Был только один вход в подземные Сады Света и один выход, и их тщательно охраняли. Юноше оставалось только бродить по бесконечным лабиринтам, залитым тусклым розовым светом. Он провел здесь уже около трех недель, но видел всего лишь малую толику обширных, тщательно спланированных Садов Света с их узкими аллеями и туннелями, плантациями плесени, росистыми озерами, сталактитами и сталагмитами.

Юноша пересек высеченный в скале мост и уже хотел было

двинуться дальше, как вдруг услышал громкое чавканье, опустил глаза и увидел клеевых кротов, копошащихся в яме с плесенью. Два стеклянных паука шагали от ямы к яме, вываливая туда новую порцию плесени. Один из них внезапно притормозил у одной их ям.

— Кушай, красотуля! — сказал он, когда одна из клеевых кротов с особой жадностью набросилась на угощение. — Ты только посмотри на нее! — обратился он к своему напарнику. — Как разбухла!

— И хорошо. А то у юных учеников совсем закончился клей! Каждые пять минут за ним прибегают...

Пауки устали на своих подопечных, а те резво сновали по яме, оставляя за собой густые полосы блестящего клея.

Юноша двинулся дальше. Мимо прошествовало стадо дойников. Их душистое медовое молоко славилось на весь Край. Затем навстречу ему попался молодой помощник библиотекаря с опухшими от недосыпа глазами. В руках паренек тащил пустое ведро.

— Клей закончился, — попытался вступить в разговор юноша.

— Угу, — последовал угрюмый ответ, и молодой помощник ускорил шаг.

Юноша вздохнул. Все здесь знали его историю, знали его темное

прошлое. Даже разговаривать с ним считалось зазорным.

Понуриив голову, юноша поплелся дальше и вскоре оказался в широком зале. Здесь на низких табуретах сидели шестеро Библиотечных Рыцарей и энергично помешивали кипящий в котлах раствор. В нос ударил хорошо знакомый запах опаленных перьев и подгоревшей патоки. Заметив чужака, один из них нахмурился.

Юноша поспешил уйти. Так и есть, все сторонятся его.

Откуда-то сверху послышался тихий перезвон. Там, в вышине, брел по широкому уступу старый стеклянный паук, сжимавший в передней лапке круглый поднос. Во второй он держал тросточку, на которую то и дело тяжело опирался. Это был не обычный паук из тех, что работают на плантациях плесени или кормят прожорливых клеевых кротов. И размер паука, и желтая каемочка на его теле свидетельствовали о том, что экземпляр этот очень древний, почти раритетный.

И в отличие от остальных паук не пытался избегать с ним встречи.

— Раненько вы сегодня поднялись, — продребезжал старческий голос.

Юноша поморщился.

— Не могу здесь спать, — пожаловался он. — Никак не пойму, что сейчас — день или ночь... — Он тяжело вздохнул. — Я скучаю по небу, по облакам, по ветру...

Старый паук печально кивал.

— Потерпите до церемонии Расплаты, — сказал он. — Это время дано для того, чтобы вспомнить былое, переосмыслить свои поступки, хорошие и плохие. Скоро вы выйдете отсюда.

— Мне кажется, уже вечность прошла, — хмыкнул юноша. — Здесь как в тюрьме...

— В тюрьме, господин Ксант? — задумчиво повторил паук. — Вам ли вспоминать о тюрьме!

Ксант вздрогнул, будто ему дали пощечину.

— Ты прав, — прошептал он. — Прости. Я знаю, это место даже сравнить нельзя с Башней Ночи... — Он сокрушенно покачал головой. — Ох, Твизл, когда я думаю о том зле, которое совершил, о тех бедах, в которых повинен...

Твизл понимающе кивнул:

— Давайте-ка лучше выпьем чайку. Как раньше. Помните?

Ксант поглядел на товарища и увидел в огромных глазах паука свое собственное отражение. Да, он очень хорошо помнил, как еще совсем юным воспитанником пил чай с Твизлом и слушал его чудные истории. Правда, эти светлые воспоминания омрачало то, что произошло после.

— Значит, я тебе не противен? — робко спросил он.

— Ну конечно, — улыбнулся Твизл.

Ксант побрел вслед за пауком, делая вид, что не замечает злых взглядов и презрительных реплик, отпускаемых в его адрес. Твизл подвел его к широкому проему в стене, за которым находилась довольно уютная комната, меблированная низкими лавками и небольшим столом. Он пропустил гостя, поставил

на стол поднос с пузатым чайником и круглыми стаканами и сокрушенно обвел глазами свое пристанище.

— Ох-ох-ох! — простонал он. — С каждым разом эта пещера становится все меньше и меньше.

Ксант улыбнулся. Этот паук рос не по дням, а по часам. Интересно, сколько Твизлу лет?

Паук привычным движением плеснул сначала в один, потом в другой стакан крепкий чай янтарного цвета, ловко ухватил серебряными щипчиками и отправил следом медовые кристаллики и влил по ложечке сиропа из живительных ягод. Наблюдая за этим знакомым ритуалом, Ксант совсем расстроился, защемило сердце.

Твизл мгновенно заметил терзания юноши.

— Вы не первый, кто испытывает муки совести, господин Ксант, — проронил он. — И далеко не последний.

— Знаю. — Юноша тщетно боролся со слезами. — Просто...

— Просто вы бы хотели переписать прошлое, — Твизл протянул Ксанту дымящийся стакан. — Принять иные решения? Предотвратить непоправимые ошибки? Избавиться от чувства вины, сдавившего грудь? — Он немного помолчал. — Пейте чай, молодой господин.

Ксант сделал большой глоток, и ему стало чуть-чуть легче.

— Чувство вины — самое страшное наказание, от него не спрятаться, — продолжал паук. — Но если вы примете то, что совершили, вам станет легче.

— Но как я могу это принять, Твизл? — горестно бросил Ксант. — Как примириться с тем, что я совершил?

Паук задумчиво потягивал чай. Какое-то время он молчал, а когда заговорил, то голос заметно дрожал.

— Много-много лет назад, — начал он, — жила-была чудесная молодая семья. Я очень любил и ту девушку, и того юношу, и мне больно рассказывать о том, что произошло потом. Очень, очень дурно *они* поступили...

Ксант наострил уши.

Старый паук стал мерно раскачиваться взад и вперед.

— Все началось еще в Старом Санктафраксе. Я тогда был дворецким во Дворце Теней и служил самому Высочайшему Академику Линусу Паллитаксу и его дочке Марис, надо сказать, славной девочке. — Паук задумчиво смотрел вдаль, полностью отдавшись воспоминаниям. — Темные локоны, зеленые глаза, вздернутый носик и такое

серьезное выражение лица, которого просто не должно быть у такой юной леди.

Твизл пригубил чай.

— Пожалуй, нужно еще добавить немного меда, — пробормотал он. — Что скажете, Ксант?

— Спасибо, чай чудесный. — Юноша быстро сделал большой глоток.

А Твизл продолжал:

— Однажды в Санктафракс прибыл небесный корабль — «Укротитель Вихрей». Капитаном его был прекрасный, в чем-то даже непредсказуемый воздушный пират Шакал Ветров. Помню, я пришел доложить хозяину о его приезде, а тот уже был в палатах. И не один, а со своим сыном.

— С сыном? — переспросил Ксант, не понимая, для чего старик рассказывает ему эту историю.

— Да, с сыном, — подтвердил Твизл. — Мальчика звали Квинт. — Он внимательно поглядел на Ксанта. — Он тогда был чем-то похож на тебя. Такой же задумчивый и потерянный.

Ксант теперь ловил каждое слово.

— Конечно, позже я узнал, в чем дело, — рассказывал паук. — Мальчик поведал мне свою историю. Я оказался хорошим слушателем.

— Что же произошло? — спросил Ксант.

— Что произошло? — повторил Твизл. — Ох, как же жестока бывает жизнь. Парнишка потерял в страшном пожаре почти всю семью. Отец тогда был в рейде, а вот все пятеро братьев, мать и старая няня погибли в пламени. Спасся лишь он — самый младший из всех. Он выбрался из огня каким-то чудом. —

Твизл запнулся. — Он так винил себя в том, что выжил.

— Но он же не сделал ничего дурного! — возмутился Ксант.

— То же самое сказал ему я, — кивнул Твизл. — Но он так и не смог это принять. Возможно, это объяснит все то, что было потом.

— А что потом? — спросил Ксант.

— Не спешите, всему свое время, — осадил его Твизл. — Шло время, Квинт и Марис подружились. — Он улыбнулся. — Стали просто *неразлучными* друзьями. У Марис умер отец, Квинт получил место в Рыцарской Академии. Удивительное было время, полное надежд и разочарований, подвигов и побед! Я часто вспоминаю Старый Санктафракс и ту холодную зиму... — Паук зажмурился, и Ксанту показалось, что он заснул.

— Твизл! — позвал юноша. — Твизл! А Марис и Квинт? Что стало с ними?

Шпиндель приоткрыл глаза и покачал огромной стеклянной головой.

— О, это долгая история, — заговорил он. — Они поженились и устроились на небесный корабль, капитаном которого был жестокий мерзавец по имени Мультиниус Гобтракс. — Твизл содрогнулся.

— И? — поторопил его Ксант.

— Они потеряли кораблекрушение. — Твизл подлил чай в стакан Ксанта. — Я в точности не знаю, что произошло в тот день в небе над Дремучими Лесами. Квинт не хотел об этом говорить, а Марис просто не могла. Ясно одно: в день, когда произошло

несчастье, Марис произвела на свет сына, а потом... — Глаза шпинделя наполнились слезами. — Бедная, бедная моя госпожа. Прошло столько лет, а мне все еще больно об этом вспоминать.

— Но о чем? — воскликнул Ксант.

— Марис и Квинт совершили ужасный поступок, — пробормотал Твизл. — Гобтракс наотрез отказался взять с собой малыша, экипаж поддержал капитана, да и сами молодые родители понимали, что младенец не перенесет долгий пеший переход через Дремучие Леса.

Ксант разинул рот:

— Что же они сделали?

— Мои хозяева отыскиали деревушку лесных троллей. Этот народец недолюбливал и боялся воздушных пиратов. Оставалось надеяться, что ненависть не распространится на невинного ребенка. Оставив сына под деревом, Марис и Квинт ушли в Нижний Город. С того самого дня моя госпожа потеряла покой и счастье.

— Ужасно, — прошептал Ксант.

Твизл кивнул.

— Вина, Ксант, — проговорил он. — Вина раздавила моих молодых господ. Я нашел их много месяцев спустя в таверне «Дуб-кровосос». Там тогда управляла шрайка Матушка Конный Хвост. Дорога домой изнурила Марис, горе и лихорадка истощили ее. А Квинт... Квинт тогда уже стал капитаном по прозвищу Облачный Волк...

— И как ты поступил?

— А что я мог поделаться? Собрал кое-какие пожитки и навсегда ушел из Санктафракса. После смер-

ти моего доброго хозяина Линиуса Паллитакса у меня не осталось там ничего дорогого. А малышку Марис я нянчил еще ребенком. Моя забота вскоре помогла победить бедной госпоже телесные муки, а вот душевную боль унять не могла.

— А Облачный Волк?

— Облачный Волк одолжил у Матушки Конный Хвост денег и приобрел небесный корабль. Он не хотел оставлять Марис, но та взяла с него обещание вернуться в Дремучие Леса и отыскать брошенного ребенка. Думаю, оба они уже понимали, что натворили. Ну а Матушку Конный Хвост, в свою очередь, интересовала прибыльная воздушная торговля.

— И он нашел ребенка?

Твизл покачал головой:

— Нет. Каждый раз он возвращался с богатым грузом, но ребенка с ним не было. Полагаю, его съедало чувство вины перед Марис, которая ждала его вместе с сыном. Вскоре мука сделалась такой невыносимой, что капитан покинул таверну и больше не показывался у жены. — Твизл тяжело вздохнул. — Когда Марис оправилась от болезни, она очень переменялась. Ее, как и мужа, терзало горькое чувство вины. Ей, как и Облачному Волку, хотелось как-то искупить свой грех, и она придумала как. Каждую ночь моя госпожа покидала таверну и бродила по улицам Нижнего Города в поисках несчастных сирот. Она забирала их к себе, выхаживала и воспитывала.

Первым ее подопечным стал маленький крох-гоблин, чьи родители сгинули в Топях. Позже к нему

присоединились двое душегубцев и городская гномиха, сбежавшая от злого дядьки... Но эти добрые, бескорыстные поступки не могли унять чувство вины, терзавшее сердце моей госпожи. И тогда она решила вернуться в Дремучие Леса.

— Чтобы отыскать сына?

— Я тоже так сначала подумал, — кивнул Твизл, — но потом понял, что Марис хочет еще раз пережить содеянное. Пережить, чтобы примириться с ним. Она твердо решила, что, если судьба не подарит ей встречу с мальчиком, она подберет других брошенных, потерявшихся детей и воспитает как своих собственных.

— И у нее получилось? — спросил Ксант, чувствуя, как груз собственной вины давит на сердце.

— Не спешите, мой молодой господин — укоризненно сказал Твизл. — Когда я закончу рассказ, вы сами ответите на этот вопрос. — Паук глубоко вздохнул, и Ксант увидел, как в стеклянной груди вздымаются прозрачные легкие. — Мы отправились в путь холодной, промозглой ночью. Я, Марис и бедные сироты из Нижнего Города.

— Пешком? — изумился Ксант.

— Ну разумеется. Мы никуда не спешили. Через Топи и Сумеречные Леса нас провел славный шрайк Деккель, а уж в Дремучих Лесах мы обошлись без проводников. По пути мы брали с собой всех бездомных малышей — вейффов, лесных троллей, душегубцев, балаболов и многих других обделенных заботой и лаской детей. Ты бы видел Марис! Она просто лучилась от счастья. Она стала матерью большого се-

мейства! Конечно, на пути нас ждало немало опасностей. Дремучие Леса пугали подчас даже храбрых воздушных пиратов; впрочем, мне лестно думать, что нам несколько помогли мои знания об этой местности. Плотоядные растения, кровожадные хищники, работорговцы и полчища шраек поджидали повсюду. Нам не раз приходилось залезать на деревья или прятаться в канавах. Но разве все это имело значение, если впереди нас ждало такое чудо...

— Какое чудо? — полюбопытствовал юноша.

— Дом, Ксант. — Твизл ласково улыбнулся. — Дом.

— И где этот дом?

— А вы еще не догадались? — Шпиндель озорно захихикал. — Я помню все, как будто это было вчера. Еще бы, ведь из темной, густой, непроходимой чащи мы выбрались в самый прекрасный уголок Края. Повсюду зеленели покрытые цветами холмы, на пушистых кустарниках висели спелые фрукты, а впереди голубело чистое озеро, посреди которого стоял бирюзовый остров. Слева расположилась высокая скала со множеством уютных пещер; справа загораживали собой небо исполинские свинцовые сосны. Сияло солнце. Пели птицы, и вместе с ними смеялись и пели наши счастливые малыши. Тогда я повернулся к своей госпоже и по ее взгляду понял — наше странствие закончено. Мы дома.

Ксант ахнул.

— Вольная Пустошь! — воскликнул он. — Вы основали Вольную Пустошь!

— Да, — скромно ответил шпиндель. — Первую ночь в новом доме мы провели под звездным небом.

Ни звери, ни птицы, ни злые разбойники не тронули нас, словно место это было укрыто от лихих глаз волшебным невидимым покрывалом. Наутро мы принялись исследовать окрестности. Пустошь была практически необитаемой, лишь на острове жили эльфы-дубовички да в пещерах возле Свинцовой Рощи обитали шпиндели.

— Шпиндели! —
засмеялся Ксант.

— Между прочим, мы приносим удачу, — заметил паук. — Мои сородичи позволили нам некоторое время погостить в их пещерах, пока не был построен первый дом Нового Нижнего Города. — На глазах Твизла выступили слезы. — Вот так все и начиналось, Ксант. Вот такое простое и скромное начало...

Ксант судорожно сглотнул.

— Постепенно в Вольную Пустошь стали прибывать переселенцы. Мы привечали всех страждущих. Душегубцы и лесные тролли разбили на юге свои деревушки, глыботроги осели в восточных пещерах, а гоблины построили на восточном берегу Северного Озера ладные домики.

— А Марис? — спросил Ксант. — Что стало с ней?

Шпиндель едва заметно улыбнулся:

— Ах, Марис. Она стала матерью Вольной Пустоши. Думаю, чувство вины покинуло ее навсегда, когда ее приемные дети выросли, возмужали и завели собственные семьи. Она умерла в старости со счастливой улыбкой на устах, так и не увидев сына.

— Значит, Вольная Пустошь исцелила ее душевные раны, — задумчиво произнес Ксант, обращаясь не столько к пауку, сколько к себе самому. — Она обрела покой.

— Вольная Пустошь для многих стала обителью мира и утешения, — кивнул Твизл. — Это прибежище всех заблудившихся душ, здесь они могут возродиться. Но в первую очередь нужно признать свои ошибки, пережить боль, а не прятаться от нее...

Ксант заморгал.

— Но я все неправильно делаю, — прошептал он. — Я пытаюсь укрыться от болезненных воспоминаний. Смогу ли я жить с ними? Вдруг это меня убьет?.. — Он умолк.

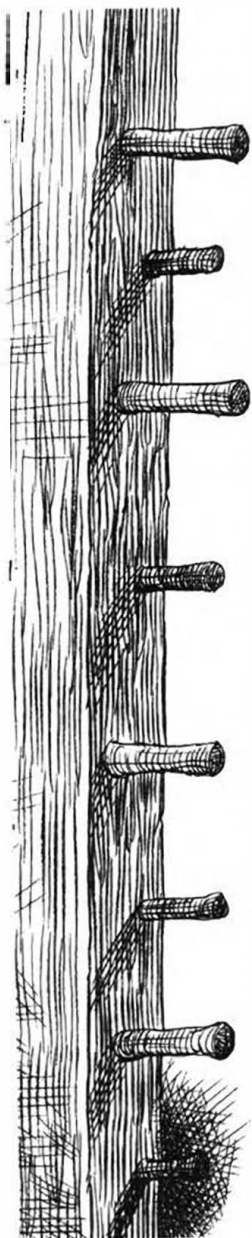
Твизл придвинулся к юноше:

— Вот это мы и узнаем на церемонии Расплаты.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

НОВАЯ БОЛЬШАЯ БИБЛИОТЕКА

Плут оглянулся. Новый Нижний Город с мощеными улочками, шумными площадями и торговыми рядами почти скрылся из виду. Только башня из лафового дерева возвышалась над высокими холмами да виднелись остроконечные утесы скал, где жили гоблины-сиропщики.

Остановившись на вершине небольшого, поросшего грушанкой холма, Плут запрокинул голову и испустил ликующий крик.

— Ох, Феликс, — рассмеялся он. — Как же здорово снова чувствовать солнышко, ветер и видеть всю эту красоту. — Он широко распахнул руки.

— Это ты сейчас про поля кислой капусты и неоновое лука? — усмехнулся Феликс.

Низкопузые гоблины, вытаскивавшие из земли круглую красную репу, радушно замахали им соломенными шапками.

— Нет, — смешался Плут. — Я... про всю Вольную Пустошь говорю, понимаешь, в целом!

— Да, она будет поприятней Тайнограда, — заметил Феликс. — Ладно, если ты прекратил горланить, пойдем дальше. Мы так никогда не доберемся до Озерного Острова.

Они спустились с холма и поспешили вслед за толстолапами, которые давно обогнали их и теперь терпеливо поджидали внизу. Плут заметил, что его мохнатые товарищи то и дело бросают тоскливые взгляды на виднеющиеся вдали Дремучие Леса.

— Вух-воолах, веег вуллаах! — попросил Плут, приблизившись. — *Простите, друзья, мои ноги идут медленно, но зато сердце парит!*

— Велла-голеема. Вег-вух, — ответила Вумеру, улыбнувшись юноше. — *Хорошо, что ты исцелился. Вуг-вурра-вух. Вух-леера. Мы будем ждать тебя, сколько потребуется.*

Вот на востоке показались лилово-черные бритво-шипы, окружавшие неприступной стеной загадочную Долину Вейфов. Друзья миновали вольнопшеничные

и синячменные поля и вышли к озеру. В его зеркальных водах отражалась расположенная на противоположном берегу Свинцовая Роща.

— Аж дух захватывает, — прошептал Плут.

— Да, впечатляет, — согласился Феликс.

В восточных поселениях лесных троллей царила суматоха. Телеги, запряженные ежеобразами, свозили к причалу бревна и брусья. А на другом берегу стояло великолепное здание с круглыми башенками и широкими арочными окнами.

— Озерная Академия, — выдохнул Плут, окидывая взглядом школу, где, как ему казалось, целую вечность назад осваивал полеты на небоходе и другие премудрости. — Она совсем не изменилась... Ой, а это что?

Феликс проследил за взглядом друга и расплылся в улыбке.

— Я уже думал, ты не заметишь, — сказал он. — Это радость и гордость моего отца. Новая Большая Библиотека Вольной Пустоши, точнее, будет таковой, когда закончится строительство.

Плут изумленно смотрел на грандиозную конструкцию, гадая, как это он мог не заметить ее сразу.

Этот круглый высокий дворец стоял прямо напротив Озерной Академии. Как и говорил Феликс, работа над ним пока не завершилась, но даже сейчас было понятно, что это будет величественное строение.

— Где-то я уже его видел, — протянул Плут.

— Небось в своих чудных снах, — с улыбкой предположил Феликс.

Плут покачал головой. Всю дорогу он пересказывал Феликсу удивительные видения, посетившие его в коконе, но этот дворец был не из видений.

— Нет, — вспомнил он. — Это копия Большой Библиотеки Старого Санктафракса! Я видел ее изображение в свитках...

— В свитках? — усмехнулся Феликс. — Да, уж ты библиотекарь до мозга костей! Ладно, следуй за мной. Отец тебя ждет не дождется.

Друзья спустились вниз по крутому берегу. Фасад Большой Библиотеки уже был практически готов, даже затейливая крыша в форме конуса с площадками для стоянки небоходов приобрела полагающийся вид.

С первого взгляда Плуту показалось, что на строительной площадке царит хаос, но, приглядевшись, он понял, что работа организована образцово и каждый четко выполняет свои обязанности под бдительным присмотром бригадира-гоблина и опытных библиотечарей.

Повозки с ежеобразами остановились, и лесные тролли стали торопливо разгружать бревна. Глыбо-троги и плоскоголовые гоблины мастерски срубали с них сучья и обрывали жесткую кору. Душегубцы и городские гномы обвязывали подготовленную древесину канатами и подавали на крышу, где знаменитые кровельщики крох-гоблины выкладывали замысловатые настилы из лафового и свинцового дерева. А бравые плотники и столяры возводили резные балконы.

— Потрясающе! — восхитился Плут. — Как слаженно они работают!

— Да, в Вольной Пустоши отменные строители, — подтвердил Феликс. — Ты бы видел моего отца. Старый книжный червь еще никогда не был так счастлив...

Друзья приблизились к массивным дверям из свинцового дерева и чуть не оглохли от шума. У входа в новую Большую Библиотеку собрались и весело галдели вчерашние переселенцы.

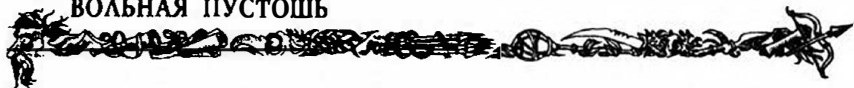
— Счастье, что ты жив и здоров, Ходлафф! — Крох-гоблин хлопнул по спине огромного глыботрога. — Я потерял тебя из виду на Лафовой Горе. А твои малыши целы?

— Благодарение Небесам, — кивнул глыботрог. — Мы обустроились в красивой пещере и сразу же поспешили сюда, чтобы отдать свитки.

— И мы за тем же пришли, — засмеялся крох-гоблин.

У дверей с широкой улыбкой на бородатом лице стоял Верховный Библиотекарь Фенбрус Лодд собственной персо-

ной и по очереди собирал с горожан драгоценные рукописи.

— Друзья мои! — гремел он. — Добро пожаловать в новую Большую Библиотеку. Раздайте свои драгоценные ноши библиотекарям, и да благословят вас Небеса и Земля!

Плут низко поклонился своему наставнику.

— Библиотечный Рыцарь, Плут Кородер к выполнению приказов готов, — доложил он.

— Ах, Плут, мальчик мой. — Глаза Фенбруса просияли. — Вижу, ты пошел на поправку. Я рад. Очень рад.

— Мне гораздо лучше, — подтвердил Плут. — Я почти здоров.

— Вот и отлично, — кивнул Фенбрус. — Значит, ты прямо сейчас сможешь приступить к работе. Только посмотри, сколько свитков нам принесли, нужно составить гигантский каталог...

— Но, — Плут запнулся, — я вообще-то хотел возобновить полеты вместе с Библиотечными Рыцарями...

Фенбрус нахмурился:

— Разве ты не потерял свой небоход в Старом Нижнем Городе?

Плут проглотил комок. Перед глазами все еще стоял разбитый в щепки «Буревестник».

— Что ж, — продолжал Верховный Библиотекарь, — тебе придется побеседовать с Окли Граффбарком. Думаю, он позволит тебе выстроить новый небесный кораблик. А пока ты мог бы помочь нам в книгохранилище. Не правда ли, оно просто великолепно?

Плут молча кивнул.

— Да, Плут, — Фенбрус строго поглядел на юношу, — я надеюсь, твой свиток при тебе.

Плут вытащил из-за пазухи кожаный мешочек и вынул оттуда свиток.

— Превосходно. — Фенбрус Лодд бережно взял старую рукопись. — «Обычаи и традиции народов Дремучих Лесов». Вот что, внеси ее в опись сам. Заодно увидишь, какая ладная у нас вышла Большая Библиотека.

Плут нехотя согласился. Направляясь в Вольную Пустошь, он надеялся возобновить полеты, а не киснуть в пыльных библиотечных залах. Впрочем, ему было интересно увидеть дворец изнутри.

Сердце юноши замерло, когда он перешагнул порог огромного сводчатого зала. Сотни высоких столбов тянулись к куполу, как могучие стволы неизвестных деревьев. А на каждом из широких ответвлений, похожих на раскидистые ветви, хранились свитки и фолианты определенной тематики.

Большая Библиотека гудела, как улей. Дотошные пожилые академики методично сортировали манускрипты по темам и датам, а их молодые помощники ловко взбирались вверх по столбам и дальше в лифтовых корзинах бороздили ветви, раскладывая в нужной последовательности драгоценные рукописи.

Следуя многочисленным указателям, Плут устремился в дальний конец Библиотеки, где должна была располагаться секция для манускриптов, посвященных Дремучим Лесам. Юноша довольно быстро на-

шел столб с табличкой «Социальное поведение» и смело полез вверх, цепляясь за круглые перекладины. Нужная ветвь находилась так высоко, что Плут старался не смотреть вниз.

На первом указателе было начертано *«исторические/легендарные»*, и Плут взял влево; на втором — *«былые/современные»*. Поколебавшись с минуту, юноша выбрал *«современные»*. Он миновал таблички с надписью *«общинные/индивидуальные»* и *«ночные/дневные»*... Перекладины стали тоненькими и хрупкими, они прогибались под весом Плута, и тот решил, что пришло время воспользоваться лифтовой корзиной.

Спустя несколько минут он уже был под самым куполом. Отсюда зал еще больше напоминал лес с исполинскими деревьями. Легкий ветер трепал Плуту волосы, шелестел пожелтевшими свитками, словно листвою.

На ближайшей к Плуту ветке висела связка кожаных чехлов, очень напоминавшая виноградную гроздь. В некоторых чехлах уже лежали свернутые

в трубочку фолианты. Плут огляделся по сторонам и заметил табличку «Обычаи и традиции народов Дремучих Лесов» — значит, он правильно выбрал путь.

Аккуратно засунув свиток в чехол, Плут стал спускаться. Удивительно, но процесс поиска доставил ему немалое удовольствие.

— Клянусь, ты стремителен, словно птица, дружок, — восхитился Фенбрус Лодд, когда Плут вернулся назад. — Из тебя выйдет отличный библиотечкарь!

Плут улыбнулся.

— Я буду работать с удовольствием, — тихо произнес он. — Пока снова не смогу летать.

— Вот что, сынок, отыщи Гарулуса Лексиса, он отведет тебе комнату наверху. Оттуда открывается прекрасный вид, и ты сможешь наблюдать, как твои товарищи патрулируют округу на небоходах. — Он положил Плуту руку на плечо. — Скажи, эти толстолапы с тобой?

— Да. — Плут оглянулся на трех мохнатых великанов, а те, догадавшись, что речь идет о них, навострили уши. — Мы вместе с тех пор, как я стал Библиотечным Рыцарем...

— Все это, конечно, хорошо, — назидательно проговорил Лодд, — но толстолапы принадлежат лесу. Ты же сам написал об этом трактат.

Вумеру выступила вперед.

— Вулла-веера, вух, — пропела она. — *Дремучие Леса зовут нас, но ради тебя мы можем остаться.*

Плут вздрогнул.

— Все вы так заботились обо мне. — Он поглядел на затаивших дыхание толстолапов. — Я в неоплатном долгу перед вами и должен... должен отпустить... О, Вумеру! — Он упал в теплые объятия толстолапихи.

— Лоомах-ввера, вух, — прошептала Вумеру. — Вурра-моолах-вух. — *Прощай, мой друг, да освятит луна наш союз.*

— Вух. Ураова, вух-вух! — хором грянули Вурало и Виг. — Образ твой, тот, в кого попала отравленная палочка, будет дремать в берлоге наших сердец вместе с нами. Прощай!

Плут сквозь слезы смотрел, как его дорогие друзья бредут прочь от Большой Библиотеки. Виг с огромным шрамом на пушистом плече, Вурало, которую он спас из рабства, и Вумеру, любимая Вумеру, — первая толстолапиха, ставшая его другом. И теперь его верные друзья возвращались в Дремучие Леса. Плут сглотнул образовавшийся в горле комок.

— Прощайте! — закричал он им вслед. — Прощайте!

— И мне тоже пора, — раздался свистящий шепот. — Меня ждут в Новом Нижнем Городе.

Плут обернулся и увидел притаившегося в тени Феликса. Фенбрус стоял к ним спиной и не заметил сына.

— Зачем ты прячешься? — Плут понизил голос.

— Не хочу, чтобы отец меня приметил, — объяснил друг. — Он все пытается переманить меня в

это скучное старое книгохранилище. Все твердит, что мне нужно остепениться. Ха! — Феликс хохотнул и взбежал вверх по берегу. — Передай от меня привет книгочею и скажи, что его любящий сын очень счастлив в Новом Нижнем Городе среди ровни — пиратов и Духов.

— Но Феликс! — взмолился Плут. — Может, ты ненадолго задержишься?

— Прости, Плут! — Феликс развел руками. — У меня встреча с капитаном Грифом. Не скучай!

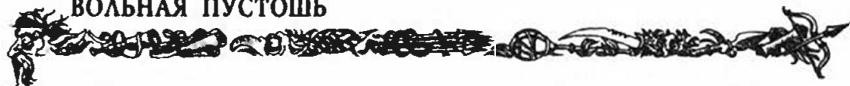
Плут уныло поплелся обратно в Большую Библиотеку. Толстолапы вернулись в Дремучий Лес, Феликс сбежал в Новый Нижний Город. Он остался совсем один.

Плут задумчиво обвел взглядом шумный зал. В глубине души он всегда знал, что его место не здесь. Ему больше по душе была залитая солнцем, чистая Вольная Пустошь.

Внезапно он заметил на строительных лесах маленькую пронырливую фигурку и чуть не вскрикнул от радости.

Еще бы, ведь там копошился не кто иной, как лесной гном Окли Граффбарк. Рыжеволосый лохматый мастер с резцом и колотушкой в руках вертелся возле деревянной скульптуры. Работа над ней только началась, но уже было ясно, что Окли намеревается вырезать из цельного куска дерева изображение Верховного Библиотекаря — Фенбруса Лодда.

Сделав глубокий вдох, Плут стал карабкаться по лесам. К счастью, это оказалось гораздо проще, чем лезть вверх, под самую крышу Библиотеки.

Заслышав шум, лесной гном обернулся, и Плут заметил, что его огненную шевелюру местами припорошила седина. Окли сразу же узнал своего старого воспитанника.

— Плут Кородер, пилот «Буревестника»! — ахнул он. — Помню, помню всех своих учеников! Как живете, юноша?

— Хорошо, — грустно улыбнулся Плут. — Вот только «Буревестника» у меня больше нет!

Лесной гном сочувственно покачал лохматой головой:

— Жаль, сынок! Это тяжелая потеря. Как будто бы лишился части души!

— Да. — У Плута увлажнились глаза.

Окли отложил инструменты и обнял Плута за плечи.

— А теперь скажите мне, — он заглянул юноше в глаза, — готовы ли вы после такой утраты взяться за создание нового небохода?

— Да, я уверен! — выпалил Плут. — Я так соскучился по небу.

Окли понимающе кивнул.

— Тогда, друг мой, вы знаете, что делать. Ступайте во двор, выберите добрый кусок отстойного дерева и принимайтесь за дело. Но перед тем как поднести к комлю резец, подумайте, что именно намерены создать. Вам подскажет...

— Дерево, — закончил за него Плут.

— В точку, — улыбнулся Окли. — Вы хорошо усвоили урок, мастер Плут. — Он махнул рукой в сторону скульптурного изображения Фенбруса. — Если удача будет на моей стороне, я закончу скульптуру к концу следующей недели. А потом погляжу на вашу работу.

— Спасибо, — благодарно сказал Плут. — Я прямо сейчас примусь за дело!

*

Спустя две недели пришлось признать, что работа ничуть не продвинулась. Плут выбрал лучший ко-

мель отстойного дерева, наточил резец, но никак не мог решить, какую форму придать небоходу. Каждый раз, когда он подносил к дереву колотушку, образ буревестника таял и юноша не мог начать работу. Впрочем, он был не в состоянии вырезать из дерева хоть какую-то фигуру. Но без резного носа не бывает и небохода. А без небохода он никогда не сможет летать. А раз он не сможет летать, то какой из него Библиотечный Рыцарь? Окли Граффбарк куда-то запропал, и Плут, отчаявшись дождаться учителя, отправился на его поиски под своды Большой Библиотеки.

Старый лесной гном все еще трудился над скульптурным портретом Фенбруса Лодда. Теперь у деревянного Верховного Библиотекаря была не только голова, но и плечи, и вытянутые руки с аккуратно вытесанными пальцами.

— Ничем не могу помочь, — покачал головой Окли и, прочитав в глазах юноши глубокое разочарование, продолжил: — Дерево — наш единственный союзник. Оно само указывает нам путь. Мое вот, например, захотело, чтобы Фенбрус раскинул в приветствии руки, и я покорно повинуюсь. — Он нежно похлопал скульптуру по плечу. — Осталось еще вырезать ноги, и, пожалуй, это все.

Плут тяжело вздохнул. У него не осталось выбора, и после полудня он уже стоял перед сияющим Фенбрусом Лоддом.

— Главное, ни минуты не сидеть без дела, — заверил Верховный Библиотекарь Плута. — Ты отлично ведешь каталоги, мальчик мой. У тебя настоящий талант!

Так однообразной чередой потянулись бесконечные дни. Плут ползал вверх и вниз по свежепокрашенным ярусам новой Библиотеки, рассовывая по кожаным чехлам свитки и фюлианты. Теперь ему как никогда хотелось подняться в небо.

Одним поздним солнечным вечером юноша вышел на деревянный причал у Озерной Академии и, облокотившись о поручни, принялся задумчиво глядеть на водную рябь.

Не то чтобы он был несчастлив, нет. Ему даже нравилось работать библиотекарем, лазать под куполом огромного зала, сновать влево и вправо в лифтовых корзинах и, устроившись на высокой ветке, читать древние фюлианты и манускрипты. Просто он очень сильно скучал по бескрайним небесным просторам. Каждый вечер он с тоской наблюдал из своего окна за тем, как возвращается домой патруль Библиотечных Рыцарей. И сердце болезненно сжималось, когда мимо проплывали грациозные небесные кораблики. Плут так мечтал присоединиться к лихой эскадрилье, но резец отказывался повиноваться, колотушка не желала слушаться.

— Эй, Плут! — Чей-то голос вывел юношу из оцепенения. — Это ты?

Он оглянулся и увидел коренастого паренька. Плут сразу же узнал Стоба Ламмуса, но даже не шелохнулся. Стоб не спеша подошел к бывшему однокашнику и тоже облокотился о поручни.

— Как поживаешь, дружище? — спросил он после долгого молчания. — Слышал, у тебя полно забот. Еще бы, нужно рассортировать столько свитков.

Но вроде работа близится к концу. Ты можешь собой гордиться.

Плут кивнул:

— Я и горжусь, Стоб. Но, если честно, все это не мое, я бы хотел летать.

Стоб усмехнулся.

— А помнишь *мой* первый полет? — спросил он. — Старый, добрый «Ежеобраз» врезался тогда со всего маху в свинцовую сосну. Да уж, я никогда особо не любил летные уроки. — Он с минуту молчал. — Но теперь я занят действительно своим делом...

— Ты ведь вроде помощник Парсиммона? — любопытствовал Плут. — Ну и как, получается держать в узде юных воспитанников?

Стоб рассмеялся.

— Пытаюсь, Плут, — ответил он.

Они на некоторое время умолкли. Плуту искренне нравился Стоб, но он устал и не слишком-то хотел болтать.

— Похоже, наш бывший товарищ, Ксант, наконец получит по заслугам, — вдруг бросил Стоб. — Я-то никогда ему не доверял. Очень уж лживые у него глаза...

Плут вздрогнул.

— А мне жаль Ксанта. Все библиотекари говорят о нем столько дурного, а я помню лишь, как он был воспитанником Озерной Академии...

— Все разрешится на церемонии Расплаты, — твердо сказал Стоб. — В Вольной Пустоши будет намного спокойнее без этого отребья.

С минуту они молчали.

— Я слышал про Магду. Мне очень жаль, — печально заговорил Стоб. — Кто-кто, а *она* была верным другом. Мне будет ее не хватать.

— Мне тоже, — угрюмо подхватил Плут. — Выходит, из нашего выпуска остались лишь мы с тобой, Стоб. И ни один не летает! Хороши Библиотечные Рыцари, ничего не скажешь!

Солнце опустилось за горизонт, вода окрасилась в золотисто-розовый цвет. Ветер стих. Озеро успокоилось. Внезапно над зеркальной поверхностью озе-

ра мелькнуло изящное красно-желто-полосатое создание.

— Буревестник! — проговорил Стоб. — Это же твой...

— Да, спасибо, я помню, — резко ответил Плут. В первый раз за все время беседы он внимательно поглядел на бывшего однокашника. Стоб отрастил брюшко, на лбу у него уже намечались морщинки. Но бывший подмастерье выглядел счастливым, таким почтенным учителем. — Ох, Стоб, — простонал Плут. — Как же я тебе завидую!

— Ты завидуешь *мне*? — удивился товарищ.

— Да. Тебе и в самом деле нравится преподавать в Озерной Академии, а я...

— Ты хочешь летать, — прервал его Стоб. — Я уже слышал. Но что же тебе мешает?

Плут стукнул кулаком по перилам.

— Все, Стоб! Все! У меня не выходит новый небоход. Окли Граффбарк ничем не может помочь. А Фенбрус Лодд хочет, чтобы я остался в Большой Библиотеке. Я работаю с рассвета до заката...

Его монолог прервала звонкая перекличка горнов из рогов тильдера и звук тяжелых прыжков. Плут обернулся и увидел отряд воинов в блестящих доспехах, скачущих по берегу озера верхом на зубоскалах.

— Небо и Земля! — выдохнул Плут. — Кто это?

Стоб удивленно уставился на юношу.

— Ты что, шутишь? — не поверил он. — Это же Вольные Уланы. Вечерний патруль. Красиво скачут!

ПОЛ СТЮАРТ, КРИС РИДДЕЛ

ВОЛЬНАЯ ПУСТОШЬ

— Вольные Уланы, — повторил Плут. — Герои битвы на Лафовой Горе...

Стоб обеспокоенно воззрелся на друга:

— Плут, ты хорошо себя чувствуешь?

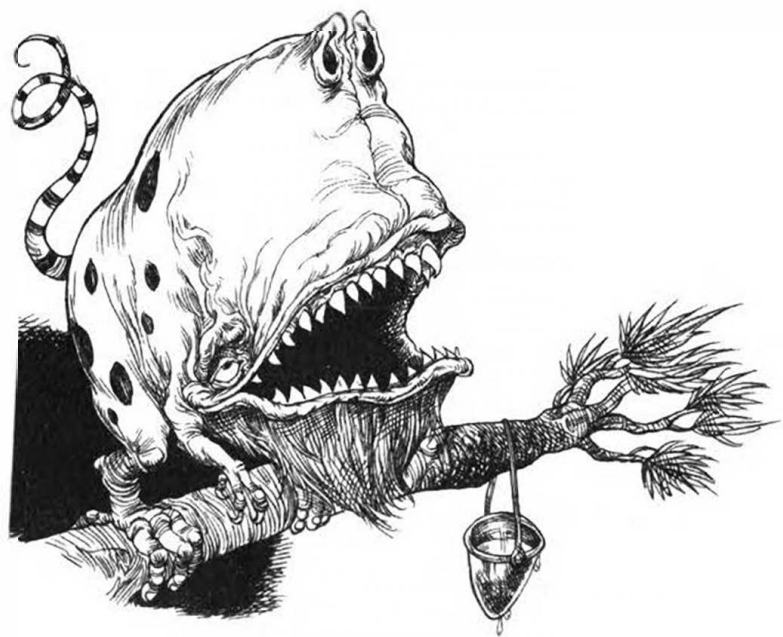
— Они великоленны! — прошептал Плут. — Великолепны!

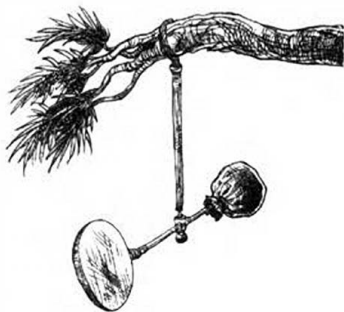

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

ЧИНКВИКС

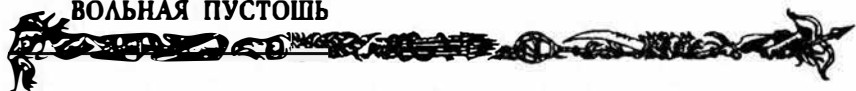
ледующим утром Плут поднялся ни свет ни заря. Он сменил свою библиотечную робу на рыцарский летный костюм, прихватил меч и вышел во двор. Как всегда, на берегу Центрального Озера шла оживленная работа. Глыботроги, городские гномы, плоскоголовые гоблины и душегубцы, воспользовавшись чудной погодой, спешили закончить строительство Большой Библиотеки.

Но для Плута все это уже было в прошлом. Накануне он долго беседовал с Феликсом Лоддом, а этим утром у него состоялся тяжелый разговор с его отцом.

Феликс, как всегда, был полон оптимизма и радужных надежд.

— Вольные Уланы, Плут? — рассмеялся он. — Что же, неплохой выбор. Как-никак, эти попрыгунчики вытащили нас из заварушки на Лафовой Горе. Желаю удачи! — Он высоко поднял кружку и гаркнул на всю таверну «Дуб-кровосос»: — За новую службу Плута!

Реакция Фенбруса Лодда была прямо противоположной. Верховный Библиотекарь всячески пытался отговорить молодого Кородера от этой затеи, хотя шансы его изначально сводились к нулю. И теперь

молодой Библиотечный Рыцарь, задорно посвистывая, шел пружинистой походкой вдоль озера.

Наконец бойкий стук топоров, визг пил и голоса рабочих стихли. Вода с плеском накатывала на берег, где гнездились тростниковые утки и гальковые лебеди. Под ногами юноши то и дело оказывались игристые детеныши свиномордов.

Плут свернул на узенькую тропинку, берущую начало от берега, и побрел в направлении Свинцовой Рощи. Он еще издали услышал, как шумят на ветру длинные иголки сосен.

Вскоре холмистую местность сменили овраги, поросшие колючими кустарниками. До юноши донеслось развеселое пение. Не задумываясь, он пошел на звук и вскоре увидел бригаду гоблинов-сиропщиков с бочонками розового меда в руках.

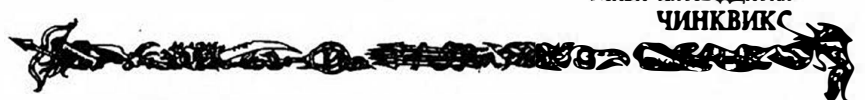
— Доброе утречко, друг, — хором поприветствовали его честные работники.

— Доброе утро, друзья, — радушно ответил Плут.

Гоблины тут же окружили его, наперебой предлагая попробовать сырой мед.

— Мы-то больше любим его вареным, — верещал один. — Вкуснотища!

— Но тебе, наш друг, он наверняка понравится и таким, — поддержал его второй, протягивая Плуту до краев наполненный стакан. — Враз освежает.

Плут отважно глотнул розового напитка. Тот действительно оказался очень хорош.

— Спасибо, спасибо вам, друзья. — Он по очереди раскланялся с гоблинами. — Ваше угощение выше всяких похвал.

— Мы рады, что оно пришлось тебе по вкусу, друг, — последовал ответ.

Гоблины-сиропщики пошли своей дорогой, Плут помахал им вслед и отправился дальше. Добравшись до края оврага, он поднялся вверх по крутому склону и почему-то снова припомнил сегодняшний разговор с Верховным Библиотекарем.

— Так ты уверен, что в этом твое призвание? — в сотый раз спрашивал Фенбрус Лодд, расхаживая по кабинету и бросая изучающие взгляды на Плута. — Вольные Уланы отличные воины, но их быт суров и опасен.

Плут рассмеялся:

— Не опаснее, чем у Библиотечных Рыцарей.

— Твоя правда, у библиотечарей есть свои герои, — кивнул Феликс. — Но подумай, Плут, какое славное будущее ждет тебя в этих стенах. Ты можешь стать образцовым библиотечарем при твоём терпении, сметливости и скрупулезности. Только вчера мой помощник Гарулус Лексис был поражен твоими потрясающими успехами на новом поприще. — Он тепло поглядел на юношу: — Большой Библиотеке *необходимы* такие одаренные юноши, как ты.

— Я... я польщен. — Плут покраснел. — Правда, польщен. И вы знаете, как дорога мне библиотека, — добавил он, уставившись в пол. — И все же... мне грезится другая жизнь... В душе я Библиотечный Рыцарь, но, к сожалению, без небохода. Возможно, войдя в ряды Вольных Уланов, я смогу послужить не только Большой Библиотеке, но и всей Вольной Пустоши.

— Небо и Земля, ты говоришь, как Феликс. — Фенбрус Лодд часто заморгал глазами. — Похоже, мне не убедить его оставить Духов Тайнограда и вернуться в Библиотеку, но на *тебя*, мой мальчик, я возлагал такие надежды. Тем не менее придется признать, что ты уже все решил. — Верховный Библиотекарь крепко пожал Плуту руку. — Мне будет очень не хватать тебя, паренек. Удачи! Потеря Большой Библиотеки обернется удачей для Вольных Уланов. И помни, Плут, если надумаешь вернуться, наши двери всегда открыты для тебя.

— Спасибо.

Плут уже собирался идти, когда Лодд окликнул его и попросил задержаться еще на минуту.

Верховный Библиотекарь метнулся к столу, выдвинул ящик, суетливо порылся внутри и выудил старый свиток.

— Разверни. — Фенбрус с улыбкой протянул

рукопись Плуту. — Возможно, это поможет тебе в твоей новой работе.

— «Разведение зубоскалов», — прочитал вслух Плут. — Трактат... — Он запнулся. — Фенбруса Лодда... Значит, это...

— Мой самый первый трактат, — кивнул Фенбрус. — Я отдам его тебе на хранение. Вернешь, когда сочтешь нужным. И, как знать, быть может, с дополнениями. Тебе же нравилась исследовательская работа. Вдруг, вместо того чтобы искать фолианты в Библиотеке, ты сам начнешь их писать, а? Ну, иди же. Иди, пока я не передумал.

Тон Верховного Библиотекаря был ворчливым, но Плут заметил в его глазах слезы. У сурового с виду Фенбруса Лодда на деле было доброе сердце. Только он почему-то таил это от своего сына.

...Выбравшись из оврага, Плут отдышался и огляделся по сторонам. Вокруг, куда ни кинь взгляд, раскинулась Свинцовая Роща. Юноша вошел под сень исполинских деревьев и словно оказался внутри огромного темного дворца. Звуки Вольной Пустоши стихли.

Плут медленно пошел по устланной мягкими иглами земле. Где-то там, внизу, находились Сады Света. Там ждал своей участи Ксант Филатайн.

«Бедный Ксант, — с грустью подумал Плут. — Похоже, никто так и не вступится за него на церемонии Расплаты. Быть может... нет, без толку». Плут помнил только гнусное предательство Филатайна. Больше ничего.

Чем дальше шел Плут, тем явственнее слышались визгливые крики зубоскалов. А толстые пере-

крещенные ветви, на которых ютились благородные животные, напомнили ему широкие библиотечные балки. Зубоскалы здесь исчислялись сотнями. Одни еще крепко спали, другие прихорашивались после ночи, иные с важным видом расхаживали по ветвям. А между ними сновали силуэты в просторных туниках с вышитыми на груди красными толстолапами.

— Вольные Уланы, — пробормотал Плут.

Юноша подошел к ближайшей сосне, отыскивал опоры для рук и ног и стал карабкаться вверх. Это было все равно что лезть по книжным столбам Большой Библиотеки, только деревья были гораздо выше. Оказавшись на самом верху, юноша огляделся по сторонам и вместо белых свитков, торчавших из кожаных чехольчиков, увидел зубоскалов всех возрастов и мастей.

Они расхаживали по веткам, утробно урча и с надеждой поглядывая на свисающие с сучьев ведра со снедью. Время от времени какой-нибудь зубоскал отталкивался сильными ногами от ветви и легко и грациозно перепрыгивал на другое дерево. Ни одно животное не обратило на Плута никакого внимания.

Впрочем, уланы тоже не сразу заметили юношу. Одни сладко спали в гамаках, другие точили пики и кривые кинжалы, третьи начищали доспехи тильдячьим жиром, четвертые чистили зубоскалов и смазывали им лапы целебным маслом.

Большинство уланов были родом из племени крохгоблинов. Этот низкорослый проворный народец пре-

восходно ладил с зубоскалами, но среди наездников встречались также городские гномы, длинноухие гоблины и душегубцы... Как раз один из душегубцев и заметил Плута.

— Подумать только, Библиотечный Рыцарь, — проронил он. — Чем скромные уланы обязаны вашему визиту?

Теперь и остальные воины заметили юношу.

— Приветствую вас, друзья, — заговорил Плут. — Я бы хотел поговорить с вашим капитаном...

— С капитаном? — Один из крох-гоблинов вскинул брови. — А что тебе нужно от капитана?

— Не часто в наши края забредают Библиотечные Рыцари, — подхватил его соплеменник. — Им больше по душе парить в небесах.

— Там, видишь ли, поспокойнее, чем внизу, — заключил первый крох-гоблин, вызвав дружный смех окружающих.

Плут покраснел.

— Я... я хочу... я хотел бы... — Он запнулся.

— Хватит мямлить, паренек, — перебил его душегубец. — Вот дела, я-то думал, что библиотекари остры на язык...

— Отчего стоим сложа руки? Все за работу! — прозвучал незнакомый грозный голос.

— Капитан Рубь, — всполошились уланы.

Плут оглянулся и увидел крепкого темноглазого крох-гоблина, спустившегося с верхних ветвей на сук, где стоял Плут. Юноша отметил про себя, что одно ухо у капитана разодрано, а через щеку идет глубокий шрам.

— Грист, Уорп, Треббис, — набросился он на крох-гоблинов. — Вам что, больше заняться нечем, кроме как дразнить паренька? — Он повернулся к душегубцу: — А тебе, Лага, я разве не велел ошкурить туши тильдеров, прежде чем кормить ими зубоскалов? Нам нужна кожа!

— Да, капитан. Простите, капитан. — Лага со всех ног бросился выполнять приказания.

Капитан Рубь выжидательно посмотрел на Плута.

— Здравствуй, сынок, — произнес он. — Зачем пожаловал?

Крох-гоблины наострили уши.

— Я хочу стать Вольным Уланом, — выпалил Плут, не обращая внимания на ехидные смешки вояк.

— Да ну? — Капитан прищурился. — И хорошо ты держишься в седле?

— Я... я прежде никогда не ездил верхом на зубоскале, — честно ответил Плут. — Но если потренироваться...

— Потренироваться! — фыркнул капитан. — Я тоже бы смог после парочки тренировок летать на небоходе, но не стал бы от этого Библиотечным Рыцарем.

Почему же ты думаешь, что достоин пополнить ряды Вольных Уланов?

— Просто... ну... — Плут сник. — Мой небоход упал в Тайнограде, а вырезать новый мне не под силу. Пришлось работать в Большой Библиотеке, но однажды я увидел на закате ваших уланов и понял: это мой шанс. Я посоветовался с Феликсом, и он сказал...

— С Феликсом. — Капитан Рубь вздрогнул. — С Феликсом Лоддом?

— Да, — кивнул Плут.

— С Феликсом Лоддом — предводителем Духов Тайнограда?

Плут кивнул:

— Феликс сказал, что я не мог сделать лучшего выбора, особенно после того, что произошло на Лафовой Горе.

— Так и сказал? — Капитан приосанился.

Плут краем уха слышал, как у него за спиной перешептываются крох-гоблины.

— Что ж ты раньше молчал? — Рубь расплылся в широкой улыбке. — Друг Феликса Лодда — наш друг. И, видит Небо, нам очень нужны новые бойцы. Мы потеряли многих наших уланов на Лафовой Горе. — Он тяжело вздохнул, немного помолчал и добродушно хлопнул Плута по плечу: — Ну, располагайся, паренек. Уорп и Грист тебе здесь все покажут. Явишься ко мне завтра, в восемь утра. Понятно, улан?

— Так точно, капитан. — Плут просиял.

Этой ночью Плут крепко спал. Ночная прохлада была ему больше по душе, чем затхлый воздух биб-

лиотечной кельи. На рассвете его разбудил Лага. Завтрак из копченых ломтиков тильдячей ветчины и свежеснесенных яиц сосновой курицы источал аппетитный аромат. Новым товарищам не терпелось поближе познакомиться с Плутом.

— Уорп говорит, что ты из Нижнего Города. — Грист откусил огромный кусок подсоленной ветчины и устался на Плута.

— Я воспитывался в Подземном Книгохранилище, — объяснил юноша. — Но родился здесь, в Дремучих Лесах. Так мне говорили.

— Говорили? — удивился Уорп. — А ты сам не помнишь?

— Дайте парню спокойно поесть. — Лага хитро подмигнул Плуту. — Не обращай внимания. Крох-гоблины слишком дотошные, но ты к этому со временем привыкнешь.

Грист, Уорп и Треббис от смеха сложились пополам. И Плут испугался, что они свалятся с ветки.

— Все в порядке, — заверил он Лагу. — Пусть спрашивают. Я сирота, родителей моих убили работаровцы, когда я был еще ребенком. Библиотекари подобрали и воспитали меня.

— Библиотекари, Духи Тайнограда, крох-гоблины, душегубцы — не все ли равно. — Уорп вытер рукавом жирные губы. — Теперь все мы граждане Вольной Пустоши. Хотя был момент, когда я думал, что все потеряно.

— Ты участвовал в битве на Лафовой Горе? — спросил Плут, отодвинув тарелку.

-- Все мы там были, — ответил Лага.

— В тот день polegло много наших собратьев, — угрюмо проронил Грист.

— Шрайки рвали и метали. — Уорп содрогнулся.

— Если бы их предводительнице не отсекали голову, жертв могло быть намного больше, — подтвердил Треббис.

— Это точно, — кивнул Уорп.

— Я видел, как все произошло, — пустился в воспоминания Лага. — Мы с Ванквиксом только-только добрались до вершины горы. А шрайки уже тут как тут. И вдруг вперед вырвался бритоголовый такой паренек с тяжелым острым мечом. И одним ударом отрубил Мамаше голову! Шрайки после этого совсем озверели, стали набрасываться друг на друга. — Он скривился. — А ты сам-то где был? В облаках витал?

— Что-то в этом роде. — Плут грустно улыбнулся. — По дороге сюда я попал в Губительный Вихрь и чуть не погиб. Толстолапы забрали меня с Лафовой Горы еще до начала битвы и двинулись в Вольную Пустошь своим ходом. Я почти ничего не помню...

— Ты дружишь с толстолапами? — Лага с восхищением поглядел на юношу.

— Это благороднейшие из существ, населяющих Дремучие Леса, — подтвердили крох-гоблины, и тут раздался зов горна.

— Уже восемь часов, — восторженно воскликнул Лага. — Сейчас будет построение.

Крох-гоблины торопливо проглотили завтрак, а Лага взял Плута за руку.

— Пойдем, — позвал он. — Тебя ждет капитан Рубь.

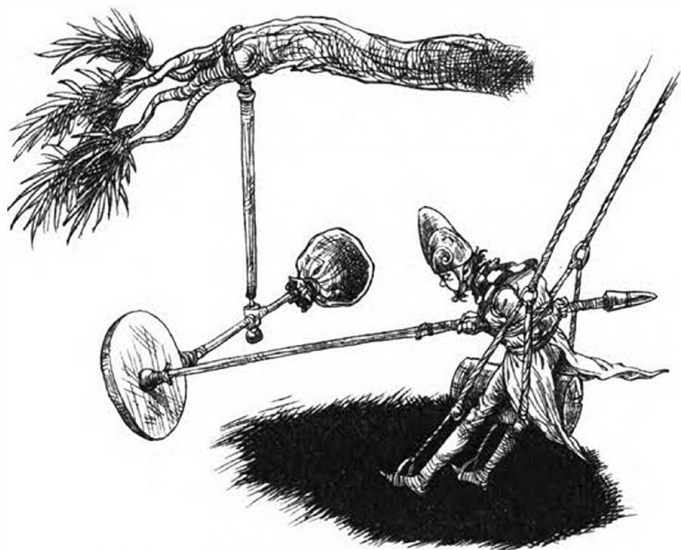
Следующие две недели потребовали от Плута сил и терпения. Уроки в Озерной Академии и служба Библиотечным Рыцарем оказались бесполезны для освоения новой науки. Верховая езда не имела ничего общего с изящным летным искусством.

Поначалу пришлось тренироваться на нижней ветке свинцовой сосны. Обхватив ногами толстый сук и сжимая в руках привязанные к дереву вожжи, Плут пытался удержаться в седле, а товарищи раскачивали ветку и бросались в новичка огромными шишками. Испытание каждый раз заканчивалось одинаково бес-

славно. Плут скатывался на землю, устланную мягким ковром из сосновых иголок, с трудом поднимался, упрямо карабкался на ветку и снова падал. Казалось, неудачи никогда не закончатся.

Более того, каждый день оттачивались навыки битвы на копьях. И несчастный Плут часами болтался в воздухе, попеременно нанося удары в мишень и получая ответные шлепки. А ночью, несмотря на насмешки товарищей, бывший Библиотечный Рыцарь читал запоем при свете факела трактат Фенбруса Лодда о выездке зубоскалов.

Спустя три недели Плута первый раз подпустили к зубоскалам и показали, как чистить и седлать жи-

вотных, как полировать им когти и растирать маслом кожистые лапы. Из фолианта Плут уже знал, как правильно гладить зубоскалов по голове и бережно щекотать за ушками кончиками пальцев. Он выучил все про упряжь и теперь мог без труда запрячь любого зубоскала.

У каждого улана был свой собственный зубоскал. Эти ручные серые, бурые, рыжие и черные звери уже давно чувствовали незримую и неизбежную связь со своими хозяевами. Но были и бесхозные скакуны — слишком молодые либо потерявшие своего наездника в битве. Кто-то из них и должен был достаться Плуту и другим новичкам. По истечении третьей недели капитан Рубь вызвал юношу к себе.

— Я пристально наблюдаю за тобой, Плут Кородер, — начал он свою речь. — И должен признать, ты все схватываешь на лету. Пожалуй, пришло время позволить тебе выбрать зубоскала. Лага! Отведи Кородера в центральный загон и возьми завтра с собой в патруль.

— Благодарю вас, капитан. — Плут расплылся в счастливой улыбке. Он давно ждал этих слов.

Оживленно болтая, Лага и Плут отправились в центр Свинцовой Рощи, где на широких ветвях обитали свободные зубоскалы. Чем ближе друзья приближались к загону, тем громче звучало фырканье зубоскалов, тем сильнее бил в нос специфический запах животных. У подножия исполинской свинцовой сосны их встретил мускулистый, с копной густых черных волос крох-гоблин Рембит Таг.

— Нас прислал капитан Рубь, — приветствовал его Лага. — Плуту требуется зубоскал.

Рембит внимательно оглядел Плута с головы до ног. Определив рост и вес юноши, он подобрал седло и указал на своих шумных подопечных.

— Я бы посоветовал выбрать зубоскала серой масти, — сказал он. — Они не слишком ретивы, зато очень надежны.

У Плута разбежались глаза. Самые большие зубоскалы были бурой, серой и черной масти. У всех зверей как на подбор были сильные, мускулистые задние ноги и крошечные передние лапки. Зубоска-

лы помоложе, рыжей масти, обладали живым нравом, но управляться с ними было гораздо трудней. Плут ласково потрепал их по холке, и те блаженно заурчали. Рембит казался ошеломленным.

— Ты им понравился, — заверил он. — Похоже, ты умеешь обращаться со зверьем.

Плут кивнул.

«На теле у зубоскалов сорок три восприимчивых к прикосновению точки: брови, средний палец задней ноги...» — зазвучал у него в голове голос Фенбруса.

Взгляд Плута упал на рослого зубоскала, державшегося особняком. В отличие от своих желтоглазых сородичей в незатейливых шубках, у него были пронзительно синие глаза и темно-бурые пятна на белоснежной шкуре.

«Белые пятнистые зубоскалы отличаются острым умом. При правильной дрессировке они творят чудеса, но неумелый хозяин пожнет дурные плоды...»

— Можно мне этого? — спросил Плут.

— О нет! — торопливо сказал Рембит. — Что ты! Его объезжал плоскоголовый гоблин Грейз Флинтвик. С тех пор как хозяин погиб на Лафовой Горе, зверюга никого к себе не подпускает. Я держу его здесь только в память о старом товарище...

Но Плут уже вошел в раж. Что-то зацепило его в этом зубоскале. Юноша прошествовал мимо более сговорчивых особей и остановился возле упряма. Лага и Рембит осторожно шли следом.

— Как его зовут? — спросил Плут.

— Чинквикс, — ответил крох-гоблин. — Но, поверь мне, его невозможно приручить. Мне даже трудно поверить, что он подпустил тебя так близко.

Плут опустил голову и, не отрывая глаз от строптивого животного, продвинулся еще на один шаг.

— Чинквикс, — позвал он. — Не бойся, дружок.

«К беспокойному зубоскалу следует подходить сбоку, постоянно поддерживая с ним зрительный контакт...»

Зубоскал завертелся на месте и нервно взвизгнул.

— Да, да, я все понимаю, — прошептал Плут. — Тише, тише...

«Пусть ваши руки будут на виду у животного...»

— Я бы не советовал, — начал было Рембит, но Лага положил ему на плечо ладонь, и тот умолк.

«Позвольте зубоскалу себя обнюхать...»

Плут подошел вплотную к животному, облизал пальцы и поднес их к трепещущим ноздрям зубоскала.

— Чинквикс, Чинквикс, — тихо повторял он.

Зубоскал сделал глубокий вдох. Он перестал вертеться и замер. Плут ласково улыбнулся и, продолжая глядеть зверю прямо в глаза, погладил зубоскала по шерстке.

Взгляд Чинквикса смягчился. Рычание стихло, и из груди пятнистого зверя вырвалось нежное урчание.

— Хорошо, Чинквикс. Умница. — Плут набросил на Чинквикса седло и, не переставая поглаживать зверя, затянул упряжь.

— Вот это да! — обомлел Рембит. — Никогда не видел ничего подобного. Где ты только всему научился?

Плут улыбнулся крох-гоблину и погладил карман, в котором лежал драгоценный фолиант.

— Я прочитал об этом в одном трактате.

Чинквикс тем временем ласково жался к Плуту, настойчиво требуя внимания.

— Если бы я не увидел все это собственными глазами... — покачал головой Рембит.

Лага уже оседлал собственного буро-рыжего зубоскала по имени Белвикс и подскакал к Плуту.

— Молодчина, — похвалил он друга. — Теперь посмотрим, как ты доберешься до верхних веток.

Плуту не потребовалось повторять дважды. Он прыгнул в седло и слегка натянул вожжи. Этого было достаточно, чтобы Чинквикс взвился. Зубоскал

ПОЛ СТЮАРТ, КРИС РИДДЕЛ

ВОЛЬНАЯ ПУСТОШЬ

стремительно перескакивал с ветки на ветку все выше и выше. Кровь Плути прилила к голове. Со времен полетов на «Буревестнике» он не чувствовал такого возбуждения.

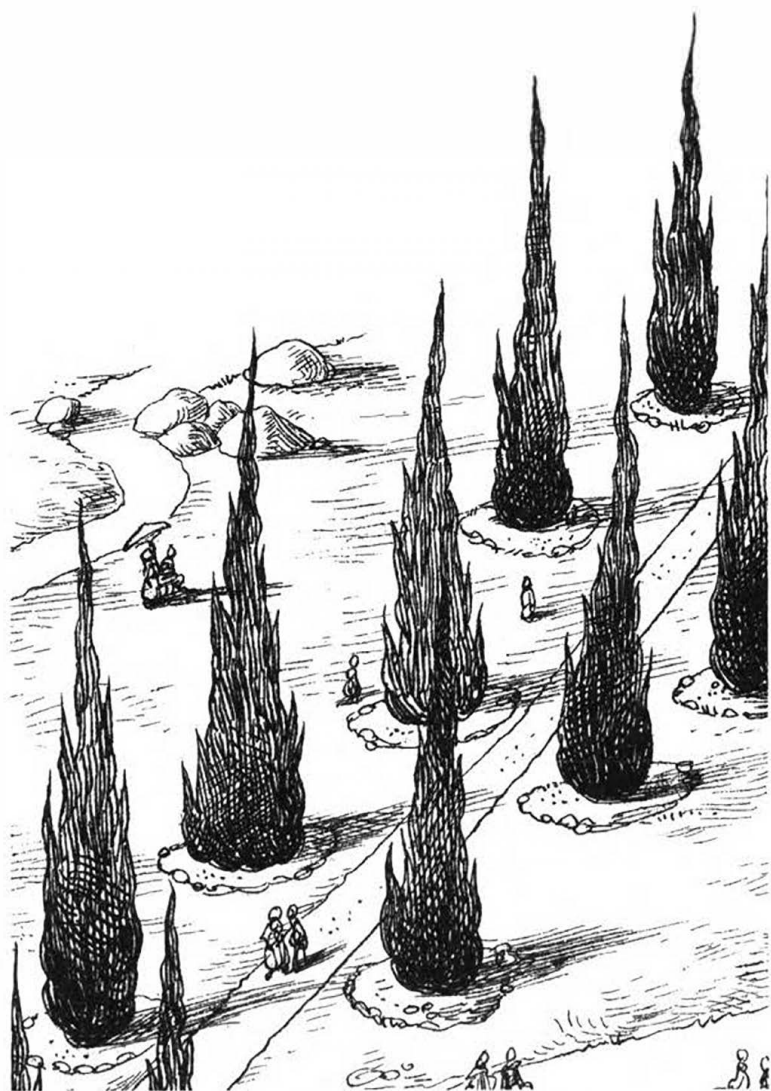
— Я жив, Чинквикс! — закричал он, и эхо разнесло его слова по Свинцовой Роце. — Я снова жив!

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

КАНКАРЕССЕ

а поляну, укрытую от посторонних глаз густыми зарослями шиповерека и сливочных колючек, упали первые солнечные лучи. Долина Вейфов медленно пробуждалась ото сна. Уже все было готово к действию.

Извилистые дорожки с вечера были посыпаны гра-
вием, водопады и пруды поражали своей чистотой, за
ночь появились новые декоративные каменные горки,
и чьи-то бережные руки аккуратно постригли вечно-
зеленые деревья. В центре живописного сада располо-
жилась круглая свежескошенная лужайка, посреди
нее стояла древняя полянная ива, ее длинные ветви
напоминали серебристый занавес.

Хранительница Задумчивого Сада Канкарессе Мол-
чаливая стояла под ивой, сплетя в замок свои пауко-
образные пальцы. Мерцающая одежда свободно ниспа-
дала с ее хрупких плеч...

Они уже близко, это она могла сказать наверняка.
Ее тонкие длинные уши затрепетали. Она слышала
их — всех тех, кого вызвали на церемонию Расплаты,
и других, которые сами изъявили желание прийти.

Вейфы, помощники Канкарессе, уже сейчас помо-
гали всем жаждущим пройти через колючий лаби-

ринт, защищавший долину от звуков внешнего мира. Хранительница ощутила благоговейный страх своих гостей, когда деревья расступились и пропустили их в Задумчивый Сад, где уже ждали самые различные вейфы — призрачные и сумеречные, крылатые и ночные. Один за другим стали они выходить на свет из тернистой тени.

— Добро пожаловать, — прозвучал умиротворяющий голос Канкарессе, обращавшейся к приглашенным свидетелям:

Они разошлись по саду, выбрав местечко по вкусу. Кто-то остановился у прозрачного пруда, кто-то присел под раскидистые ветви серебристой ивы, кто-то задумчиво расхаживал по хрустящему гравию. Хор беспорядочных мыслей прибывших звучал в голове у Канкарессе.

Загадочно улыбнувшись одними уголками рта, Хра-

нительница вышла из тени полянной ивы и обвела взглядом переполненный сад. Обычно здесь бывали один-два глыботрога, изливавших гнев в чистую воду, либо грустный гоблин-сиропщик, доверявший свою печаль тропинке. Но в такие дни, как сегодня, в Долину Вейфов стекалась чуть ли не вся Вольная Пустошь.

Канкаresse вслушалась в мысли явившихся на суд граждан. У одних это были тяжелые думы, полные ярости и упреков, у других — думы печальные, полные тепла и сострадания, но большинство стекло сюда из праздного любопытства. Канкаresse, как всегда, доверилась своему дару и сконцентрировала внимание на самых сильных, самых ярких эмоциях.

Вон у Лекарских Прудов бродит молодой Библиотечный Рыцарь с глубоко посаженными глазами. А вон вдыхает аромат цветов помощник библиотекаря, и тупая боль уходит из его сердца. А по усыпанной гравием дорожке расхаживает взад-вперед сам Высочайший Академик. В зеленой беседке устроился светловолосый Дух Тайнограда, его белый кожаный плащ четко выделяется на фоне изумрудной листвы. Возле Водопадов Памяти гуляют двое Вольных Уланов. Позже Канкаresse побывает и в их воспоминаниях.

Ветерок принес невесть откуда запах ладана. Канкаresse скользнула взглядом по стриженной лужайке и аккуратным кустам. Ее уши снова часто задрожали.

«Ага», — вздохнула она.

Позади нее прятался в тени узловой полянной ивы виновник дня — бледный юноша с пучком во-

лос на голове. Он напомнил Канкаresse испуганного лемкина. Впрочем, на кого еще можно быть похожим на собственной церемонии Расплаты?

Хранительница сделала глубокий вдох и затрепетала. Время пришло.

Она выступила вперед и медленно поплыла по саду; поступь Канкаresse была такой легкой, что шагов вообще не было слышно.

Вейф смешалась с толпой и пошла с ней, никем не замеченная, в поисках самых пылких, самых горячих чувств.

У одетого в мрамор пруда Канкаresse заметила молодого Библиотечного Рыцаря с глубоко посаженными глазами. Преклонив колени, он глядел на глубокую воду, такую же темную, как его тяжелые думы. В сердце юноши теснились боль, горе и такая ярость, что тоненькие уши Хранительницы задрожали. Она подошла поближе и прижала длинные пальцы к груди молодого человека.

«Покажи мне свою утрату», — зазвенел у него в голове мелодичный голос.

Юноша расстегнул летный костюм и задрал рубаху, обнажив глубокий, страшный шрам. Канкаresse легонько провела пальцем по рубцу и заглянула свидетелю в глаза.

«Да, — грустно прошептала она. — Да, я вижу. Засада, ловушка в грязном птичьем граде. Твои друзья,

такие молодые, такие отважные, гибнут в когтях бешеных шраек. Кровь, крики. Один товарищ упал, за ним второй, третий, четвертый. Настал твой черед...»

Хранительница содрогнулась, ее хрупкое тело чувствовало боль Библиотечного Рыцаря.

«Мощный удар... И ты бежишь, бежишь! Бежишь!»

Канкарессе зажмурилась и копнула воспоминания поглубже.

«Ты укрылся в тени аллеи и почти не дышишь. Шрайки могут обнаружить тебя в любой момент. Ужас. Мука. Совсем близко раздаются победоносные крики врагов... Предатель сдержал слово! Предатель поработал на славу!»

Она открыла глаза и поглядела на бледного юношу. Вопли птиц еще звучали у него в голове.

«Спасибо тебе, Ксант! — гоготала довольная шрайка. — Ксант Филатайн!»

Канкарессе оставила Библиотечного Рыцаря и зашагала по усыпанной гравием дорожке прочь от темного пруда. Многих ей еще предстоит сегодня выслушать. Она пересекла душистую лужайку и направилась напрямик к помощнику библиотекаря, грустившему под сенью цветущей ивы.

Это был хрупкий, рассеянный мечтатель в маленьких очках-половинках, то и дело сваливавшихся с длинного тонкого носа. Его некогда огненно-рыжие

волосы рано поседели, а в душе зияла рана, которую уже никогда и никому не залечить.

«Откройся, — прошептала Хранительница. — Доверь мне свои мысли».

Канкарессе встала на цыпочки и положила ладони на голову библиотекаря. В следующий миг на нее накатила волна беспросветного горя.

«Твой сын, — у Канкарессе екнуло сердце. — Твой любимый, несчастный ребенок... Рыжеволосый розовощекий Артиллус. Твоя гордость и радость. Ты просил его не гулять по коллектору, говорил, как там опасно, но он не послушался... Молодые всегда так упрямы...»

Вейф задрожала.

«Ты узнал обо всем слишком поздно. Библиотечный патруль рассказал, что Артиллуса взяли в плен Стражи... Они уволокли его в Башню Ночи... и...»

Боль стала такой невыносимой, что Канкарессе застонала.

«Твоего сына и еще одного пленника посадили в железную клетку и спустили в ущелье, полное страшных тварей — скалистых демонов... Они были обречены. Принесены в жертву по воле Верховного Стража Ночи и его юного приспешника — грозы всех пленников Башни Ночи... Ксанта. Ксанта Филатайна...»

Канкарессе отступила назад. Теперь душевные раны бедного библиотекаря затянутся, но он никогда полностью не исцелится.

По усыпанной гравием дорожке прогуливался пожилой академик в простых домотканых одеждах. Зеленые глаза ученого лучились добротой, но Вейф сумела разглядеть в них годы лишений и страданий. По глубоким морщинам, покрывавшим мудрое лицо старца, можно было прочесть его грустную историю. Канкаresse знала, что Высочайший Академик Каулквейп Пентефраксис пришел в Задумчивый Сад не из жажды мщения, его привели добрые и теплые чувства к обвиняемому в тяжких грехах. Но в глубине души...

Хранительница бережно взяла академика за руки, и его мысли стали ее собственными.

«Значит, ты считаешь его другом?» — спросила она.

Высочайший Академик светло улыбнулся, Канкаresse улыбнулась в ответ.

*«Да, другом. Он часами слушал твои рассказы о Дремучих Лесах... Их тайнах и чудесах... Об удивительных приключениях капитана Прутика... Ксант обо-
жал твои дивные истории!»*

Вейф нахмурилась.

«Но что это за отвратительное место? Что за мрачные стены вас окружают!»

Она невольно поежилась.

*«Тюрьма! Ужасная темница в самых недрах Башни Ночи... Как ты страдал... Вся эта вонь, объедки, блохи, грязь... Столько лет без солнечного света... И вот... В замке поворачивается ключ... Тяжелая дверь распа-
хивается... Входит твой тюремщик...*

Ксант. Ксант Филатайн!»

Вейф отстранилась от ученого, и он снова погрузился в думы о Дремучих Лесах, землях, куда он сотни раз мысленно возвращался в годы своего заточения. На губах Каулквейпа заиграла мечтательная улыбка. Высочайший Академик был счастлив.

«Но что же делать с юношей?» — Канкарессе вздохнула.

Ксант Филатайн совершил множество недостойных поступков. Он был шпионом, предателем, мучителем и тюремщиком... Он принес в этот мир столько боли, столько гнева и горя. Эти мрачные мысли сейчас витали в Задумчивом Саду.

Хранительница огляделась по сторонам. Так и есть, юноша в белом кожаном плаще, которого она заметила раньше, все еще мерит шагами беседку.

«Ну конечно, отважный Дух Тайнограда, — прошептала Канкарессе. — Что же он мне поведает?»

Она медленно приблизилась к Феликсу Лодду и взяла его за руку. Юноша остановился и заглянул ей в глаза. Хранительница прочитала в его сердце справедливый гнев.

«Ксант — это гнусное чудовище, он предал твоего лучшего друга Плута... Страж Ночи — это призвание...»

В голове Феликса бушевал такой огонь, что Канкарессе почудилось, будто она держит руку над пламенем.

«Филатайн обманом заманил его в Краевые Пустоши и чуть не убил. А еще он украл меч... Твой про-

щальный подарок! Чего еще ждать от Стража Ночи, тем более от Ксанта Филатайна!»

Канкарессе выпустила обжигающую руку Феликса и сокрушенно покачала головой. Похоже, Ксант Филатайн само воплощение зла. Все граждане Вольной Пустоши в этом сходились.

Жалкий изменник!

Сколько злобы в его глазах!

Вольной Пустоши ни к чему такое отродье!

Хранительница отогнала от себя эти мысли, как надоедливую мошкарку, и двинулась к Водопадам Памяти. Почему-то ей на ум пришли мысли Твизла, с которым она накануне пила чай. Канкарессе взяла в привычку встречаться с пауком перед церемонией Расплаты, он всегда говорил ей нечто дельное.

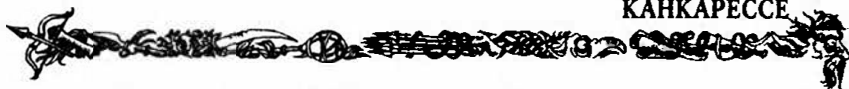
— Я заглянул в сердце Ксанта, — сообщил старик. — Груз вины разросся там, как грибы после дождя, оттого что добро плодородно. Я уверен, у Ксанта Филатайна чистое сердце.

Радостный вопль вырвал Канкарессе из задумчивости, она оглянулась и увидела молодую сияющую крох-гоблиншу. Она вихрем пронеслась мимо Хранительницы и кинулась в объятия молодого Вольного Улана, одного из двух воинов, стоявших у водопадов.

— Плут! Плут! — кричала малютка. — Это ты!

— Гильда! — ахнул Вольный Улан. — Гильда из Нижнего Города! Не могу поверить! Значит, ты тоже добралась до Вольной Пустоши!

Друзья весело засмеялись. Канкарессе подошла поближе и вытянула вперед трепещущие ладони.

«Какая радость! Какая удача!» — раздался у них в головах голос Хранительницы. — Поделитесь со мной своим счастьем».

Канкарессе взяла Гильду и Плута за руки, и уже втроем они побрели вокруг бурлящего водопада.

«Встреча друзей! Воссоединение товарищей...»

Канкарессе улыбнулась крох-гоблинше.

«Ты так страдала, бедняжка... Сначала тяжелое бремя рабства... Затем долгий поход в Вольную Пустошь... Но ты берегла что-то ценное... Меч... Меч Плута, молодого Библиотечного Рыцаря, который рисковал жизнью ради твоего спасения... О милая, я все вижу... Ты не хотела его беспокоить! Ты оставила меч возле берлоги толстолапов в Дремучих Лесах...»

Канкарессе почувствовала, как крепко Плут сжал ее руку, и заглянула ему в глаза.

«Да, Плут, — ее голос радостно зазвенел в голове у юноши, — Ксанта не крал твой меч. Он нашел его! И это еще не все... — Она прищурилась. — Твои воспоминания спрятаны глубоко... Губительный Вихрь смешал все мысли... Но я соберу их, как головоломку... Да... Я вижу Краевые Пустоши... Буря отнесла тебя к черной бездне... Туда, где проходит конец Края... Но чья-то рука в последний миг хватает тебя, вытаскивает на свет...»

Рука Ксанта... Ксанта Филатайна!»

Плут нахмурился.

— Да, — прошептал он. — Теперь я вспомнил.

«Погоди, я вижу еще кое-что, — продолжала Канкарессе. — Рискую собой, он взял тебя на руки и шел так много часов, пока не достиг Дремучих Лесов. Он брел из последних сил, не зная отдыха, пока не отдал тебя верным толстолапам».

— Да, да, — выдохнул Плут. Теперь он помнил все до мельчайших подробностей. — Он спас меня. Ксант Филатайн спас мне жизнь.

Канкарессе тепло улыбнулась и выпустила руку юноши.

«Он был до конца тебе предан. А теперь отдохни и насладись радостью встречи».

Она соединила руки Плути и Гильды и проводила их долгим взглядом. Но вот уже другой голос, серьезный и черствый, зазвучал у нее в ушах. Она обернулась и увидела второго Вольного Улана, коренастого душегубца с ярко-рыжей копной волос.

«Ты был на Лафовой Горе?» — спросила она.

Душегубец кивнул, и Канкарессе ощутила тупую боль от потери боевых товарищей.

«Ты видел гибель предводительницы шраек... Ей отсек голову коротко стриженный паренек... Ты никогда не видал такой отваги... Это полностью изменило ход битвы... Но кто герой?.. Ксант Филатайн!»

Канкарессе оставила Лагу возле шумного водопада и вновь побрела по саду. Солнце стояло в зените, его золотые лучи заглядывали в каждый уголок Долины Вейфов. Канкарессе знала, что пришло время послушать самого подсудимого. Она вернулась к полянной иве и подала юноше знак.

Ссутулившись и опутив глаза, Ксант вышел на свет. Канкарессе ясно ощущала его печаль и неуверенность, а также едкую смесь самых мрачных чувств — стыда, угрызений совести, боли и горя. Он был совсем один, всеми ненавидимый, всеми презираемый.

Хранительница опустила руку ему на плечо. Он обернулся и поглядел в ее темные, колдовские глаза. И Канкарессе почудилось, что в этот момент словно прорвало плотину неизвестности и мощный поток чувств, мыслей и дум обрушился прямо на нее.

«Я служил своему ужасному господину много лет, преданно исполняя его злую волю. Это было ошибкой. Это было ошибкой, но я был молод...»

Нет! Это не оправдание. Ничто не в состоянии оправдать мои тяжкие грехи...»

Канкарессе кивнула.

«Я предавал. Я предавал невинных. Мои руки по локоть в крови, и мне никогда не отмыться.»

Каулквейп подарил мне надежду увидеть Дремучие Леса. Ради этого я был готов на все, даже на шпионаж! Сколько доблестных Библиотечных Рыцарей погибло по моей вине! Позже я был раскрыт и трусливо бежал обратно в Башню Ночи!

О, если бы я только мог остаться тогда в Вольной Пустоши! Там я впервые обрел друзей — Плута, Магду, Твизла... Но это было невозможно... Я подвел их. Всех и каждого. Разве такое можно искупить?»

Он умолк и стал смотреть вдаль, и тут его снова словно прорвало.

«Я пытался. Земля и Небо видят, я пытался, но тщетно. Я стал проклятием для всех, кто доверял мне и любил меня. Но я всем сердцем желал искупить свою вину, клянусь...»

Канкарессе снова молча кивнула.

«Вернувшись к своему господину, я как никогда стал понимать, какие ужасные вещи творятся в Башне Ночи. Больше всего на свете я теперь хотел положить конец этому безумию.

Мое сердце пело от счастья, когда Каулквейн бежал из темницы, я бы отдал все, чтобы последовать за ним... Но не мог. Я остался в Башне Ночи и всеми силами пытался помешать планам моего господина.

Это стало моим наказанием.

Я делал все, чтобы облегчить страдания тех, кто попал в плен к Стражам Ночи. Моей целью стало спасение несчастных. Подлец Леддикс догадывался о моих делах, и это усложняло работу.

Я до сих пор не могу простить себе, что многих так и не спас...»

Канкарессе кивнула в третий раз. Она чувствовала боль, звучащую в словах юноши. А тот повалился на колени посреди солнечной лужайки и спрятал лицо в ладонях. Тело Ксанта сотрясали рыдания, и из всех концов Задумчивого Сада потянулись к месту суда жители Вольной Пустоши. Затаив дыхание, все глядели на Канкарессе Молчаливую.

«Друзья, — зазвучал в их умах нежный голос Хранительницы. — Я заглянула в ваши души и ваши

сердца, разделила ваши горести, прочувствовала вашу боль...»

Она окинула взглядом раненого Библиотечного Рыцаря, грустного помощника библиотекаря и измученного заботами Высочайшего Академика.

«Но я также видела верность, мужество, дружбу и любовь».

Она улыбнулась взволнованным Плуту и Гильде, заметив краем глаза покрасневшего от смущения Феликса.

«Я взвесила все добро и зло, совершенное Ксантом Филатайном, и хотя все вышло иначе, чем казалось на первый взгляд... — она печально посмотрела на Ксанта, — я боюсь, что...»

Юноша побледнел еще сильнее, но не отвел взгляда.
— Стойте! Погодите! — закричал кто-то.

По Задумчивому Саду пробежали удивленные возгласы, и сквозь плотное кольцо толпы протиснулась молодая девушка.

— Но тебя же подбили!

— Мы думали, ты погибла!

А Магда Берликс в изодранном, грязном летном костюме уже стояла перед Канкарессе.

— Простите, — обратилась к ней девушка, — но мне нужно сказать свое слово.

Хранительница внимательно посмотрела на Магду.
«Я слушаю».

Магда почтительно опустилась перед Канкарессе на колени, и та положила ей на лоб хрупкие руки.

«Ксанти спас тебя из Башни Ночи, — проговорила Хранительница, и голос ее зазвучал в ушах всех со-

бравшихся в долине. — *Несмотря на угрозу расправы, он проводил тебя в библиотечный стан, хотя знал, как его там ненавидят... Он сделал это не ради награды, он просто хотел выручить тебя из беды...*

Канкарессе оторвала от Магды просветлевшие глаза.

«*Пришло время огласить приговор*», — молвила она, и сад погрузился в тишину.

Хранительница повернулась к подсудимому и широко раскинула руки. Ее длинные одежды засияли в солнечном свете.

— Добро пожаловать в Вольную Пустошь, Ксант Филатайн, — провозгласила она. — Добро пожаловать домой!

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ВОЙНА

НОВЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ

ЗАПАДНЫЕ
ПАШНИ

ДЕРЕВНИ
ДЛИННОУХИХ
ГОБЛИНОВ

ДЕРЕВНИ
КЛЫКАСТЫХ
ГОБЛИНОВ

КОЛОНИИ
ДРЕВЕСНЫХ
ГОБЛИНОВ

ВЕЛИКАЯ
ДОРОГА
НА ОПУШКУ
ЛИТЕЙЩИКОВ

КОЛОНИИ
ГОБЛИНОВ-ПАУКОНОСОВ

ВЕЛИКАЯ ДЕРЕВНЯ
ДЛИННОВОЛОСЫХ
ГОБЛИНОВ

ДЕРЕВНИ
ПЛОСКОГОЛОВЫХ
ГОБЛИНОВ

ВОСТОЧНЫЕ
ПАСТБИЩА

ДЕРЕВНИ
ДЛИННОВОЛОСЫХ
ГОБЛИНОВ

ХИЖИНЫ
МОЛОТОГОЛОВЫХ
ГОБЛИНОВ

ГОБЛИНОВО
ГНЕЗДО

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

ПОЖИРАТЕЛИ ПУСТОШИ

х, — выдохнул низкопузый гоблин, повалившись на грязный каменный пол литейного цеха. Он скорчился от боли, а удары хлыста все обрушивались на него с неослабевающей силой.

— Неотесанный, неуклюжий, полоумный урод! — орал плоскоголовый охранник, сопровождая каждое определение новым ударом.

— Простите! Простите! — выл несчастный, но хлыст взрезал кожу, оставляя после себя кровавые следы. — Ой! Имейте великодушие! Пожалейте несчастного...

Испещренный татуировками охранник гадко усмехнулся, но наконец-то перестал размахивать хлыстом.

— О каком великодушии ты говоришь? — проревел он. — Имей в виду, еще один такой проступок, и тебе конец. Из-за таких лентяев, как ты, мы не укладываемся в сроки. Тебе понятно?

Низкопузый гоблин вжался в пол и не проронил ни звука — так сильно он был испуган. Он же не виноват, что оступился. В цехе было жарко, а бедняга так устал и ослабел от голода и тяжелого труда,

что почти ничего не видел. Голова шла кругом, ноги сделались резиновыми, а мульды с жидким металлом такими тяжелыми...

— Тебе понятно? — снова рывкнул плоскоголовый гоблин.

— Да, да, господин, он все понял, — заверещал второй низкопузый гоблин, бросаясь на помощь брату. Схватив беднягу под руки, он помог ему подняться, стараясь при этом не касаться кровоточащих свежих ран. — Этого больше не повторится, господин. Даю слово.

Плоскоголовый гоблин презрительно сплюнул.

— День, когда я поверю вашему сброду на слово, будет последним в моей карьере, — бросил он. — Приберитесь здесь! — рывкнул изверг, указав на пол. Жидкий металл уже успел застыть, превратившись в фигуру неправильной формы. — Эй, вы! — добавил он, пригрозив хлыстом притихшим крох-гоблинам. — Помогите им.

Трусливо поглядывая на верткий хлыст охранника, крох-гоблины подбежали к братьям, поднатужившись, подняли тяжелую глыбу и потащили ее к плавильной печи.

В цехе стоял нескончаемый шум, раздетые до пояса рабочие-невольники трудились не покладая рук. Кочегары и грузчики, плавильщики и чернорабочие вкалывали из последних сил, пытаясь выполнить установленную норму.

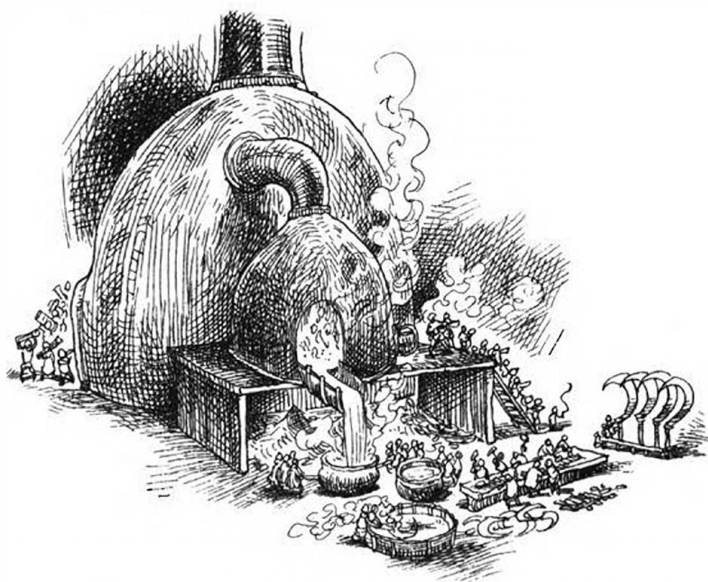
Бревна и поленья летели в огонь, в плавильной печи руда превращалась в железо, свисающие с потолка тяжелые мульды заполнялись жидким метал-

лом и быстро охлаждались. Вся процедура занимала не больше часа.

И каков результат! Огромные кривые наточенные косы только и ждали, когда их вынесут из литейных цехов.

Бригада несчастных гоблинов с трудом дотащила свою ношу до плавильной печи.

— Раз, два, три... Бросай! — закричал один из крох-гоблинов.

Поднатужившись, бедолаги запихнули неподатливую глыбу в жерло печи. Раздался всплеск, шипение, повалил едкий дым, и негодный слиток растаял, как масло на сковороде. В тот же миг высоченный низкопузый гоблин повалился на пол.

— Вставай, — взмолился его брат, затравленно озираясь по сторонам.

— Не могу, Хиб! — последовал тихий ответ.

— Но ты должен, — не унимался Хиб. — Иначе они снова тебя избыкут. — Он покачал головой. — Я не могу потерять еще и тебя, Румпель. Я устал от потерь... Раддера и Рила больше нет. Но ты должен жить.

Ууууу!

Пронзительный гудок оповестил об окончании смены. Стук молотков и визг рашпилей стих, гоблины с облегчением побросали рабочие инструменты, уступая место следующей смене.

— Благодарение Земле и Небесам, — пробормотал Хиб. — Пойдем, Румпель. — Он потянул раненого за руку. — Пора отдохнуть.

Румпель с трудом поднялся на ноги и позволил вывести себя на улицу. Все его тело было словно охвачено огнем, уши безвольно повисли, голова шла кругом.

Длинной вереницей утомленные гоблины вытекали из дверей цехов, а мимо в противоположном направлении брели их несчастные сменщики. Пошел дождь. Капли только бередили раны на теле низкопузого. После жаркой кузницы промозглый вечер обжигал Румпеля холодом.

— Я... б...б...больше не м...м...могу... — запинаясь, пробормотал он. Его истощенное тельце сотрясилось от кашля, с которым на Опушке Литейщиков все рабочие были знакомы не понаслышке.

Хиб искоса поглядел на брата. Он отметил неестественную бледность его кожи, темные круги под

глазами и слезящийся немигающий взгляд, свойственный тем, кто уже глядит в другой, более счастливый и безмятежный мир. Такой взгляд он уже видел у Рила и Раддера незадолго до их смерти.

— Потерпи, братишка, — попросил Хиб. — Я перевяжу твои раны и отыщу какую-нибудь снедь. — Он слабо улыбнулся. — Все будет хорошо, вот увидишь. — Больше всего на свете Хиб хотел бы сам верить в то, что говорит.

Дождь разошелся не на шутку, братья по колено увязли в грязи. Но вот показался сарай, который успел стать домом для них и еще семнадцати невезучих гоблинов. Хиб помог Румпелю подняться по трем шатким ступеням и толкнул дверь.

В лицо пахнуло затхлым запахом гниющей соломы, крови и пота. Гоблины ввалились внутрь.

— Закройте дверь! — буркнул кто-то и зашелся раскатистым кашлем, который тут же подхватили другие обитатели сарая.

— Тихо! Тихо! Да тихо же вы, проклятые! — закричали из дальнего угла.

Хиб дотащил Румпеля до соломенных тюфяков, заменявших им теплую постель. Позабыв на миг о кровоточащих ранах, Румпель рухнул на тюфяк и тут же взвыл от боли.

— Замолчите вы! — снова раздался чей-то раздосадованный крик. — Я пытаюсь уснуть!

— Сам умолкни, — последовал недовольный ответ, и в сторону ворчуна полетела увесистая горсть песка. — Если не можешь уснуть, значит, плохо работал!

Поскольку в сарае жили рабочие разных смен, всегда случались такие накладки. Пока одни пытались заснуть, другие только приходили с дежурства, пили, ели, шептались о чем-то, умирали...

Хиб опустился на колени рядом с братом, вытащил из кармана штанов маленькую баночку и открыл крышку. Несмотря на то что баночка была почти пуста, воздух тут же наполнился сладким ароматом живительного ягодного бальзама. Облизав грязный палец, Хиб поскреб по стенкам, дну и горлышку банки.

— Не дергайся, — попросил он Румпеля и нанес тонкий слой бледно-зеленой мази на самые серьезные раны. Румпель тихонечко застонал. — Ну потерпи

еще чуть-чуть. — Хиб аккуратно втирал чудодейственное средство в раны. — Еще чуть-чуть, и все закончится...

— В...все з...з...закончится, — с трудом повторил раненый.

— Точно, — подбодрил брата Хиб. — Метательные машины уже готовы, ступенчатые колеса и копьебросатели тоже. И кос мы сделали предостаточно. — Он пытался придать голосу веселый тон. — Говорю же, еще чуть-чуть, и все закончится.

— З...за...закончится, — прошептал Румпель.

— Пожиратели Пустоши! Ха! — бросил Хиб. — Лучше бы они назвали их Гоблиновой Мукой! — Он закрутил крышечку. — Оставайся здесь, братец, — велел он. — Я пошел на поиски съестного.

Хиб тяжело поднялся на ноги, сгреб тарелки и кружки и направился к общему котлу с жидкой овсянкой. В родной деревне его бы сейчас не узнали. Щеки у Хиба впали, глаза припухли, ребра выпирали из-под тонкой кожи. Он, как и другие несчастные рабы, еле волочил ноги от голода.

Каша оказалась серой, пресной и вонючей, но выбора не было. Хиб протянул стоящему на раздаче гоблину-пауконогу тарелки и плеснул в кружки грязную воду из старой бочки.

— Вот и я, — проговорил он, воротившись к соломенной постели, на которой лежал Румпель. — Давай-ка я тебя покормлю.

Брат ответил молчанием. Хиб даже не был уверен, что Румпель слышал его. Бедняга просто смотрел перед собой, судорожно глотая воздух.

Хиб почувствовал, как в горле встал комок.

— Пожалуйста, не умирай, — взмолился он. — Не сейчас. Я этого не вынесу. — Слезы брызнули из глаз добродушного низкопузого гоблина. — Прошу тебя, Румпель, потерпи еще чуть-чуть. Скоро все закончится. Поверь, осталось всего ничего...

Луммель Гроуп опустил косу и потянулся.

— Земля и Небо, но это же каторжный труд, Лоб, — выдохнул он, почесывая круглый волосатый живот.

— Твоя правда, — поддакнул Лоб, стягивая колпак и вытирая крупные капли пота. — Как же пить хочется.

Луммель снял с пояса полупустую флягу, вытащил зубами пробку и глотнул яблочного сидра.

— Держи. — Он протянул флягу брату.

Лоб вытер горлышко рукавом и жадно припал губами к холодной жести.

— Аххх! — протянул он. — Вот это совсем другое дело.

Братья стояли посреди синеечменного поля. Половина урожая уже была собрана, вторая терпеливо дожидалась своей очереди. К сожалению, многие колосья уже перезрели и шли на выброс. Группы работали не покладая рук, но понимали, что все равно не смогут спасти весь выстраданный урожай.

— Нам бы помощников, — проворчал Луммель.

— И не говори, — кивнул Лоб. — В прошлом году все еще было по-другому... Остается только надеяться, что они живы и здоровы...

Луммель взял у брата фляжку и влил себе в рот еще глоток сидра.

— Румпель, Раддер, Хиб, Рил... — Перечисляя ушедших братьев, Лоб прослезился. — Как они там, на треклятой Опушке Литейщиков?.. Что стало со всеми ними? — Гоблин оглядел соседние наделы, поросшие перезрелым синим ячменем. — Тоупы, Лоупы, Химпели... Половина уже гремит кандалами, половина прячется от мучителей...

— Нас ждет та же участь, помани мое слово, — заметил Луммель. — В любой момент могут нагрянуть плоскоголовые. На этот раз для того, чтобы забрать нас на войну.

— И они возьмут не только низкопузых, — продолжал Лоб. — Они пошлют в бой каждого мирянина. А что, скажи мне, будет тогда с урожаем? Нет, ты скажи!

Луммель согласно закивал, и братья принялись с жаром ругать вероломных предводителей племен.

Гоблиново Гнездо пережило долгий период становления и постепенно превратилось из небольшой колонии гоблинов-сиропщиков в целую общину. Первыми в лагерь пришли дружелюбные гоблины-всегрызы — это были древесные гоблины, гоблины-пауконоги и крох-гоблины, не знающие раздора и ведущие исключительно мирное существование. Позже к ним присоединились воинственные гоблиновы племени, оставившие привычный кочевой образ жизни.

Клыкастые и пучковолосые, черноухие и длинноволосые, красноглазые и серые гоблины поначалу строили примитивные хижины, зачастую обнесенные частоколом из последней уцелевшей сосны. Позже некоторые племена стали возводить башни и форты, круглой формы дома и вытянутые вигвамы. Вскоре даже плоскоголовые гоблины увидели очевидные преимущества оседлого образа жизни и присоединились к братству.

Братья Групп огляделись по сторонам. Прямо за полями высились исполинские свинцовые сосны, где обитали древесные и длинноволосые гоблины. На востоке и юге разбили лагерь плоскоголовые и молотоголовые воины. Сейчас над их поселением, как дурное предзнаменование, сгущались мрачные грозовые тучи. На севере у покрытых дымкой росистых озер обосновались гоблины-пауконоги, рядом с ними соседствовали гоблины-сиропщики. А чуть правее появились совсем новые поселения. Гоблины только недавно соорудили там хижины, кто-то уже успел обжиться на новом месте, кто-то еще даже не въехал в свежесрубленные дома.

Лоб посуровел.

— Почему предводители племен просто не могут оставить нас в покое? Почему мы должны идти на эту войну? Почему, Луммель, почему?

Луммель вздохнул.

— Потому что мы обыкновенные низкопузые гоблины, — ответил он. — И высокочтимых предводителей не волнует наша судьба.

— Но это нечестно, — горячо выпалил Лоб и указал рукой на синие поля. — Кто же станет собирать урожай? То-то! Злаки так и сгниют в земле.

— Они уже начинают гнить, — покачал головой Луммель.

— Именно. — Лоб был вне себя от гнева. — Кончится тем, что зимой наступит лютый голод. — Он выхватил у брата флягу и осушил ее до дна. — Предводители-то, конечно, не отощат!

— Ты прав, братец, — кивнул Луммель. — Пока такие, как мы, проливают кровь на войне, они преспокойненько набивают себе брюхо в тепле и уюте.

— Великие предводители племен! — Лоб презрительно сплюнул. — Без них было бы куда лучше. — Он взялся за косу и принялся работать с удвоенной силой. — Вот друзья урожая — это да...

— Лоб... — Луммель испуганно понизил голос.

— Помнишь, о чем мы говорили на Совете? — Лоб продолжал ожесточенно размахивать косой. — В каждом гоблиновом племени есть те, кто думает о том же, что и мы...

— *Лоб!*

Лоб умолк и поднял на брата удивленные глаза.

— Что не так? — спросил он. — Я ведь дело говорю!

Но уже в следующую секунду он понял, что взволновало брата. Прямо по полю в сопровождении вооруженной охраны шла им навстречу колонна пленных гоблинов-пауконогов. Очевидно, плоскоголовые головорезы застали их во время омовения и даже не позволили переодеться в сухое белье. Тощие, покрытые чешуей узники выглядели опустошенными и потерянными.

— Земля и Небо, — выдохнул Лоб. — Если они забирают даже безобидных всегрызов, никто в Гоблиновом Гнезде не может спокойно спать.

— Эй вы, двое! — рявкнул вдруг самый здоровый плоскоголовый гоблин. — Бросайте косы и становитесь в строй.

Лоб и Луммель испуганно переглянулись. День, которого они боялись, наступил, и гораздо раньше, чем им думалось.

— Выше нос! — приказал все тот же плоскоголовый гоблин. — Вы теперь ополченцы.

— Но как же... как же урожай? — с ужасом спросил Лоб. — Мы сняли только половину...

— Забудьте про него! — рыкнул верзила, перекосившись от ярости. — Пусть гниет! Настоящий урожай нас ждет в Вольной Пустоши.

Нянька Фламбузия ползала на коленях по грязному полу, собирая грязь мокрой вонючей щеткой. Никогда раньше ей не было так жалко себя. На воде и жидкой овсянке она стремительно потеряла вес, старые кости ныли от боли, руки от сырости покраснели, старые язвы открылись. Но главное, она уже много дней не видела Амберфуса.

Время от времени нянька плюхала щетку в ведро с холодной мыльной водой и снова принималась оттирать с белого мрамора черные пятна.

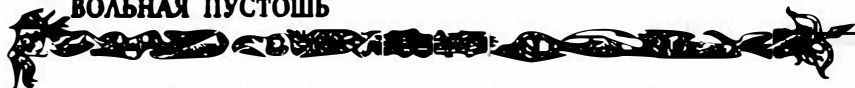
— О, если бы они только позволили мне его пови-
дать, — хныкала она, утирая слезы. — Амби пришел бы в бешенство, узнав, как они тут со мной обращаются...

В следующий миг она услышала какой-то шум и торопливо убрала со лба спутанные волосы. Шум приближался, и вскоре Фламбузия увидела две пары сапог.

Нянька горестно отметила про себя, что сапоги эти грязные, а значит, ей снова предстоит взяться за щетку.

Конечно, Фламбузия жаловаться не собиралась. Она попробовала один раз, но получила от Главного Литейщика такой нагоняй, что до сих пор по коже бегали мурашки. Сапоги тем временем прошагали мимо Фламбузии.

Нянька украдкой подняла глаза и узнала в одном из мужчин Хамодура Плюня. Плюнь не обратил на

няньку никакого внимания, гордо прошествовав мимо в своем длинном шелестящем плаще и треуголке, с ароматными трубками для устранения дыма. Рядом с ним шел почетный гость Опушки Литейщиков. Именно в честь его приезда Фламбузии было велено начистить пол до зеркального блеска. Гостя звали Хемтафт Топорбой. Этот дикий длинноволосый гоблин в украшенном перьями плаще взлетел вверх по лестнице вслед за Хамодуром, оставив за собой, как и опасалась нянька, вереницу грязных следов. Но вот шаги смолкли, дверь захлопнулась.

Фламбузия подняла к потолку заплаканные глаза.
— Ох, Амберфус, любовь моя, — простонала она. —
Что они там с тобой делают?

А наверху в потайной комнатке предавался утехам вейф Амберфус, правая рука бывшего Высочайшего Академика Старого Сантафракса. И, надо сказать, старой няньке в его мыслях отводилось последнее место. Даже когда в дверь постучали и на пороге появились Хамодур Плюнь с Хемтафтом Топорбоем, он соблаговолил лишь чуть-чуть приоткрыть глаза и вяло махнуть в знак приветствия тоненькой рукой.

Ароматная ванна, или, как ее за глаза называли лекари, «кастрюля», казалась Амберфусу величайшим изобретением всех времен. Эта широкая круглая посуда из блестящей меди была до краев наполнена благоухающей теплой жидкостью. Амберфус сидел в ванне на маленьком табурете, так что снаружи торчала лишь его ушастая голова.

К ванне было присоединено несколько труб, подающих горячую воду, увлажняющие бальзамы, гели и очищенный воздух, пузырящийся внутри ароматного маслянистого варева и поддерживающий оптимальную для купания температуру. А вокруг нее суетились балаболы, массирующие уши и виски Амберфуса и втирающие в кожу сладко пахнущие мази.

Хамодур приблизился к ванне, Хемтафт Топорбой растерянно мялся у него за спиной. Вейф, сделав некоторое усилие, попытался сконцентрировать внимание на своих посетителях.

«Оставьте нас ненадолго», — зазвучал в умах лекарей его вкрадчивый голос.

Балаболы послушно отложили мочалки и склянки и вышли из комнатки. Хамодур Плюнь широко улыбнулся.

— Ты прекрасно выглядишь, дорогой друг, — проговорил он, оглядывая заполненную паром комнату и вдыхая дым ароматных свечей, расставленных везде. Главный Литейщик снял очки и протер запотевшие стекла. — Надеюсь, лекари пришли к тебе по душе.

— Они восхитительны, восхитительны, — прошептал Амберфус. — Мне еще никогда не было так хорошо.

— Ты заслужил эту малость, — кивнул Хамодур. — Твои чертежи просто бесценны. — Он указал на своего спутника. — Я как раз показывал нашему гостю, как движется работа.

— Я и правда в восторге... — прогудел Хемтафт.

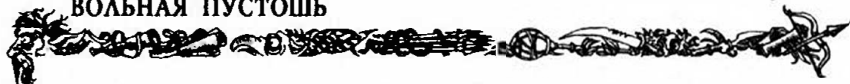
«*Вижу*», — просвистел у него в голове голос Амберфуса.

Длинноволосый гоблин вздрогнул. В былые времена он презирал вейфов за тщедушное тело и коварный ум. А этот изнеженный свистун был вообще пренеприятный экземпляр. Но именно он, по словам Хамодура, выкрал у Вокса Верликса бумаги, сделавшие возможным все предприятие. А потому Топорбою пришлось держать свои истинные чувства при себе.

— Я собрал армию, — доложил он союзникам. — Гоблиново Гнездо разнесет в пух и прах Вольную Пустошь!

«Гоблиново Гнездо? — В голосе вейфа послышалось пренебрежение. — *Вы, конечно, имеете в виду Опушку Литейщиков, генерал?*»

Хемтафт едва не задохнулся от негодования. Он никак не мог привыкнуть к бесцеремонности, с ко-

торой эти вейфы роются в чужих мыслях. Кроме того, его оскорбил дерзкий тон Амберфуса. Но пришлось собрать всю волю в кулак и пропустить едкое замечание мимо ушей.

— Длинноволосые гоблины наточили топоры, — обратился он к Хамодуру Плюню. — Молотоголовые и плоскоголовые воины отполировали мечи и косы. Длинноухие смазали маслом копыя, красноглазые набили колчаны стрелами, а клыкастые гоблины запаслись булавами. Мы готовы!

Хамодур благосклонно улыбнулся:

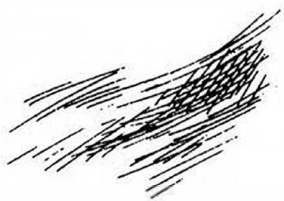
— Мои Пожиратели тоже готовы.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

**РАССВЕТ
В ВОЛЬНОЙ ПУСТОШИ**

дачи, Блэд, — провозгласил Феликс, поднимая тяжелую кружку в честь румяного душегубца. — За твою новую жизнь на Серебряных Пастбищах!

— За Серебряные Пастбища! — подхватили Духи Тайнограда, собравшиеся за широким круглым столом в таверне «Дуб-кровосос».

— Хотя я никак не возьму в толк, отчего ты так хочешь потратить жизнь на бестолковых ежеобразов... — Городской гном Скиллет толкнул локтем жилистого крох-гоблина. — Вот мы со Скотом отправляемся в южные земли на ловлю свиномордов.

— Смотрите не поймите чего похлеще, — мрачно процедил тролль-несун Броув. — Это территория молотоголовых гоблинов. Их там кишмя кишит. — Он ударил себя кулаком в грудь, кираса протяжно загудела. — Я вот остаюсь здесь. В северных утесах мне выделили уютную пещеру, небольшой огород и повозку с ежеобразом для поездок на базар...

— Ушам своим не верю! — воскликнул Феликс, хлопая товарища по плечу. — Броув Глоамчик, самый суровый тролль Тайнограда, гроза Стражей Ночи заделался садоводом!

Духи разразились раскатистым смехом, кружки снова взметнулись вверх.

— За ловлю свиномордов!

— За огороды!

— За садовода Броува!

Посетители таверны с любопытством поглядывали на шумную компанию. Меггат, Беггат и Дег с радостью отсалютовали Духам Тайнограда. Зет Черноглаз расплылся в улыбке, а глыботрог Гроум поднял за их здоровье бокал. Лишь Пират Топей не обращал на гуляк никакого внимания и так и остался сидеть за своим столиком в полном одиночестве.

Осушив кружку одним глотком, Броув повернулся к Феликсу.

— А что будешь делать ты? — спросил он. — Раз уж мы расформированы, никто больше не станет слушать твои байки про охоту на головоногов...

— И набегу на Башню Ночи... — вставил Блэд.

— И ночные переправы через Реку Края, — добавил Скиллет.

— В полной амунии! — напомнил Скат.

— Хорошие были дни, — причмокнул Броув, опуская кружку на стол.

Повисла тишина. Духи вспоминали славное прошлое в страшном Тайнограде, таком отличном от мирной Вольной Пустоши. В глубине души каждый знал, что будет скучать по тяжелым, лихим временам, проведенным под началом молодого Феликса Лодда.

Феликс задумчиво смотрел на кружку, а когда заговорил, голос его прозвучал как-то странно.

— Отец хочет, чтобы я вернулся в Большую Библиотеку. — Он поежился. — Говорит, это мой долг...

— Феликс Лодд — библиотекарь, — приснул Скиллет. — Кто бы мог подумать.

Все засмеялись, но на этот раз не так весело. Духи чувствовали, что в сердце их предводителя идет тяжелая внутренняя борьба.

Феликс понурил голову.

— И все же, если это делает старика счастливым...

Внезапно двери распахнулись от мощного удара, и на пороге возник капитан Гриф Мертвая Хватка. Он торопливо вошел в таверну в сопровождении своих подчиненных и остановился в центре зала.

— Смотрите-ка, кого старый воздушный пират обнаружил в окрестных лесах! — крикнул он.

По его команде два пирата вытолкнули вперед упирающегося пленника. В нос ударил запах гнилого мяса и мокрой травы. Пленник перестал

брыкаться и выпрямился во весь рост. В свете ламп блеснули золотые кольца, украшавшие его уши и подбородок. Два налитых кровью глаза мрачно глядели на Духов из-под густых бровей. Губы пленника презрительно скривились, обнажив острые, как частокол, зубы.

Феликс вышел из-за стола.

— Молотоголовый гоблин, — прошептал он.

Несмотря на то что воздушные пираты, державшие гоблина, были крепкого телосложения, рядом с пленником они казались недомерками. Если бы молотоголовый не был закован в цепи, его конвойным не поздоровилось бы.

— Боевой молотоголовый гоблин, — поправил капитан Гриф, игнорируя бешеные взгляды, которые бросал на него пленник. — Прямоком из Гоблинова Гнезда. Приятель вооружен до зубов и очень опасен. Мы как раз ловили свиномордов, когда наткнулись на его отряд.

— Что я тебе говорил? — назидательно сказал Бров Скиллету. — Ловля свиномордов — дело опасное.

Скиллет нервно сглотнул.

— Отряд? — переспросил капитана ошеломленный Феликс.

— Так по крайней мере мне показалось, — ответил Гриф Мертвая Хватка. — Оружия у них при себе было будь здоров. Явно не на посиделки собирались!

Гоблин зарычал и осел на пол, кидая на посетителей таверны ожесточенные взгляды.

— Его дружки, завидев нас, убежали в лес.

— Убежали? Молотоголовые гоблины? — не поверил Феликс.

Гоблин сплюнул и поднял на Феликса полные ненависти глаза.

— Сейчас убежали, потом нападут, — проревел он.

— Когда? — Феликс опустился на колени и заглянул пленнику в глаза. — *Когда* молотоголовые гоблины собираются напасть?

— Скоро, — неопределенно сообщил тот, прищелкнув зубами. — Молотоголовые гоблины *скоро* нападут.

— Это все, чего мы от него добились, — вздохнул капитан Гриф. — Он, наверное, нажрался лесного грога, потому что, когда его друзья побежали, просто рухнул под деревом и захрапел. — Кстати о гроге. Где Матушка Синешейка? Я изнываю от жажды!

— Лесной грог! — Молотоголовый гоблин облизнулся. — Тег-Тег хочет лесного грога!

— Мне кажется, с него достаточно! — категорично сказала Матушка Синешейка, подплывая к капитану с нагруженным подносом в руках. Перепуганный Биккли семенил сзади, прячась за юбку жены. — И пожалуйста, капитан Гриф, заберите вашего подопечного, он огорчает моих посетителей.

— Уведите Тег-Тега в пчелиные домики, — приказал капитан воздушным пиратам. — И умойте его как следует. А то он воняет пуще халитозной жабы!

Когда пираты и пленник вывалились за дверь, по таверне прокатился вздох облегчения. Меггат, Беггат и Дег вернулись к пенистому элю, Зет и Гроум о чем-то зашептались, и лишь Пират Топей продолжал сидеть, не меняя позы.

— Земля и Небо, не хотел бы я повстречать такого субъекта темной ночью, — пробормотал Скиллет, осушая кружку и рыская взглядом по таверне в поисках престарелой шрайки.

— Это точно, — поддержал его Блэд.

— Да, — задумчиво протянул капитан, подсаживаясь к Духам. — Но у меня странное предчувствие. Вы же слышали его слова «скоро нападут». Почему-то я верю шалопаю.

Феликс нахмурился.

— Ты все думаешь о сбежавших молотоголовых гоблинах? — спросил он.

— Именно, — мрачно кивнул капитан. — Очень уж они не хотели попасться нам на глаза. Думаю, это были разведчики.

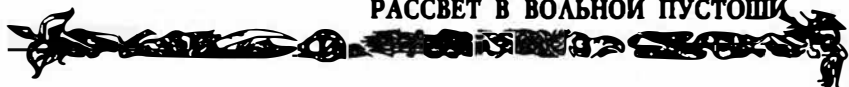
Феликс задумчиво кусал губы.

— Сколько их было?

— По меньшей мере две сотни, — ответил Гриф Мертвая Хватка. — Но, надо полагать, их гораздо больше. Мы видели потухшие костры, смятую траву, следы сапог. — Он поморщился. — А пахло так, словно половина Гоблинова Гнезда бродит вокруг, поджидая удобного момента для атаки.

— Так чего же мы ждем? — В глазах Феликса вспыхнул огонь. — Нужно предупредить Совет Восьми Старейшин и подготовиться к обороне!

— Удачи тебе в твоих начинаниях! — фыркнул капитан Гриф. — Ты что, не знаешь этих жителей Вольной Пустоши? Пока на полях зреет урожай, а в камине горит огонь, они чувствуют себя на вершине блаженства. А библиотекарей вообще волнуют одни фолианты.

— Значит, мы сами примемся за дело! — твердо сказал Феликс.

Он поглядел на притихших Духов.

— Придется пока отложить все дела, друзья, — проронил он. — Блэд, Серебряные Пастбища подождут. Скат, Скиллет, сейчас время ловить гоблинов, а не свиномордов. Броув, забудь про рассадку и отыщи лассо. Оно тебе понадобится в скором будущем.

— Есть! — дружно прогремели товарищи.

— Ну а библиотекари, — Феликс сверкнул глазами, — библиотекари обойдутся без меня. — Он поднял кружку, которую Матушка Синешейка только что наполнила до краев. — Забудьте Духов Тайнограда, друзья! Теперь мы Духи Нового Нижнего Города.

«На западе все чисто», — сообщил жестами пилот небесного кораблика, перед тем как спикировать вниз.

Легкое судно пронеслось в нескольких метрах от земли, задевая противовесами бледно-зеленую траву Серебряных Пастбищ, и снова взмыло вверх.

«Осторожно, Ксант!» — показала знаками его спутница и, выправив паруса, вмиг нагнала юркий небоход.

— Все выставляешься перед пастухами? — задорно крикнула Магда.

— Просто не могу накататься на «Птицекрысе»! — ответил Ксант, поглаживая резной корпус небохода. — Как же здорово снова парить над землей! — Он счастливо рассмеялся и, ловко поправив канаты, взмыл вверх и пролетел прямо над головой Магды.

— Мы здесь не катаемся! Мы патрулируем границу! — возразила девушка, проводя пальцами по лакированному носу «Мотылька».

Ксант прав, оседлав небоход после долгого перерыва, она испытала неподдельный восторг. После того как шрайки подбили ее над Восточным Посадом, «Мотылек» рухнул в Дремучие Леса. Тогда Магда думала, что больше никогда не сможет летать. Но она преодолела отчаяние и, собрав волю в кулак, побрела сквозь тернистые чащи, таща на привязи свой верный небоход. Путь занял не одну неделю, на починку небохода ушла тоже уйма времени, но теперь все позади, и она наконец легко парит над Вольной Пустошью.

Ксант потянул канат и устремился вниз, спугнув стадо мирно пасущихся тильдеров. Завидев Библиотечных Рыцарей, пастухи-душегубцы приветственно замахали руками. Столь искусный пилотаж мог вы-

звать только бурный восторг. Ксант помахал в ответ и, описав в воздухе дугу, вернулся к Магде.

«Не отставай», — показала ему знаками девушка, пытаясь спрятать улыбку. — Пора домой. Командиры ждут новостей».

Ксант кивнул и на всех парусах полетел вслед за Магдой в Вольную Пустошь. Внизу зеленели бескрайние просторы Серебряных Пастбищ, по которым неспешно бродили стада ревущих ежеобразов и весело прыгали беспокойные тильдеры.

За Серебряными Пастбищами начинались Дремучие Леса. Вдалеке виднелись поселения Гоблинова Гнезда, а за ними чернела ужасная, как кошмарный сон, Опушка Литейщиков. Но здесь, на подступах к Вольной Пустоши, царили мир и безмятежность. Ксант поймал взгляд Магды и махнул рукой.

«Давай наперегонки до Озерной Академии!»

Девушка не ответила, но «Мотылек» стремительно рванулся вперед. Магда приняла вызов Ксанта и теперь во что бы то ни стало хотела победить.словно парочка снежников, неразлучные небоходы разрезали небесную гладь.

Вот Серебряные Пастбища остались позади, мелькнули и скрылись из виду пещеры глыботрогов, всплыл в утреннем свете Новый Нижний Город. Сразу три озера, как идеальные зеркала, отразили проворные небесные кораблики, и вот уже Магда и Ксант влились в строй других небоходов, возвращавшихся с дозора в Озерную Академию.

Когда внизу показалось Центральное Озеро, Магда сбавила темп и лукаво поглядела на Ксанта.

«Ладно! — знаками показала она. — Ты выиграл! Если Варис увидит наши гонки, нам достанется по первое число!»

Ксант выписал в небе изящный круг и вернулся к Магде. Друзья плавно приземлились на бревенчатую пристань.

— Трусика лемкин, — шепнул Ксант девушке на ухо.

— Задавака! — Магда показала ему язык.

Кругом было полным-полно юрких небесных корабликов. Одни только что прилетели, другие собирались улетать. Магда и Ксант присоединились к шумной компании Библиотечных Рыцарей, горячо обсуждавших смену. Но вот из трапезной вышла Варис Лодд в неизменном летном костюме.

— Библиотечные Рыцари! — скомандовала она. — Хватит галдеть, как стая лесных гусей. Я жду ваших рапортов!

Пилоты торопливо выстроились попарно в шеренгу и в строгом порядке стали знаками сообщать разведданные.

«Волнения на юге. Замечен отряд плоскоголовых гоблинов».

Варис кивнула и слегка нахмурилась.

«Лесные пожары у Опушки Литейщиков».

Лицо Варис было непроницаемым.

«Горят леса на юге. Жертв среди населения пока нет».

Варис шла вдоль строя, коротко кивая после каждого тревожного рапорта. Складывалась картина, что по всему периметру Вольной Пустоши были разбиты лагеря гоблинов.

— А что у вас? — Варис хмуро поглядела на Ксанта и Магду.

Друзья, весело задиравшие друг друга все это время, притихли и виновато поглядели на своего командира. Магда описала левой рукой широкий круг, означавший Серебряные Пастбища, а Ксант соединил большой и указательный пальцы руки и склонил голову.

— Значит, все тихо? Да? — Варис хмыкнула. — Что же, хоть откуда-то утешительные новости. Впрочем, не стоит обольщаться. Я и не рассчитывала, что вы за своими играми приметите что-нибудь подозрительное. Спасибо пастухам. На их отчеты можно положиться.

Магда и Ксант густо покраснели и понурили головы.

— Строй, разойдись! — гаркнула Варис Лодд, и Библиотечные Рыцари, перешептываясь, направились в трапезную.

— Ксант, задержись! — Варис положила руку юноше на плечо. — Кстати, об отчетах пастухов. Один про-

веренный душегубец сообщил, что сегодня ты прекрасно летал.

Ксант снова покраснел, но на этот раз у него на губах играла улыбка.

— Если дела и впрямь так плохи, как я думаю, нам вскоре понадобится твоя служба.

— Правда? — спросил Ксант.

— Да. — Варис улыбнулась. — В чине моего маршала авиации.

*

— Спокойно, дружок, — шептал Плут, чувствуя, как дрожит под ним тело Чинквикса.

Ветка, на которую они опустились, была очень тонкой, но юноша целиком и полностью положился на своего зубоскала. Мощный Чинквикс еще никогда не подводил всадника. В отличие от своих бурых и рыжих собратьев он обладал природным умом и завидным проворством. Плуту оставалось лишь чуть-чуть натянуть узду или повести шпорой, казалось, зубоскал откликался даже на мысли хозяина.

Между ними возникла крепкая связь. Стоило Плуту приблизиться к загону, как синие глаза Чинквикса загорались огнем, а тонкий хвост начинал метаться из стороны в сторону. А когда Плут почесывал своему подопечному носу, тот жмурился и начинал тихонько урчать от удовольствия.

— Что такое, дружок? — прошептал Плут, выпрямляясь в седле. Розовые ноздри Чинквикса затрепетали. — Ты что-то почуял?

Плут прищурился. Справа колыхалось бесконечное море листвы, впереди возвышались свинцовые сосны, слева...

Юноша разинул рот. Едва дыша, он таращил глаза, не смея поверить в то, что увидел.

— Что это, о Небеса? — прошептал он.

Уже два дня Вольные Уланы патрулировали окрестности. Они начали свой обход с северо-запада и постепенно передвигались на восток. До сих пор им не встретилось ничего подозрительного. Более того, в лесах еще никогда не было такого затишья, и в первую ночь Плут спал сном младенца.

Утром отряд разбудили скорбные крики свиномордов, и всадники решили разузнать причину волнений. По дороге им то и дело попадались в панике бегущие звери. Обеспокоенные наездники поскакали еще быстрее, гадая, что могло так напугать лесных обитателей.

Вскоре Плут увидел, в чем дело. Чинквикс протяжно взвыл. Крох-гоблины Грист, Уорп и Треббис, душегубец Лага и сам капитан Рубь догнали Плута и теперь с удивлением наблюдали престранное зрелище.

— Земля и Небо! — выдохнул Капитан. — *Что* здесь приключилось?

Плут лишь покачал головой. Целые заросли деревьев были вырублены, нет, они просто были вырваны с корнем. А по взрыхленной земле тянулись широкие борозды, полные щепок и сучьев, — это все, что осталось от исполинских лафовых, железных и колыбельных деревьев.

— Их как будто скосили, — пробормотал Грист, натягивая вожжи, чтобы успокоить перепуганного зубоскала.

— Сровняли с землей, — прибавил Уорп.

— Только взгляните на эти сучья, какие аккуратные зарубины. — Лага нервно сглотнул.

Грист обернулся к капитану.

— Гоблины? — только и спросил он.

Капитан Рубь мрачно покачал головой:

— Даже армии гоблинов не под силу сотворить такое. Чтобы срубить одну свинцовую сосну, требуется целая неделя. А здесь...

Вольные Уланы озадаченно таращились на поваленные сосны. Темные прогалины, образовавшиеся на их месте, напоминали щербины. Рядом с соснами валялись мертвые свиноморды, все еще сжимавшие оцепеневшими лапами крепкие сучья.

— Мы слышали их предсмертные крики этим утром, — хмуро заметил капитан.

— Но кто мог такое сотворить? — побледнел Лага. — Или, вернее спросить, что?

— Даже не представляю, — вздохнул капитан.

— Что ж... — Плут указал на глубокие борозды. — Что бы это ни было, оно сейчас направляется в Вольную Пустошь!

В Новом Нижнем Городе наступил вечер, и небо приобрело золотой, местами медный оттенок. На лафовой башне стали загораться фонари, и вскоре вся она озарилась мерцающим светом. А в Палате Собраний и Заседаний вновь сошелся Совет Восьми Ста-

рейшин. Как и раньше, балюстрады и колонны были украшены живыми цветами, источавшими такой же сладкий аромат, как стоявшие на столе кубки с дубовином. Колокол пробил девять раз, и Каулквейп Пентефраксис поднялся со стула.

— Досточтимые Старейшины, — провозгласил он, высоко поднимая кубок. — Впрочем, нет, дорогие друзья! У меня созрел тост.

Парсиммон, Верховный Правитель Озерного Острова, и Верховный Библиотекарь Фенбрус Лодд переглянулись. Профессора Света и Тьмы с улыбкой подняли кубки, но Варис Лодд так и сидела с каменным выражением лица. Хеб Лаб-Драб, мэр Нового Нижнего Города, смущенно покосился на свой

пустой кубок, а Канкарессе Молчаливая поднесла к губам наперсток с вином.

— Любезный Хеб уведомил меня, что урожай был собран в срок, — продолжал Каулквейп. — Зернохранилища, овощные и фруктовые склады набиты под завязку...

Старейшины дружно салютовали польщенному мэру.

— Наш Парсиммон доложил о самом большом выпуске подмастерьев в истории Озерной Академии!

— Да, да! — подтвердил довольный крох-гоблин.

— А госпожа Канкарессе заверяет, что все беженцы из Старого Нижнего Города нашли в Вольной Пустоши приют и покой. — Каулквейп поклонился крошечной Старейшине, и та улыбнулась в ответ. — Но теперь о нашем самом главном достижении, — продолжил Высочайший Академик, так резко подняв кубок, что брызги вина полетели во все стороны. — Под чутким руководством Фенбруса Лодда завершилось сооружение великой Большой Библиотеки. Я предлагаю выпить за наше новое книгохранилище!

— За Большую Библиотеку! — прогремел Совет Восьми, осушая кубки.

«Но подождите...» — В головах Старейшин зазвучал ласковый голос Канкарессе. — *Один из нас не разделяет всеобщей радости...* — Вейф обернулась к Варис Лодд. — *Тебя что-то печалит?»* — спросила она.

Варис подавленно кивнула.

— У меня дурные вести. Вольной Пустоши угрожает опасность. — Она со стуком поставила кубок на стол.

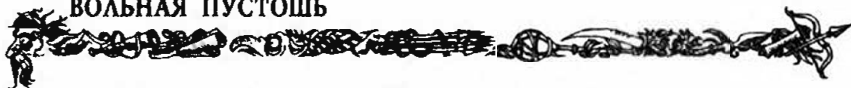
— Откуда такие сведения? — удивленно спросил Каулквейп.

— Об этом свидетельствуют Библиотечные Рыцари, воздушные пираты и Духи...

— Ха! — прервал ее Фенбрус Лодд. — Духи, значит! Мой сын постоянно выдумывает всякие небылицы...

— Нет, отец, — твердо сказала Варис Лодд. — Это не небылицы.

В этот самый момент раздался какой-то шум и прямо на балкон Палаты Собраний и Заседаний прыгнул белый зубоскал. Цветочные гирлянды посыпались на

пол. Молодой Вольный Улан выскочил из седла и преклонил колени перед Высочайшим Академиком.

— Плут! — воскликнул ошеломленный Каулквейп. — Плут Кородер, это ты?

— У меня срочные новости от капитана Рубь... — Плут с трудом перевел сбившееся дыхание. — Он выслал меня вперед... Потому что Чинквикс самый быстрый...

— Да, да, — поторопила его Варис. — Говори, Плут!

— Вольная Пустошь... в опасности... — выпалил юноша.

— Но что же нам угрожает? — спросил Каулквейп.

— А вот что! — Плут поднялся с колен и указал пальцем на пламенеющий горизонт.

Старейшины высыпали на балкон и стали пристально вглядываться в даль.

— Нам угрожает закат? — растерянно спросил Каулквейп. — Ничего не понимаю...

— Закат! — повторил Плут дрогнувшим голосом. — Поверьте мне на слово, Высочайший Академик, это не закат!

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

ЧИСТИЛИЩЕ

Плут Кородер в распоряжение войск прибыл! — отпартовал молодой Вольный Улан, осадив зубоскала.

Капитан Рубь приветствовал его чуть заметной улыбкой. А на южной границе Вольной Пустоши уже развернулась целая армия, насчитывающая более пяти тысяч ладных Вольных Уланов. Все они были в белых туниках с вышитыми на них алыми толстолапами и кокардах в бело-зеленую клетку. Длинные копы из свинцового дерева ярко блестели в лучах заходящего солнца.

— Капитан, — заговорил Плут, поглаживая запыхавшегося Чинквикса, — Совет Восьми Старейшин выражает свое восхищение Вольными Уланами и их доблестным командиром...

— Ладно, Плут, — перебил его капитан. — Вы с Чинквиксом вернулись из Нового Нижнего Города в рекордные сроки. Не трать же время на пустые любезности. Что дельного сказали Старейшины?

Плут перевел дыхание.

— Библиотечные Рыцари уже вылетели на подмогу, — доложил он. — А Духи и воздушные пираты готовят оборону города, но...

— Но? — переспросил капитан, хмуря брови.

— Но для эвакуации деревенских жителей требуется время...

— Что ж, это уже наша работа! — Капитан огляделся по сторонам. — Вольные Уланы заплатят кровью за каждую минуту!

Войско ответило одобрительными криками, копья взлетели в воздух. Плут улыбнулся.

— Ты хорошо поработал, Кородер, — похвалил его капитан, разворачивая рыжего зубоскала Орлинкса. — Теперь отыщи свой взвод и готовься к бою. Впереди длинная ночь!

Капитан пришпорил зубоскала и поскакал на передний фланг. Небо приобрело грозный пурпурный оттенок, из леса повалил густой дым.

Плут нашел Лагу, Уорпа, Гриста и Треббиса в центре строя. Времени на праздные беседы у них не осталось. Зловещий шум, напоминающий грозный рык невиданного чудовища, становился все более отчетливым.

— О Небеса, — пробормотал Лага, стискивая дрожащими пальцами копьё. — Что же *это* такое?

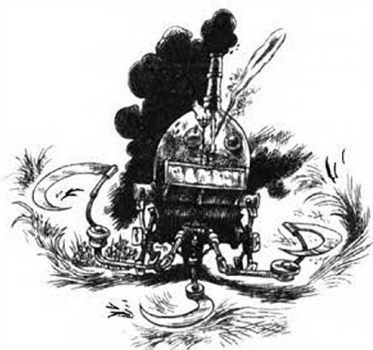
Грист лишь покачал головой. Уорп и Треббис обменялись испуганными взглядами. В следующее мгновение равнину огласил раскатистый грохот, десяток медных

вязов повалилось на траву, следом рухнуло еще несколько деревьев.

Шум стал оглушительным, а из поредевшего леса выползли сначала один, потом два, три металлических монстра.

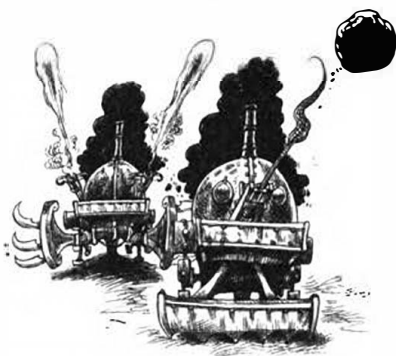
Первый представлял собой громадное стенобитное орудие с огромным изгибающимся лезвием посередине. У второго перед колесами были выдвинуты и болтались тяжелые цепи, беспощадно рыхлящие землю. Третий монстр был оборудован подвижными острыми косами, срезающими все на своем пути.

Каждая адская машина была снабжена топкой, в которой энергия лафового дерева преобразовывалась в движущую силу. Из высоких дымовых труб валил густой, едкий дым.

Плут не мог оторвать глаз от этих ужасных, неизвeimых противников. До него долетел жаркий шепот душегубца Лаги.

— Небеса, защитите нас.
Небеса, защитите нас...

Тем временем из леса показались еще два Пожирателя Пустоши, один угрожал трехплечной катапульти, второй метал пылающие бревна.

— Ни с места, Вольные Уланы! — скомандовал капитан Рубь.

Всадники послушно сомкнули ряды, пытаясь сдерживать ошалевших от ужаса зубоскалов и при этом не выронить из дрожащих рук копий. В воздухе мелькнули пылающие снаряды и угодили в самую гущу войска. Бронированные машины выехали из леса, взрывая под собой землю с той же легкостью, с какой некогда выкорчевывали лесные деревья. А за ними, фаланга за фалангой, показались вооруженные до зубов гоблины: молотоголовые и плоскоголовые, клыкастые и серые, длинноухие, длинноволосые и пучковолосые.

Плут натянул узду и крепче сжал копьё.

— Тише, дружок, — прошептал он на ухо Чинквису. — Надо дожидаться команды капитана.

И в тот же миг, рассекая воздух, прозвучало зычное:
— ВПЕРЕД!

Отражение полной луны в водах Центрального Озера едва качнулось, когда девять сотен небесных корабликов расправили шелковые паруса и оторвались от причала Озерной Академии. На какой-то миг они зависли над башней, а затем, разбившись на три эскадрильи, бесшумно заскользили в разные стороны: одни на восток, вторые на запад, третьи на юг.

Ксант Филатайн наклонил парус и, нырнув вниз, принялся кружить вокруг эскадрильи Варис Лодд.

«Держать строй, Серая Колонна. Взять правой, Зеленая Колонна... Отлично, Центральная Колонна. Не теряйте из виду своих командиров!»

Колонны эскадрильи, каждая из которых насчитывала сотню небоходов, сформировали в воздухе стрелоподобные фигуры и устремились к южной границе Вольной Пустоши. Ксант поправил балансир и подлетел к командиру Серой Колонны.

«Хорошо смотришься, маршал!» — знаками показала ему Магда.

«Ты тоже, командир Серой Колонны, — махнул ей в ответ Ксант. — Держись ближе ко мне».

Магда кивнула, и Ксант взмыл над стремительной эскадрилей. Из-за облаков выглянула луна, пролив серебристый свет на резные носы небоходов. Эскадрилья Профессора Света уже миновала Новый Нижний Город, и казалось, что это мелкие точки на фоне неба. Эскадрилья Профессора Тьмы растаяла в районе деревень лесных троллей.

Ксант в сотый раз проверил свое обмундирование. Смазанный арбалет был плотно привязан к лодыжке. Острые болты ждали своего часа в кожаных колчанах.

Ксант сунул руку за пазуху и нащупал кинжал. Он взял его с собой на всякий случай и решил ни за что не сдаваться врагу живым.

Поднебесную тишину нарушал только свист ветра, но вскоре и он утих.

На подлете к южной границе Варис Лодд подала сигнал и свернула на запад. Ксант поглядел вниз и понял, что дела плохи. Весь лес пересекали широкие ленты выкорчеванного леса, сверху напоминающие воспаленные шрамы, полные слизистой мути. Тут и там мелькали огни факелов. Гоблиновы войска штурмовали Вольную Пустошь.

Но не это самое страшное!

Варис взмахнула рукой, и эскадрилья стала снижаться. Только теперь Ксант увидел, что во главе каждой пылающей ленты — а их было по меньшей мере двадцать штук — двигалась гигантская металлическая машина, изрыгающая огонь, дым и тяжелые снаряды.

«Эскадрилья!» — показала жестами Варис. — *Готовься к бою...*»

Ксант нагнал Серую Колонну и перехватил встревоженный взгляд командира.

«Удачи, Магда», — прожестикуюлировал он.

«Удачи, Ксант», — махнула в ответ девушка.

Снизу донесся звук горна из рога тильдера, и кавалерия Вольных Уланов бросилась навстречу металлическим чудищам. Варис набрала максимальную скорость и выбросила вперед кулак. Это могло означать только одно:

— В АТАКУ!

Сквозь слезы Лоб видел громыхающую впереди адскую машину. Едкий дым не давал ему дышать, но сзади шагал надсмотрщик с хлыстом, и ему ничего не оставалось, как вместе с другими гоблинами подбрасывать в жаркую печь лафовые поленья. Луммель Гроуп, бредущий рядом с братом, оступился и чуть не выронил острую косу.

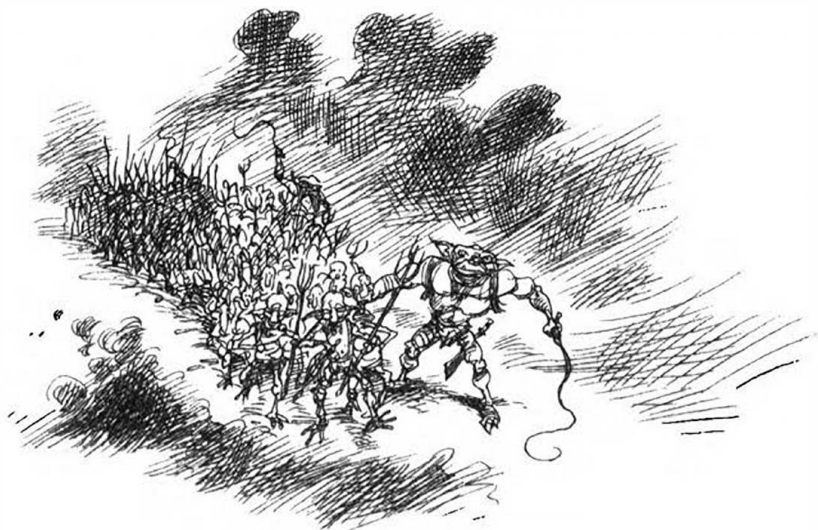
— Осторожно, брат! — Лоб поймал Луммеля за локоть. — Ты же не хочешь остаться с пустыми руками!

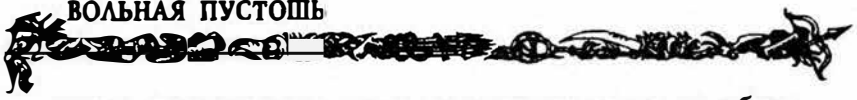
Грозный плоскоголовый гоблин повысил голос:

— Сомкнуть ряды, всегрызная дрянь!

В воздухе просвистел хлыст, и кто-то жалобно закричал.

Гоблинам-пауконогам тоже доставалось от своих плоскоголовых командиров. Их единственным оружием были обыкновенные гарпуны; кроме того, бед-

нягам приходилось то и дело уклоняться от обжигающих огненных искр, изрыгаемых Пожирателями Пустоши. Несчастные пытались отстать, но плоскоголовые командиры не спускали с них глаз.

— Держитесь ближе к машинам! — кричали они, размахивая хлыстами. — И уже на восходе искупаетесь в водоеме Нового Нижнего Города.

Лоб и Луммель шагали вперед, но вот ветер изменился, дым поплыл в другую сторону, и теперь братья смогли разглядеть, что же происходит вокруг. До Нового Нижнего Города было уже рукой подать. Залитые лунным светом высокие дома с хрустальными окнами, остроконечные башни, широкие аллеи, фонтаны, статуи, сады и парки поразили воображение низкопузых гоблинов и гоблинов-всегрызов.

— Гляди, пчелиные домики, — прошептал Лоб.

— И плетеные хижины пауконогов, — ахнул Луммель.

— А вот и башня. Какая она высокая, красивая...

— ...и покинутая, — вдруг проронил Луммель.

Лоб огляделся и нахмурился. В воздухе все еще витал запах лесного эля и душистых пряностей. Окна были распахнуты, разноцветные фонари освещали улицы, верещали домашние лемкины, где-то вдалеке ревели ежеобразы, но ни одного горожанина поблизости не было. Таверны опустели, улицы осиротели, в городе не осталось ни души.

— Куда все подевались? — тихо спросил Лоб.

Луммель пожал плечами.

— Ума не приложу, — ответил он. — Возможно, они провели о готовящемся нападении и сбежали?

Пожиратель Пустоши грозно взревел и на полном ходу въехал на булыжную мостовую Нового Нижнего Города.

— Лафовая башня! — орал за спиной у братьев плоскоголовый гоблин. — Мы захватили город!

Позабыв о гоблинах-пауконогах и гоблинах-всегрызах, плоскоголовые бойцы с ликующими криками ринулись следом за Пожирателем Пустоши. Но вдруг дорога прогнулась и на глазах у изумленных братьев Групп тяжелая машина с ужасным грохотом ушла под землю.

Повисла тишина. Армия гоблинов замерла, боясь тронуться с места. Даже плоскоголовые командиры опешили от неожиданности и застыли на месте, словно статуи. «Большие и уродливые статуи», — подумал Лоб.

И в следующий миг мимо его носа пролетело что-то стремительное и свистящее. Сначала низкопузый гоблин решил, что они растревожили пчелиный улей. Но почти сразу заметил, что плоскоголовые гоблины замертво повалились на землю с арбалетными болтами в рваных ранах.

Он поднял глаза и, к своему ужасу, увидел на крышах стрелков, одетых в белые кожаные плащи. Защитники Нового Нижнего Города перезаряжали арбалеты и посылали вниз новые и новые стрелы и болты.

— Лоб! Лоб! Приди в себя! Надо бежать! — прокричал ему в ухо Луммель.

Лоб не заставил брата повторять дважды, он бросил косу, повернулся на каблуках и бросился к де-

ревьям. Позади раздался страшный взрыв. Печка Пожирателя Пустоши разлетелась на кусочки, выплюнув из ямы горящие бревна.

Лоб и Луммель в страхе повалились на землю.

— Что теперь? — прошептал Лоб, затравленно озираясь по сторонам.

Брат робко вжал голову в плечи.

— Может быть, вернемся домой?

— Не так быстро, — раздался хриплый голос. Низкопузые гоблины испуганно оглянулись и увидели в тени деревьев отряд молотоголовых гоблинов. Рослый капитан выступил вперед и криво улыбнулся: — Битва только началась.

При первом звуке горна Чинквикс выскочил вперед и ринулся навстречу врагам. Краем глаза Плут увидел скачущие рядом рыжие и бурые пятна: Вольные Уланы приняли бой. Впереди их ждал могучий Пожиратель Пустоши.

В несколько прыжков Чинквикс достиг металлического монстра, перепрыгнул через него и бросился в гущу гоблиновых войск. Плут приподнялся в седле и стиснул копьё. Стальной наконечник обагрился кровью, а преданный зубоскал уже снова взмыл в воздух.

Плут посмотрел вниз. Тут и там валялись тела убитых гоблинов, но среди них были и туши зубоскалов. Юноша натянул узду и понесся навстречу второму монстру. Мощные ноги Чинквикса оттолкнулись от земли, это был опасный прыжок.

Пожиратель Пустоши взревел, выпустив из трубы черный дымовой столб. Плут с размаху вонзил копьё

в металлический корпус печи. Удар был такой силы, что юноша выпустил из рук вожжи. Копье надломилось, а зубоскал выскользнул из-под наездника. Плут ударился о раскаленный металл и повалился на зеленую траву.

С трудом поднявшись с колен, юноша схватился за меч. Плавающий монстр проскрежетал мимо, а вокруг уже собрались свирепые длинноволосые гоблины, вооруженные до зубов.

Один из них, черноволосый голубоглазый верзила, метнул в Плута топор. Кираса защитила грудь, но юноша все равно потерял равновесие и упал. Торжествующий гoblin склонился над ним.

— Смерть ублюдку из Вольной Пустоши! — рявкнул он, поднимая острый топор. — Оххх!..

Голубые глаза великана закатились. Шарик из свинцового дерева поразил его точно в лоб, раскроив череп.

Плут сорвал погнутую кирасу и благодарно посмотрел на подоспевшие небоходы. Юркие небесные кораблики парили над полем битвы, осыпая гоблинов дождем стрел, арбалетных болтов и свинцовых снарядов.

Длинноволосым противникам оставалось только в ярости сотрясать бесполезными топорами.

Плут огляделся по сторонам. Вольные Уланы нанесли поражение гоблиновым войскам, но какой ценой! Повсюду лежали раненые и убитые зубоскалы и всадники. А главное, Пожирателей Пустоши так и не удалось остановить. А из Дремучих Лесов выкатывались все новые и новые бойцы Гоблинова Гнезда.

Внезапно сбоку мелькнуло белое пятно. Плут обернулся и, к своему восторгу, увидел живого и невредимого Чинквикса.

— Чинквикс! Ты цел, дружок! — Плут прыгнул в седло и, подняв меч, ринулся навстречу очухавшимся длинноволосым головорезам.

— ЗА ВОЛЬНУЮ ПУСТОШЬ! — закричал он.

*

Ксант натянул канат и поднялся высоко над полем. Эскадрилья перегруппировалась, многих небесных корабликов уже не было в строю. Ксант сокрушенно покачал головой. Вольные Уланы проявили чудеса героизма, добавив новый подвиг к подвигу на Лафовой Горе.

Но каковы потери?

Все поле у южной границы было усеяно телами всадников и зубоскалов. Они ценой собственной жизни преградили путь гоблинам, но не смогли устоять перед металлическими монстрами. Ксант видел, как непобежденные Пожиратели Пустоши уходят на восток.

Библиотечные Рыцари всеми силами пытались помочь Вольным Уланам. Они бились до последнего снаряда и дорого заплатили за свое упорство. Зеленая Колонна сократилась до двух дюжин пилотов, Центральная Колонна уменьшилась вдвое, а Серая...

Ксант твердой рукой направил «Птицекрыса» вниз. Вольные Уланы возвращались в Новый Нижний Город. Дело сделано. Лесным троллям и душегубцам удалось бежать на север. Пришло время подсчитать потери.

Ксант на всех парусах бросился к уцелевшим пилотам Серой Колонны.

— Где ваш командир? — спросил он у Библиотечного Рыцаря, боровшегося с порванным нижним парусом. — Где она?

Пилот жестом указал на парившие неподалеку небоходы. Их было всего двенадцать. Ксант тут же узнал среди них «Мотылек». Магда полулежала в седле, спрятав лицо в ладони.

— Магда! — взволнованно позвал подругу Ксант. — Магда, ты ранена?

Девушка подняла заплаканные глаза. Ее лицо стало черным от сажи.

«Я цела, маршал, — жестами показала она. — Но взгляни, что они сделали с моей Колонной».

Собрав уцелевших пилотов, они медленно полетели к Озерной Академии. Занимался рассвет. Впрочем, вскоре стало понятно, что поредевшая эскадрилья Варис Лодд приняла за рассвет нечто другое. Только подлетев к Центральному Озеру, пилоты осознали свою страшную ошибку.

Над Озерной Академией было светло, как днем. Но причиной тому было не солнце. Алые блики осветили утомленные лица пилотов.

— Большая Библиотека! — выдохнула Варис Лодд, знаком велев эскадрилье остановиться.

Новое деревянное книгохранилище пылало, как факел на ветру. А вокруг него плясала оголтелая армия гоблинов, и дюжина Пожирателей Пустоши разносила в щепки остатки грандиозного сооружения. На ступенях лежали тела убитых библиотека-

рей, их одежды тлели от падающих вниз искр жаркого пламени.

Варис закрыла лицо руками.

— Папа, папа, папа, — заплакала она.

Библиотечные Рыцари зависли чуть в отдалении, не зная, как облегчить горе своего командира. Но вот Варис подняла глаза. На ее лицо легла печать мрачной решимости.

«Озерная Академия пока цела,— знаками показала она эскадрилье. — Гоблины слишком увлечены пожаром...»

Глаза Варис налились жгучей ненавистью.

«Маршал авиации! — Она повернулась к Ксанту. — Бери Серую Колонну и ступай на помощь подмастерьям».

По ее лицу Ксант понял, что любые возражения бесполезны.

«А ты?» — махнул он.

«Когда-то мы удостоились чести защищать Большую Библиотеку! И выпол-

ним свой долг до конца! — Варис коснулась лба, затем поднесла руку к сердцу. — *Библиотечные Рыцари, вы со мной?»*

Центральная и Зеленая Колонны расправили паруса. Все семьдесят голов утвердительно кивнули.

«Тогда вперед!»

Варис Лодд ловко натянула канат, шелковый парус распустился, как цветок лесной яблони. Семьдесят пилотов повторили ту же манипуляцию и бесшумно, как буревестники, заскользили к Центральному Озеру.

Ксант почувствовал, как кто-то тронул его за плечо, обернулся и увидел заплаканную Магду.

— Останови их! — всхлипнула девушка. — Ксант, пожалуйста! Хватит с нас бессмысленных жертв!

Ксант посмотрел на нее невидящим взглядом, таким Магда видела его последний раз на церемонии Расплаты.

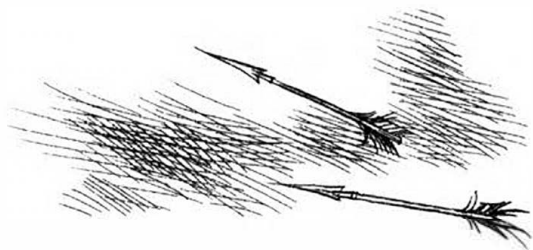
— Мы должны любым способом доставить в Новый Нижний Город Стоба Ламмуса и три сотни воспитанников Озерной Академии, которые ни разу в жизни не поднимались в воздух. Варис и ее эскадрилья пожертвовали ради этого жизнью. — Он заглянул девушке в глаза. — Да, это жертва, Магда. Но отнюдь не бессмысленная!

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

ТРИ БИТВЫ

Битва у Большой Библиотеки

ледующим утром в стену таверны «Дуб-кровосос» угодило огромное бревно, отчего по стене пробежала большая трещина. Воздушный пират Клив Хекенболт вздрогнул и с такой силой сжал булаву, что побелели костяшки пальцев.

— Уже близко, — пробормотал его товарищ, Дух Тайнограда Риккет. — Еще один такой бросок, и таверна обрушится нам на голову.

Клив мрачно кивнул.

— Чего они ждут? — Он высунул голову из-за баррикады, сооруженной из хозяйских столов и стульев прямо на улице. — Взяли нас в кольцо и не нападают!

Тем временем на окраинах Нового Нижнего Города уже вовсю бушевали Пожиратели Пустоши. Жаркие печи изрыгали клубы черного дыма, прочная сталь сверкала в лучах ослепительного рассветного солнца. Позади металлических монстров робко шагали гоблины-всегрызы, гоблины-пауконоги, крох-гоблины, древесные и длинноухие гоблины. Бедняги едва волочили ноги, задыхаясь от приступов удушливого капля.

— Они думают нас сломить. — Риккет вытянул шею. — Эти адские машины разнесут Нижний Город на кусочки и тогда... Пригнись!

Над их головами просвистел огромный булыжник.

Отряхнувшись от пыли, Риккет огляделся по сторонам. Воздушные пираты спешно заделывали образовавшуюся в баррикаде брешь.

— Вашего брата не сломишь какими-то бревнами да камнями. Вы же старые волки Топей!

Воздушный пират польщенно улыбнулся.

— И тебе, дружище Риккет, к заварушкам не привыкать, — добавил он. — Вы, Духи Тайнограда, наверное, зеваете тут со скуки!

Товарищи сердечно рассмеялись. В этот момент позади послышался какой-то шум. Риккет и Клив обернулись и увидели молодого Духа в белом кожаном

плаще. Юноша держал в руках веревку, по которой только что спустился с крыши.

— Развлекаетесь, ребята? — с улыбкой спросил он.

Риккет ухмыльнулся.

— Бодримся, Феликс. — Он вдруг заметно посерьезнел. — Мы с Кливом как раз гадали, отчего они не начинают штурм...

— Прогревают печи новым топливом, — последовал ответ, и к бравым воякам подошел капитан Гриф в компании Профессоров Света и Тьмы. — Погодят чуток и...

Феликс хлопнул друга по спине.

— Что ж, мы готовы к встрече. Да, Грифф? — улыбнулся он.

— И чем раньше, тем лучше! — взревел капитан и погрозил кулаком невидимому врагу. — Или они думают, что мы просто так отдадим им лучшую таверну в городе?

Феликс расхохотался, но, заметив мрачное выражение на лицах Ульбуса и Таллуса, умолк.

— Простите, Профессора, — тихо сказал он. — Вижу, у вас выдалась тяжелая ночь...

Профессор Тьмы понурил голову.

— Моя эскадрилья прикрывала отступление душегубцев и лесных троллей. Я потерял сотню лучших Библиотечных Рыцарей.

— А мы сражались на северных рубежах, — вмешался Профессор Света. Его белоснежная туника была обагрена кровью. — Я лишился половины эскадрильи.

Феликс понимающе кивнул.

— Благодаря героизму ваших воинов жители Вольной Пустоши добрались целыми и невредимыми до пещер глыботрогов, — проговорил он. — Теперь мы — Духи, воздушные пираты, Библиотечные Рыцари — будем биться плечом к плечу здесь, в Новом Нижнем Городе!

В этот миг еще несколько снарядов с грохотом ударили в близлежащие дома, и друзьям пришлось упасть на землю.

— Да, попали мы в передрагу! — Капитан Гриф выплюнул изо рта песок и поднялся на ноги. — Как болотная рыба в сети...

Громкий свист прервал его речь. Феликс поглядел на лафовую башню и увидел на балконе своего дозорного.

— Феликс! Феликс! — кричал тот. — Сюда!

Молодой Лодд закинул веревку на балкон и в мгновение ока взлетел вверх.

— Ну и паренек! — Гриф Мертвая Хватка проводил его восхищенным взглядом. — Никогда не стоит на месте! — Он приложил к глазу подзорную трубу.

Профессора Света и Тьмы бросились к башне.

— Третья эскадрилья! — объявил капитан Гриф. — И вроде бы все уцелели! Эй, Профессора! — Он убрал бинокль и побежал следом. — Подождите меня!

Феликс уже стоял на балконе, пристально вглядываясь в горизонт. Вот в небе появились крошечные точки, которые при ближайшем рассмотрении оказались небоходами, напоминающими гусиный треугольник в форме буквы V.

— Вот и ты, сестричка, — облегченно прошептал Феликс. — Я уже начинал волноваться... — Внезапно он нахмурился. — Но что такое с корабликами!

— Я тоже об этом подумал, — промолвил запыхавшийся Профессор Тьмы, только что поднявшийся на балкон традиционным способом, по лестнице. За ним следом появился Профессор Света.

Эскадрилья действительно выглядела странно. Если командир и еще десять пилотов летели по всем правилам летного искусства, то остальные являли собой жалкое зрелище. Бедный маршал метался между ними как заводной, пытаясь привести строй хоть в какой-то порядок.

— Похоже, умница Варис сохранила всю эскадрилью, — пробормотал Профессор Света. — Ни одной жертвы! — Он покачал головой. — Но что с ними такое?

— Они летят как подмастерья, — промолвил Профессор Тьмы. — Никакой дисциплины. Поглядите на маршала. Ему приходится нарезать круги, чтоб собрать их вместе, как неразумных птенцов!

— Ну же, ну же! — Стиснув зубы, Феликс наблюдал за посадкой небоходов.

Но армия гоблинов уже заметила эскадрилью. В воздух взмыли снаряды и стрелы, многие из которых попали в цель.

— Вильните в сторону и пикируйте вниз! — надрывался Профессор Света. — Опустите паруса! Вы же голая мишень!

Каждую секунду вниз падал новый небоход.

— Давайте, давайте, — шептал Феликс. — Вы сможете!

Защитники Нового Нижнего Города теперь тоже заметили эскадрилью и зашлись в одобрительных криках. Феликс видел, что командир эскадрильи и еще десять опытных пилотов пошли на снижение. Под ликующие крики пиратов и Духов они опустились на площадь у подножия башни. Спустившись на землю, пилоты стали ожесточенно махать руками приближающимся небоходам.

Один за другим приземлились легкие кораблики, впрочем, посадка была не из мягких. Многих пилотов вышибло из седла, многие запутались в собственных парусах. Духи Тайнограда и воздушные пираты бросились на помощь незадачливым Библиотечным Рыцарям. Феликс соскользнул вниз по веревке, Профессора бросились к лестнице.

— Варис! — закричал молодой Лодд, подскакивая к командиру. — Варис! Что произошло?

Девушка сняла шлем и летные очки. Феликс отпрянул, изумленно вглядываясь в ее лицо.

— М... Магда? — пробормотал он. — Магда Берликс... Но где же тогда моя сестра?

Профессора уже выбежали из башни и подоспели к Феликсу.

— Но это же подмастерья! — воскликнул Профессор Света.

— Из Озерной Академии, — продолжил Профессор Тьмы. — Хвала Небесам! Мы уже думали, что потеряли вас!

— Но где тогда эскадрилья Варис Лодд?

Магда понурила голову, ее лицо было пепельно-белым.

Стоб Ламмус, преподаватель Озерной Академии, сошел с небохода и неуклюже подошел к Феликсу.

— Ксант Филатайн вам все объяснит, — проговорил он, показав на небо. — Благодаря ему, Магде, и другим Библиотечным Рыцарям мы уцелели.

Феликс проследил за жестом Стоба и увидел последний воздушный кораблик, идущий на посадку. Он оставался в небесах, пока последний подмастерье не приземлился. Нос в форме птицекрыса был унизан стрелами гоблинов, паруса изорвались в клочья. Когда небоход приземлился, пилот выскочил из седла. Его зеленый летный костюм был покрыт пятнами крови.

Опустив голову, Ксант побрел сквозь толпу Духов, пиратов и подмастерьев к лафовой башне. Феликс ждал его, затаив дыхание и не обращая никакого внимания на возобновившуюся пальбу.

— Говори, — только и сказал он Ксанту.

— После битвы на южном рубеже наша поредевшая эскадрилья направилась в Новый Нижний Город, — начал свой рассказ Ксант. Его голос был глу-

хим, но ровным. — Мы как раз подлетали к Центральному Озеру, когда увидели... полыхающую Большую Библиотеку. Ее взяла в кольцо целая орда гоблинов. Следующей на очереди была Озерная Академия. И тогда Варис послала меня и Серую Колонну — нас к тому времени оставалось всего дюжина — спасти подмастерьев, а сама... — Он умолк.

Феликс пристально смотрел Ксанту в глаза.

— Что она сделала?

— Я видел все от начала до конца, — сказал Ксант. — Это было блестящее сражение...

— Блестящее? — резко повторил Феликс.

— Да, — твердо ответил Ксант. — Варис и уцелевшие Библиотечные Рыцари из Зеленой и Центральной Колонн полетели напрямик к Библиотеке. Они выпустили в гоблинов все стрелы до последней, а когда боеприпасы закончились, принялись срывать с крыши горящие балки и бросать их на головы противников. Они дрались, пока паруса не занялись огнем... А потом полетели в лес, уводя за собой гоблинов.

Глаза Ксанта лихорадочно сверкали.

— На пылающих небоходах они успели долететь до Дремучих Лесов, где и почили. Заподозрив неладное, гоблины вернулись к Центральному Озеру, но мы уже успели забрать подмастерьев и вылететь в Новый Нижний Город...

— Значит, моя сестра... — У Феликса сорвался голос.

— Пожертвовала собой и своей эскадрилей ради спасения подмастерьев. Без той битвы у Большой Библиотеки мы не смогли бы все проверить.

Феликс положил руку Ксанту на плечо.

— Варис гордилась бы тобой, Ксант Филатайн, — проговорил он.

Площадь тем временем опустела. Защитники города привязали небоходы к швартовым сваям и спрятались за баррикадой. В воздухе продолжали свистеть снаряды.

Капитан Гриф подошел к молодому Лодду, за его спиной маячил Верховный Библиотекарь. Он размахивал руками, как мельница, и что-то горячо говорил воздушному пирату. По пятам за Фенбрусом Лоддом брели мрачные библиотекари, вооруженные чем попало. Поравнявшись с сыном, Фенбрус перевел дыхание и приготовился начать новую пламенную речь.

— Твой друг капитан Гриф, Феликс, полагает, что мы — библиотекари — не умеем драться! Гоблины сожгли дотла наше новое книгохранилище! Неужели после этого мы будем сидеть сложа руки? Не дождемся! Скажи ему, Феликс! Давай же, скажи ему!

Капитан мученически закатил глаза.

— Я... Мне так жаль, мой дорогой Фенбрус. — Профессор Света спрятал глаза.

— Ужасная потеря, — пробормотал Профессор Тьмы.

— Вы о Большой Библиотеке? — рассеянно спросил Фенбрус Лодд. — Да, это страшная утрата. Но сейчас не время горевать. Мы должны сражаться!

Феликс выступил вперед.

— Папа... Варис, — начал он дрогнувшим голосом.

— Она уже вернулась? — перебил его Фенбрус.

Феликс нервно сглотнул и грустно покачал головой.

— Нет, она никогда не вернется.

— Хочешь сказать... — Голос Верховного Библиотекаря сошел на шепот.

— Да, папа, — Феликс вздохнул. — Варис погибла.

Фенбрус испустил протяжный стон. С его щек сошел воинственный румянец, плечи ссутулились, и он весь как будто стал ниже и немоощней. Феликс обнял отца за плечи.

— Она погибла в бою, — сказал он. — Пожертвовав своей жизнью ради других...

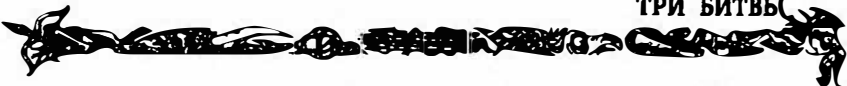
Верховный Библиотекарь задрожал.

— Все пропало, — судорожно всхлипнул он. — Пропало.

Он попытался высвободиться из рук Феликса, но тот только крепче обнял отца.

— Ох, Феликс, — прошептал Верховный Библиотекарь. — Свитки, фолианты, рукописи. Я могу пережить их потерю... Молодые библиотекари отправятся во все четыре стороны Края и привезут с собой новые летописи и трактаты. А Большая Библиотека... — он задум-

чиво покачал головой, — такая прекрасная... Что ж, ее утрату я тоже покорно приму...

Фенбрус Лодд тяжело вздохнул. Феликс напрягся.

— Но Варис. Моя храбрая, моя красивая дочь... — Слезы заструились по бледным щекам Верховного Библиотекаря. — Покинула нас навсегда... Нет, я этого не вынесу. — Он снова попытался вырваться, но Феликс был начеку. — Как же я буду без нее? — зарыдал Фенбрус.

Феликс опустил глаза, его голос дрожал и ломался.

— Ты... У тебя есть я, отец.

Фенбрус удивленно поглядел на сына.

— Хочешь сказать...

— Да, — ответил Феликс. — Я стану библиотекарем. Вместе мы воссоздадим книгохранилище...

С минуту Фенбрус молчал. Потом сам притянул к себе сына и крепко его обнял.

— Сынок, — прошептал он ему на ухо. — Дорогой, дорогой мой мальчик. — Он заглянул Феликсу в глаза. — Ты и в самом деле думаешь, что эта задача нам по плечу?

Феликс кивнул.

— Вместе, — проговорил он. — Вместе мы сможем все, папа.

Тут с балкона лафовой башни раздался свист.

— Вольные Уланы с южных границ! — доложил дозорный.

Фенбрус и Феликс вытянули шеи, Профессора Света и Тьмы схватились за подзорные трубы.

— Плут! — прошептала Магда, улыбаясь Ксанту сквозь слезы. — Это Плут!

Ксант прищурился. Солнце слепило глаза, но ему все равно удалось разглядеть отряд Вольных Уланов, скачущих во весь опор на ретивых зубоскалах. Большинство животных были рыжего и каштанового оттенка, но один, самый резвый и сильный, был белым в яблоках.

— Ты права, — подтвердил Ксант. — Это Плут!

Всадники мчались так быстро, что гоблины, стоявшие на подступах к Новому Нижнему Городу, даже не сразу заметили их.

Зубоскалы в считанные мгновения миновали лагерь противника, ловко уклоняясь от летящих им вслед стрел и снарядов. Белый зубоскал легко перескочил через баррикаду и остановился на площади.

Плут выскочил из седла и бросился в объятия ликующих друзей.

— Вы живы! — радостно выдохнул юноша.

Его лицо было покрыто синяками и ссадинами, руки иссечены царапинами, белая туника была порвана и запятнана кровью. Но он был цел и улыбался своей лучистой улыбкой.

— Плут, какое счастье, что ты здесь. — Магда снова расплакалась. — Когда же все это закончится? Война, убийства...

Ксант погладил девушку по руке и отвел Плута в сторону.

— Она многое пережила, — объяснил он. — Всем нам досталось.

Плут кивнул:

— Знаю, Ксант, знаю. И это еще не конец. Позаботься о Магде. Я должен идти. Меня ждут.

Он направился к Фенбрусу и Феликсу Лодду, стоявшим в окружении Профессоров Света и Тьмы и капитана Грифа.

— Пожиратели Пустоши, — отрапортовал Плут, — уже близко!

Гриф Мертвая Хватка кивнул.

— Твоя правда. — Он указал на черные клубы дыма, плывущие со стороны городских окраин. Рев металлических монстров уже доносился и сюда. Профессора мрачно переглянулись.

— Этого следовало ожидать, Ульбус, — проговорил Профессор Тьмы. — Сначала деревни, потом Большая Библиотека, теперь они добрались до Нового Нижнего Города...

— Увы, Таллус, — ответил Профессор Света. — Но мы будем стоять до конца.

Плут сдвинул брови.

— Большая Библиотека разрушена?

— Да, Плут, — молвил Феликс. — И Варис погибла. Отцу сейчас очень тяжело. Он потерял все, что имел.

Плут сунул руку за пазуху, вытащил свиток и протянул его Фенбрусу.

— Нет, не все, — возразил он. — У вас остался Феликс и... вот это.

Фенбрус развернул свиток и прочитал заголовок трактата: «Разведение зубоскалов».

— Пусть этот свиток положит начало Новой Библиотеке, — улыбнулся юноша.

Фенбрус поднял от рукописи заплаканные глаза, стиснул свиток и решительно направился к баррикадам. Рев Пожирателей Пустоши нарастал с каждой секундой.

— Мы еще поборемся! — прогремел он. — Проклятые гоблины выиграли битву у Большой Библиотеки, но не войну!

Битва за Новый Нижний Город

Скрип колес и скрежет свинцовых лезвий Пожирателей Пустоши резал слух и вгонял в страх всех защитников города. Металлические монстры прошлись по баррикадам, как нож по маслу, и триумфально покатали по улицам Нового Нижнего Города. Башенки

рушились под их натиском, уличные фонари падали как подкошенные, щебень летел во все стороны.

Пожиратели Пустоши сметали, дробили, ровняли с землей и крушили все, что стояло у них на пути. Дом оседал за домом в густой пыли и граде щепок.

За ужасными машинами шагали всегрызы — гоблины-сиропщики, крох-гоблины, гоблины-пауконоги и древесные гоблины. Плоскоголовые надсмотрщики щедро угощали их ударами кнута. Издалека за атакой наблюдали отряды молотоголовых и длинноволосых гоблинов, с нетерпением ожидавшие своей очереди. А под просторным навесом, который поддерживали клыкастые гоблины, стояли важные представители племен.

Бабка Сладкоежка Вторая умывалась слезами.

— Крошки мои несчастные! — причитала она.

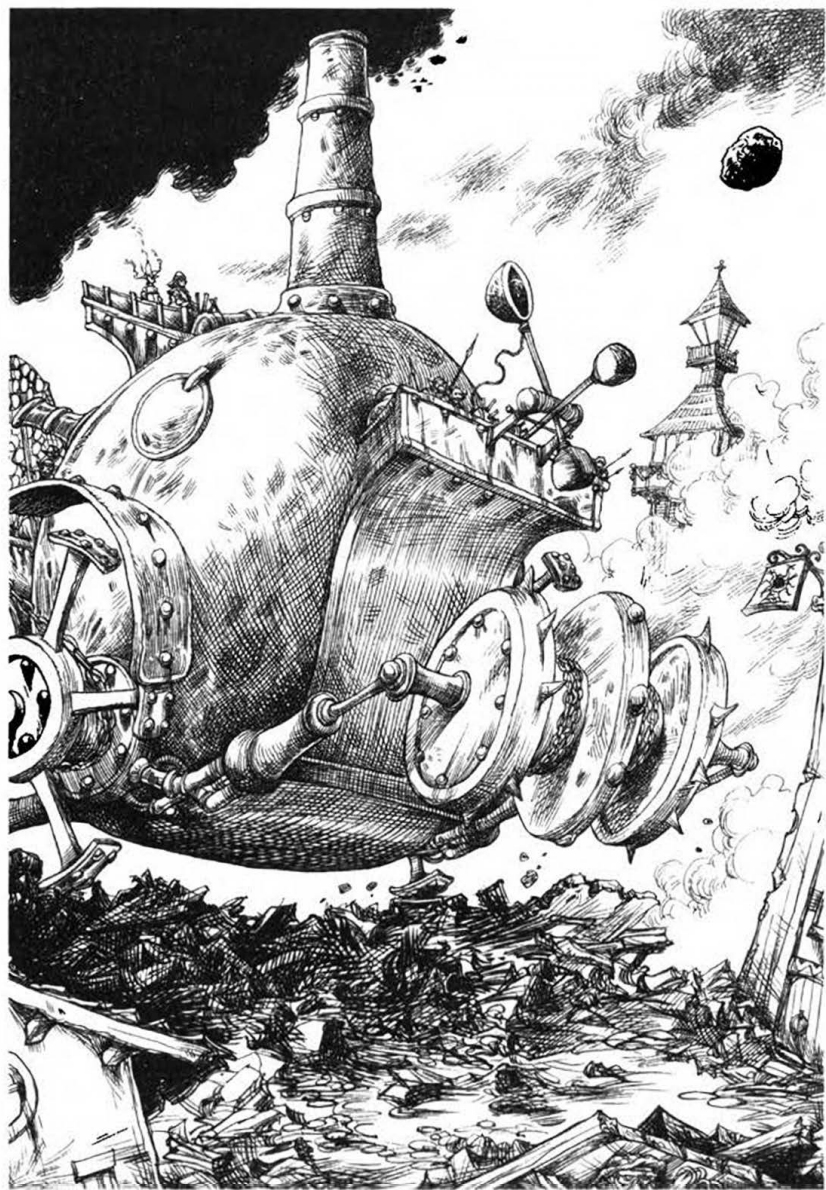
— Успокойся, — приструнил ее Хемтафт Топорбой. — Всю тяжелую работу сделают Пожиратели Пустоши Хамодура. Твоим ненаглядным всегрызам нужно будет только добить раненых.

— Не по-гоблински это как-то! — презрительно бросила Литтаг. — Моим воинам хочется омыть клинки во вражеской крови!

— Не переживай, — успокоил ее Хемтафт. — Твои воины вволю отыграются, когда мы доберемся до пещер глыботрогов!

Мигмяу Серый и Рутрот Кусачий злорадно захихикали.

Пожиратели Пустоши беспрепятственно продвигались через город. Хамодур Плюнь, восседающий в кабине первой машины, протер окуляры очков и от-

кашлялся. Его помощник потянул за рычаг, и приводная цепь пришла в движение. Пожиратель Пустоши подмял под себя полуразрушенную таверну и устремился к лафовой башне.

Защитники города как будто растаяли, только высоко в небесах парили недосигаемые для гоблинских стрел небесные кораблики. Хамодур Плюнь торжествующе улыбнулся. Похоже, его Пожиратели Пустоши одерживают уверенную победу. Новый Нижний Город пал перед ним! Хамодур хлопнул помощника по плечу и указал пальцем на башню.

— РАЗНЕСИ... ЕЕ... В... ЩЕПКИ! — гаркнул он, перекрикивая скрежет машины.

Внезапно перед глазами Главного Литейщика мелькнула зеленая молния...

Помощник Хамодура навалился на рычаг, Пожиратель Пустоши вильнул в сторону, накренился и протаранил какую-то высокую статую.

— Я... СКАЗАЛ... УНИЧТОЖЬ... БАШНЮ! — вскипел Хамодур, хватая помощника за шиворот. В следующий миг Главный Литейщик ощутил на своих пальцах липкую кровь.

Из шеи помощника торчал тяжелый свинцовый болт.

Теперь повсюду сновали легкие небоходы, а смелые пилоты посылали в Пожирателей Пустоши новые и новые болты. Хамодур с воплем повалился на дно машины, а та, полностью выйдя из-под контроля, раскачивалась в разные стороны. То же происходило и с остальными металлическими монстрами.

Вскоре началась полная неразбериха. Пожиратели Пустоши сталкивались друг с другом и начинали бессмысленно и упрямо таранить один другого. Шагавшие позади всегрызы бросились врассыпную.

Но плоскоголовые командиры лишь пришли в большую ярость и принялись осыпать несчастных беспощадными ударами.

А на крышах домов стали появляться фигуры в белых одеждах. С удивительной легкостью и проворством Духи Нового Нижнего Города соскользнули вниз по веревкам прямо на крыши беспощадных машин. Установив привод на полную мощность, они зафиксировали рычаги управления бревнами и снова стрелой взмыли вверх.

Пожиратели Пустоши набрали максимальную скорость и покатались вперед, громя на своем пути галереи и лотки, таверны и гостиницы, лавки и хлеба. Но впереди простиралось великое Северное Озеро, которое блестело на солнце, как начищенное серебро.

А из переулков и узких улочек уже спешили к башне вооруженные саблями пираты во главе с бородатым капитаном.

— Взять плоскоголовых надсмотрщиков! — взревел он.

Гоблины-всегрызы бросились наутек, и воздушные пираты вступили в схватку с их мучителями. Тем временем Пожиратели Пустоши приближались к берегу.

Вскоре у ног капитана Грифа валялись уже двадцать поверженных противников, а воздушные пираты осыпали насмешками удирающих плоскоголовых негодяев.

— К барьеру, господа!

— Что, поубавилось спеси без ваших машинок?

— Да здравствует Вольная Пустошь!

— Вольной Пустоши наше «ура»!

Со стороны озера донесся раскатистый взрыв. Первый Пожиратель Пустоши уже исчез под водой, и охладившаяся печь выплевывала на поверхность лафовые поленья. Вот слышались новые взрывы. Адские машины одна за другой тонули в ледяной воде Северного Озера.

Каждый взрыв сопровождался ликующими криками Духов, Библиотечных Рыцарей и воздушных пиратов, собравшихся на берегу.

А на восточных подступах к Новому Нижнему Городу напряженно вглядывались в даль предводители гоблинских племен. Хемтафт Топорбой то и дело подносил к глазам бинокль, изъятый у воздушного пирата.

И тут прогремели взрывы.

Мигмая Серый громко ойкнул.

— Не нравится мне все это, — проворчал он.

— Нехорошие там творятся дела, — кивнул Рутрот Кусачий.

Когда дымовая завеса рассеялась, предводители увидели бегущих наутек перепуганных всегрызов. Бабка Сладкоежка Вторая громко охнула.

— Взгляните! — завизжала она. — Только взгляните, что они сделали с моими крошками!

Когда последний Пожиратель Пустоши погрузился в Северное Озеро, в воздух взлетел огромный фонтан. Казалось, прежде чем угаснуть, он коснулся самих облаков. Когда вода успокоилась, на поверхность всплыло тело бывшего Главного Литейщика Хамодура Плюня. Его вечно серая кожа приобрела розовый цвет только после кончины.

Над Северным Озером раздалось тихое пение. Грустные чарующие звуки плыли с Колыбельного Острова.

— Оох-маах, оомалаах. Оох-маах, оомалаах. Оох-маах, оомалаах...

Битва на синеячменном поле

Лоб подтянул лямку и сдвинул на затылок соломенный колпак.

— Плохи наши дела, братец, — покачал головой Луммель. — Так-то.

Братья Групп стояли в хвосте группы вояк, состоявшей целиком и полностью из низкопузых копьеносцев. Рядом жались друг к дружке длинноухие и серые лучники и красноглазые пращники. Тут и там между ними виднелись здоровенные клыкастые гоблины с тяжелыми булавами за плечами. В отличие от элитных войск длинноволосых и молотоголовых гоблинов, эти были пушечным мясом.

— Бедные всегрызы, из них сделают котлеты, — вздохнул Лоб.

— Сначала из них, потом из нас, — рассудительно сказал Луммель. — Мы заплатим кровью за славу предводителей племен.

Стоящий рядом пращник кивнул, а мускулистый клыкастый гоблин одобрительно зарычал. Луммель украдкой огляделся по сторонам.

— Дружья урожай? — прошептал он.

Во главе гоблинова войска стояли вооруженные до зубов отряды профессиональных бойцов. Их новенькие кирасы и шлемы блестели в лучах яркого солнца. Слева располагались дивизии плоскоголовых гоблинов с кривыми саблями и дубинами; места справа занимали ополчения длинноволосых бойцов с острыми топорами.

В центре оказались самые свирепые и высокие молотоголовые гоблины со щитами в форме полумесяца и зазубренными мечами, от одного вида которых бросало в дрожь.

А впереди многотысячного войска под широким навесом топтались предводители племен. Бабка Сладкоежка Вторая безостановочно рыдала, Мигмяу Серый и Рутрот Кусачий поглядывали на нее уже с нескрываемым раздражением. Хемтафт Топорбой смущенно теребил плащ, а молотоголовая Литтаг решительно выступила вперед и обратилась к своим воинам.

— Эти так называемые Пожиратели Пустоши потерпели поражение! — рывкнула она и скривила тонкие губы в жестокой улыбке. — Пришло время гоблинов показать свою силу!

Из разрушенного Нового Нижнего Города выступили его доблестные защитники.

Справа трусили на зубоскалах горделивые Вольные Уланы, на их белых туниках краснели пятна запекшейся крови. Во главе верхом на Чинквиксе скакал Плут, по правую руку от него ехал Грист, единственный из его уцелевших товарищей. После

битвы на южной границе в живых осталось всего восемьдесят всадников. Их бедные зубоскалы с трудом передвигали ноги.

Слева маршировали за своим капитаном brave воздушные пираты. Они отполировали свои кирасы

и начистили линзы на биноклях. Вид у старых небесных волков был устрашающий.

По центру шагали вооруженные дубинками и косами престарелые библиотекари и отважные Духи Тайнограда. В последний бой их вели Фенбрус и Феликс Лодды. Духи были уверены в своей ловкости и выправке, но понимали, что две сотни солдат не смогут совладать с многотысячной армией гоблинов.

Замыкали шествие Библиотечные Рыцари, тащившие на привязи свои потрепанные небоходы. Ксант шел между Профессорами Света и Тьмы. Взгляд его темных глаз выражал одновременно гордость и страх. Из девяти сотен пилотов оставалось всего триста плюс неопытные подмастерья из Озерной Академии во главе со Стобом Ламмусом.

Они оставляли за своей спиной догорающий Новый Нижний Город, за которым белели в дымке пещеры глыботрогов. Там, сгорая от страха, ожидали вестей с поля брани беспомощные мирные жители Вольной Пустоши.

Тяжело ступая по синячменному полю, граничившему с Дремучими Лесами и Долиной Вейфов, доблестные защитники приблизились к бесчисленной армии гоблинов.

— Мы будем биться до последней капли крови и поляжем на этом поле! — прогремели решительные голоса. — За Вольную Пустошь!

— ЗА ВОЛЬНУЮ ПУСТОШЬ! ЗА ВОЛЬНУЮ ПУСТОШЬ! ЗА ВОЛЬНУЮ ПУСТОШЬ!

В ответ на эти призывы плоскоголовые, длинноволосые и молотоголовые гоблины рванулись вперед.

— Земля и Небо, пощадите нас, — тихо пробормотал Фенбрус Лодд.

Чем ближе подступали гоблиновы войска, тем сильней стучали сердца защитников Вольной Пустоши. Казалось, даже земля затряслась под кожаными сапогами захватчиков. За их спинами ярко сияло слепящее солнце, а ветер разнес по равнине одно-единственное, повторяющееся нараспев слово...

КРОВЬ! КРОВЬ! КРОВЬ!

Оставалась всего сотня шагов... Девяносто... Восемьдесят... Защитники Вольной Пустоши уже ощутили смрадную вонь немых гоблиновых тел...

Семьдесят... шестьдесят... пятьдесят шагов. Они видели причудливые татуировки на бледной коже, слышали перезвон золотых колец, торчащих из ушей, носов, бровей...

Ближе, ближе. Мрачное пение гоблинов переросло в устрашающий рев, но теперь к нему примешивался еще какой-то шум.

Феликс завертел головой. Шум шел не из плотно сомкнутых вражеских колонн, а с лесной опушки на востоке. Громкий, переливчатый напев, разрывающий воздух.

Гоблины тоже что-то услышали и прибавили ход. Тридцать шагов... Двадцать...

Феликс видел их налитые кровью глаза. Вот она — последняя битва за Вольную Пустошь...

Пятнадцать шагов... Десять...

Но напев стал еще явственнее и громогласнее, и из темно-зеленого леса вырвалась непонятная, бурлящая, мохнатая масса, вгрызшаяся в левый, плос-

коголовый фланг гоблинова войска. Дикие звери с острыми когтями и сверкающими клыками разрезали плотно сомкнутые ряды, как нож разрезает масло. Мускулистые воины только визжали, когда мощные лапы отрывали их от земли и подбрасывали в воздух.

Плут приподнялся на стременах и прищурился.

— Толстолапы, — выдохнул он. — Большая Сходка толстолапов!

Элита гоблиновой армии тем временем пришла в расстройство. Толстолапы вырывали оружие из их рук, как будто это были детские игрушки. Мохнатые великаны одним ударом могли прихлопнуть двух, а то и трех противников.

Плоскоголовые, длинно-волосые и молотоголовые гоблины по силе даже сравниться не могли с толстолапами.

Уцелевшие воины побросали оружие и ринулись наутек. Клыкастые и длинноухие гоблины, застывшие поодаль, наблюдали за происходящим с благоговейным трепетом. А толстолапы, пропитавшиеся кровью настолько, что стали похожи на вышивку на тунике Плута, запрокинули головы и восторженно заревели:

— ВУХ-ВУХ!

Чинквикс беспокойно загарцевал, когда от толпы ликующих толстолапов отделились и направились к ним

три мохнатых верзилы. Плут узнал их в одно мгновение.

— Виг! Вурало! Вумеру!

— Вух-веела-вух, Ураова, — в унисон пропели они. — *Мы вернулись, тот, в кого попала отравленная палочка.*

Плут уже хотел выпрыгнуть из седла и броситься в объятия друзьям, как Грист схватил его за руку.

— Гляди! — только и сказал он.

Плут проследил за взглядом товарища и, к своему ужасу, увидел на вершине холма остатки гоблиновой армии в блестящих на солнце доспехах.

У юноши защемило сердце. Гоблинов было все еще слишком много. Колонна за колонной спускались они с холма на синеечменное поле, направляясь к защитникам Вольной Пустоши. С такой армией не могли бы совладать даже толстолапы.

Впереди шагали клыкастые гоблины, в том числе кривоzubые и пилоzubые индивидуумы, и другие многочисленные всегрызы. В своих сияющих доспехах они казались неуязвимыми, а тяжелые булавы одним своим видом вселяли страх.

За ними шли батальоны проворных красноглазых и длинноухих гоблинов, их колчаны были туго набиты ядовитыми стрелами. Рядом маршировали пучковолосые гоблины из племени длинноволосых, искусно владеющие мечом и громоздкими цепями. Черноухие гоблины с длинными копьями были весьма дисциплинированными и даже сейчас держали образцовый строй.

Замыкали шествие пышнобровые и толстошеие, хохлатые и чешуйчатые, фурункулезные и спиношерстные гоблины. И серые — тысячи серых гоблинов, вооруженных тяжелыми мечами и короткими пиками, ждущие лишь команды командиров, чтобы напасть.

Плут с содроганием осознал, что с минуты на минуту начнется страшное кровопролитие. Он поежился, заметив в гуще гоблиновых войск головы предводителей племен. Он узнал Рутрота Кусачего, Мигмая Серого, Бабку Сладкоежку Вторую, Литтаг — внучку генерала Титтага и, конечно, зачинщика войны Хемтафта Топорбоя с отвратительной ухмылкой на лице.

Они то и дело приподнимались над своим многотысячным войском, как будто желали лично увидеть страх на лицах своих ошеломленных противников.

Краем глаза Плут заметил, как Феликс вышел вперед, сжав в руках меч.

— Что ж, давайте! — закричал он предводителям гоблиновых племен. — Покончим с этим прямо сейчас!

Внезапно молодой Лодд выронил меч и повалился на колени. Плут обернулся и увидел, что вражеское войско расступилось, пропустив вперед пятерых здоровых клыкастых гоблинов с высокими кольями в руках.

Плут поднял голову и вместо расписного навеса увидел на остроконечных верхушках отрубленные головы. Перекошенные лица предводителей племен

ПОЛ СТЮАРТ, КРИС РИДЕЛ

ВОЛЬНАЯ ПУСТОШЬ

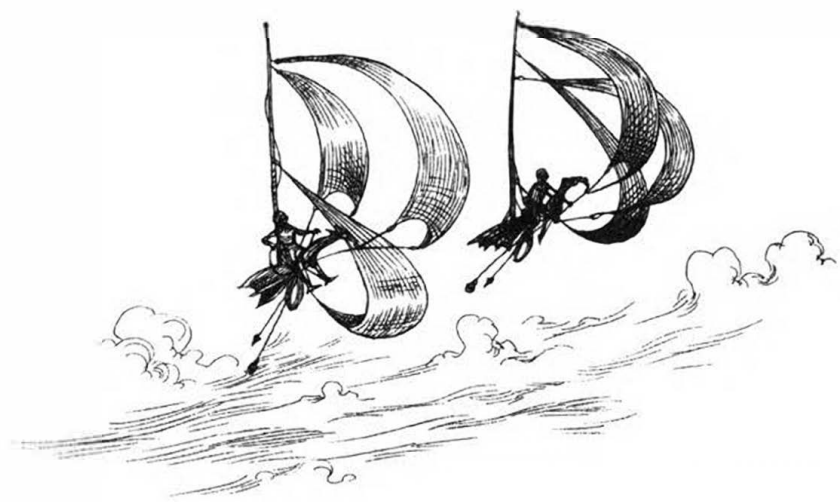
смотрели невидящими пустыми глазами на ошарашенных защитников Вольной Пустоши. И вдруг гоблины запели. Сначала тихо, потом все громче и громче. Побросав оружие, они пели одни и те же слова:

— *Друзья урожая! Друзья урожая! Друзья урожая!*

ЭПИЛОГ

ысочайший Академик и глава Совета Старейшин Каулквейп Пентефраксис грелся на солнышке, стоя на балконе лафовой башни.

«Сколько всего я пережил, — думал он. — Нет, сколько всего пережили все мы — граждане Вольной Пустоши!»

Каулквейп окинул взглядом Новый Нижний Город. Улицы давно очистили от мусора и пыли, дома отреставрировали и покрасили заново. И таверна «Дуб-кровосос» работает полным ходом. Если зайти туда вечером на огонек, то обязательно услышишь, как старый капитан Гриф Мертвая Хватка рассказывает захватывающие истории о битве за Новый Нижний Город и войне за Вольную Пустошь... Война! Кажется, все это было так давно.

В Долине Вейфов до сих пор бродит множество гоблинов, пришедших, чтобы обрести мир и покой. Канкарессе подарит им и то и другое. А Гоблиново Гнездо теперь процветает под боком у Вольной Пустоши.

«Нет. — Каулквейп тепло улыбнулся. — Больше не будет никакой войны».

На берегу Центрального Озера целыми днями стоит скрежет и стук. Работа над воссозданием Озерной

Академии и Большой Библиотеки идет полным ходом. Высочайший Академик еще никогда не видел Фенбруса и Феликса Лоддов такими счастливыми.

Каулквейп перевел взгляд на лежащие в дымке леса. Высоко над ними парили два небесных кораблика. Возможно, это Ксант и Магда торопятся на чай к Твизлу. Да, все и в самом деле входит в привычное русло...

Вежливое покашливание прервало размышления Высочайшего Академика. Он обернулся и увидел двух низкопузых гоблинов в новеньких соломенных колпаках.

— Лоб! Луммель! — Каулквейп горячо приветствовал новых членов Совета Старейшин. — Добро пожаловать, друзья!

*

На Опушке Литейщиков стояла мертвая тишина. Огонь в печках давно погас, а густой дым, так долго укрывавший от глаз синее небо, рассеялся. Надсмотрщики покинули цеха, рабы оставили убогие хижины и, прихватив с собой все, что могли унести, ушли: кто в старую добрую Вольную Пустошь, кто в новое мирное Гоблиново Гнездо.

А в маленькой потайной комнатке закоптившегося высокого дворца сидел в полном одиночестве мокрый, озябший вейф. Вода в ванне давно остыла, ароматные пузырьки лопнули, а лекари, которые прежде натирали Амберфуса маслами, куда-то запропали.

— Эй! — испуганно позвал вейф. — Эй, есть тут кто? Где мои балаболы? Я замерз, я весь дрожу и не могу выбраться наружу самостоятельно... Пожалуйста, кто-нибудь... *Кто угодно!* Помогите!

Дверь скрипнула, обрадованный вейф встрепенулся.

— Фламбузия! — выдохнул он, увидев старую няньку. — Это ты! Какое счастье!

— Значит, ты помнишь свою Фламбузию, — вкрадчиво прошипела толстуха, вплывая в комнату и придирчиво оглядываясь по сторонам. — А я думала, ты обо мне позабыл. — Она улыбнулась, сверкнув острыми зубами.

— Забыл? — Амберфус неловко захихикал. — Что ты! Конечно нет...

— Все это время я пыталась тебя увидеть, — продолжала Фламбузия. — Стояла тут под дверью, звала тебя. Но меня прогоняли... Били... Заставали драить полы... Меня, твою няньку!

— Это ужасно, — пискнул вейф. — Я понятия не имел...

— Да? — Фламбузия зло прищурилась. — Выходит, ты не слышал моих криков? Моей мольбы?

— Нет, нет, Фламбузия, — заверещал Амберфус. — Я ничего не знал.

Фламбузия снова сверкнула зубами.

— Ай-ай-ай, Амби, дорогуша, — пропела она. — И ты еще называешь себя вейфом. Стыд тебе и позор!

Но теперь-то Фламбузия может снова о тебе заботиться?

— Да, — неуверенно прошептал вейф. — Было бы замечательно...

Фламбузия вплотную подошла к ванне и стала передвигать рычаги и нажимать сразу на все кнопки.

— Ох! — взвизгнул Амберфус. — Немного горячевато, Фламбузия, дорогая моя.

— Прости, Амби, я тебя не слышу, — прошипела глыботрогша. — Что ты там говоришь?

— *Горячо!* — взвыл Амберфус. — Я обварюсь, Фламбузия!

— Я не слышу тебя, Амби, — сладко проворковала нянька, поднимая следующий рычаг.

— Нет... нет... нет... Нет, Фламбузия, пожалуйста!
Нееет!

Белый зубоскал, привязанный к серебристой иве, громко фыркнул, втянув носом теплый вечерний воздух. Его наездник, темноволосый юноша в форме Вольного Улана, стоял на деревянном причале, задумчиво глядя на Северное Озеро и Колыбельный Остров. Из близлежащего леса доносилось веселое пение толстолапа.

Юноша мечтательно улыбнулся. Внезапно ему показалось, что за ним кто-то наблюдает. Обернувшись, он увидел перед собой старого воздушного пирата с выцветшими от времени и слез глазами.

— Колыбельный Остров, — прохрипел пират. Было видно, что речь дается ему нелегко. — Говорят, это родина удивительных снов.

Юноша кивнул.

— Я был там, — сказал он. — И видел такие сны... Я как раз вспоминал их.

— Я так и понял. — Пират Топей пристально посмотрел на юношу, затем перевел взгляд на озеро. — Жил-был однажды отважный капитан воздушных пиратов. Я долгое время служил под его началом. Он происходил из очень богатой и знатной семьи. Ребенком он жил в Нижнем Городе, в роскошном дворце. Там на одной из стен парадной гостиной была написана фреска...

Плут впился глазами в воздушного пирата, а тот продолжал свой рассказ.

— Но дворец сгорел. Мать и братья моего будущего капитана погибли в огне.

Плут разинул рот от удивления.

— Мне это снилось! — воскликнул он.

— Мальчик вырос и стал воздушным пиратом, как его отец. Женится на прекрасной девушке. У них родился ребенок...

— Но произошло что-то дурное, — перебил его юноша. — Мне и это снилось. Они оставили ребенка... в Дремучих Лесах.

Пират Топей кивнул:

— Но позже, много лет спустя, капитан нашел своего сына. Я видел эту встречу своими глазами, поэтому могу ручаться за каждое слово. Прошли годы, сын капитана тоже стал воздушным пиратом, как отец и дед. Я служил и ему, пока...

— Что — пока? — Плут затаил дыхание.

— Пока мы не потерпели крушение в Сумеречных Лесах... Я тогда повредился рассудком... Не знаю, сколько времени прошло, пока меня не нашли шрайки. Они продали меня в рабство, но я сбежал в Вольную Пустошь, где отыскал своего племянника Шема. — Он сделал паузу. — Шема Кородера!

— Кородера? —
выпалил Плут. —
Вы сказали — Кородера?

Пират Топей кивнул:

— Шем приютил меня. Впервые за долгие годы у меня появился дом. Я был *безумно* счастлив... А потом Шем повстречал Керис, и вообрази мою радость, когда я узнал...

— Что? — поторопил его Плут, судорожно припоминая свои сны в коконе.

— Что она дочь моего старого капитана Прутика.

— Прутика! — воскликнул Плут. — Быть не может!

— Может. Он женился на очаровательной душегубке по имени Силла. Бедняжка умерла вскоре после родов, разбив капитану сердце. Но он нашел в себе мужество воспитать дочь, названную Керис. Когда девушка выросла и оставила отчий дом, Прутик вернулся в Дремучие Леса...

— Там я его и нашел! — подтвердил юноша. — Он жил вместе с толстолапами!

Пират Топей улыбнулся:

— Да, я слышал... Итак, дочь капитана Прутика вышла замуж за Шема, и мы жили бы долго и счастливо, если б...

— Ну же, — наседал Плут.

— У молодых родился ребенок. Чудный маленький мальчик. Темноволосый, кудрявый... Когда ему стукнуло четыре года, Шем и Керис решили свозить его к родственникам в деревню душегубцев... Я умолял их остаться в Вольной Пустоши. Я на коленях стоял! Но они только отшучивались...

— Они не захотели вас слушать. — Плут поглядел на Колыбельный Остров, он только что вспом-

нил, где видел старика. — Ваш племянник с женой и сыном уехали на закате, а вы смотрели им вслед со слезами на глазах...

Пират Топей снова кивнул.

— Когда я понял, что произошло нечто ужасное и они не вернутся, — с трудом проговорил он, — я отправился следом и обнаружил перевернутую телегу, разбросанные пожитки и... — воздушный пират заплакал, — их трупы. Работоторговцы убили их, как я и опасался. Но я не нашел и следа своего внучатого племянника, внука капитана Прутика...

— Его спасла толстолапиха, а позже обнаружила Варис Лодд. Она забрала его в Старый Нижний Город. Он вырос в канализации. Он... это...

— Ты, — закончил за него Пират Топей. — Плут Кородер!

— А вы мой двоюродный дедушка Тем! — пробормотал Плут. — Я видел. Я видел все это во сне!

Пират Топей ласково поглядел на юношу. В его глазах плескались скорбь, любовь и бесконечная светлая радость.

— Но, бьюсь об заклад, кое-что тебе не могло присниться. — Он подмигнул юноше.

— Что же? — поинтересовался Плут.

— Держи. — Тем Кородер порылся в кармане и протянул Плуту маленький округлый предмет. — Я взял ее из остывшей руки твоей покойной матери. — Глаза старика снова погрустнели. — Все время я бережно хранил эту реликвию. Керис унаследовала ее от отца, а тот получил от своего. Теперь она твоя.

Плут внимательно оглядел подарок. Это была миниатюра, написанная на кусочке старого лафового дерева. С нее на Плута гордо глядел темноволосый синеглазый юноша. Плут наморщил лоб. Он уже где-то видел это лицо. Точно, в своих фантастических снах.

Молодой Библиотечный Рыцарь в старомодных доспехах стоял на фоне Старого Санктафракса. Плут узнал Обсерваторию Лофтуса и две башни-близнецы аналитиков Дымки.

Тем Кородер приблизился к юноше.

— Это твой прадедушка, Плут, — сказал он, обнимая его за плечи.

Плут во все глаза глядел на портрет с улыбающимся лицом молодого Библиотечного Рыцаря.

— Твой знаменитый прадедушка — Облачный Волк.

СЕМЬЯ ВЕРДЖИНИКС

ОРИС
«ШАКАЛ ВЕТРОВ»

ГИРМИНА
ВЕРДЖИНИКС
(ЛИНТАРЕКС)

КВИНТ
«ОБЛАЧНЫЙ ВОЛК»
(КВИНТИНИУС ВЕРДЖИНИКС)

ЛЮЦИУС ЦЕНТИКС МУРИКС ПЕЛЛИУС МАРТИАЛУС

СЕМЬЯ КОРОДЁРОВ

ТЕМ
КОРОДЁР

СЭЛ
КОРОДЁР

НОЛЛ
КОРОДЁР
(ХАММЕЛХЕРА)

ШЕМ
КОРОДЁР

СЕМЬЯ ПАЛЛИТАКС

ЛИНИУС
ПАЛЛИТАКС

ЙЕНА
ПАЛЛИТАКС
(ВЕСПИУС)

МАРИС
ВЕРДЖИНИК
(ПАЛЛИТАКС)

ПРУТИК
(АРВОРИНУС ВЕРДЖИНИК)

СИЛА
ВЕРДЖИНИК

КЕРИС
КОРОДЁР

ПЛУТ
КОРОДЁР

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	11
--------------------	----

Часть первая. ПОЛЕТ

Глава первая. Армада Мертвецов	17
Глава вторая. Исход из Нижнего Города	31
Глава третья. Переход через Топи	47
Глава четвертая. Краевые Пустоши	71
Глава пятая. Губительный Вихрь	85
Глава шестая. Сумерки	99
Глава седьмая. Свинцовые сосны	125
Глава восьмая. Кровавая бойня	149

Часть вторая. ЦЕРЕМОНИЯ РАСПЛАТЫ

Глава девятая. Новый Нижний Город	179
Глава десятая. Колыбельный Остров	199
Глава одиннадцатая. Сны в коконе	213
Глава двенадцатая. Сигнал	229
Глава тринадцатая. Чаепитие с пауком	255
Глава четырнадцатая. Новая Большая Библиотека	273
Глава пятнадцатая. Чинквикс	295
Глава шестнадцатая. Канкарессе	317

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть третья. ВОЙНА

Глава семнадцатая. Пожиратели Пустоши	337
Глава восемнадцатая. Рассвет в Вольной Пустоши . .	357
Глава девятнадцатая. Чистилище	377
Глава двадцатая. Три битвы	395
Эпилог	427

С 88 **Стюарт П., Риддел К.**
Вольная Пустошь / Пер. с англ. Ю.Скоробогатовой. —
СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика», 2007. —
448 с.: ил.

ISBN 978-5-91181-274-4

Приключения воздушных пиратов продолжаются!

Нижний Город не устоял перед разрушительной бурей. Все горожане спешно готовятся к переселению в Вольную Пустошь. Плут Кородер, молодой библиотечный рыцарь, как никто, знает, сколько опасностей будет подстерегать на пути. Враг повсюду! Мстительные шрайки, дикие головоноги, кровожадные гоблины. Смогут ли Плут и его друзья дать отпор противникам и восстановить в Крае свободу?

Литературно-художественное издание

Пол Стюарт
Крис Риддел

ВОЛЬНАЯ ПУСТОШЬ

Ответственный редактор Евгения Тихонова
Редактор Наталья Русецкая
Художественный редактор Валерий Макаров
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Корректоры Эмилия Коваленко, Елена Орлова
Верстка Александра Савастени

Директор издательства Максим Крютченко

Подписано в печать 18.01.2007.
Формат издания 60 × 84 1/8. Печать офсетная.
Гарнитура «Обыкновенная новая». Тираж 8000 экз.
Усл. печ. л. 26,04. Изд. № 274. Заказ № 0701290.

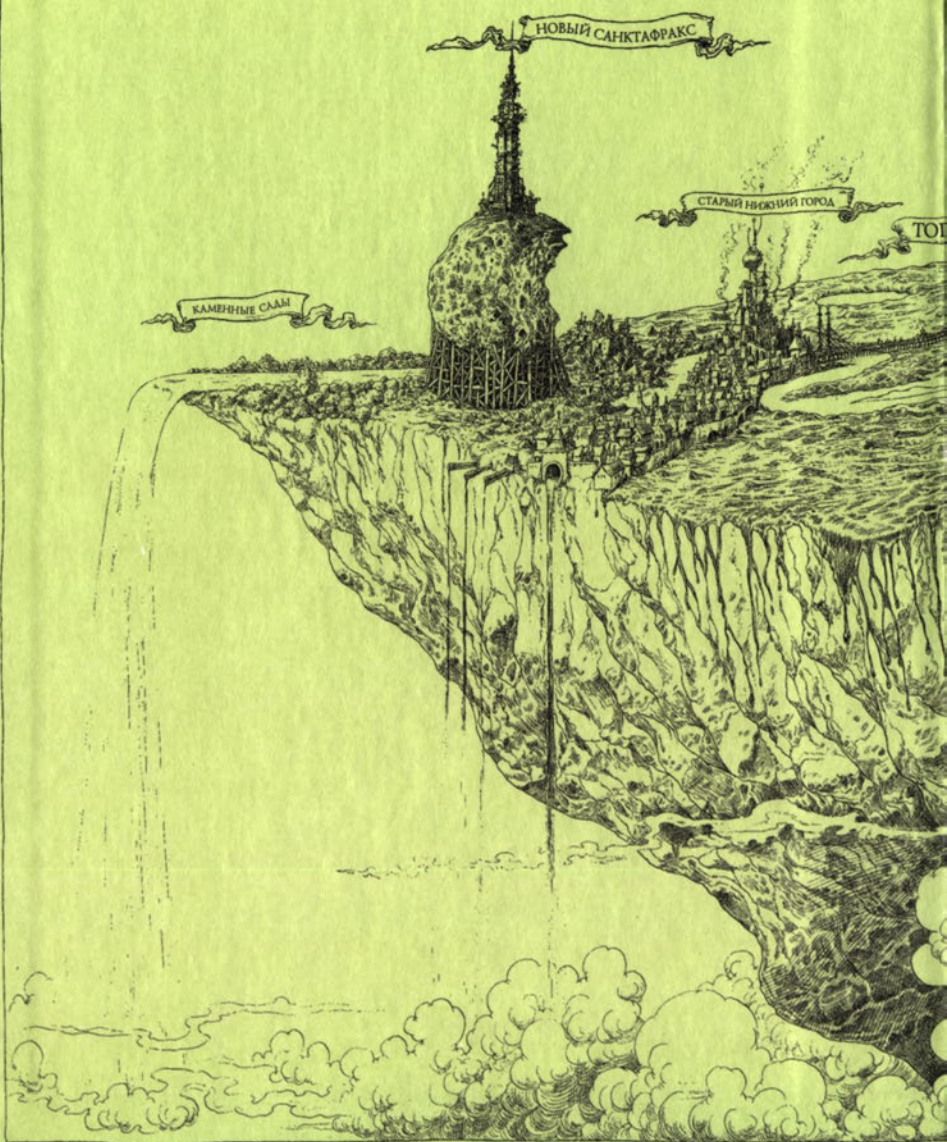
Издательский Дом «Азбука-классика».
196105, Санкт-Петербург, а/я 192. www.azbooka.ru

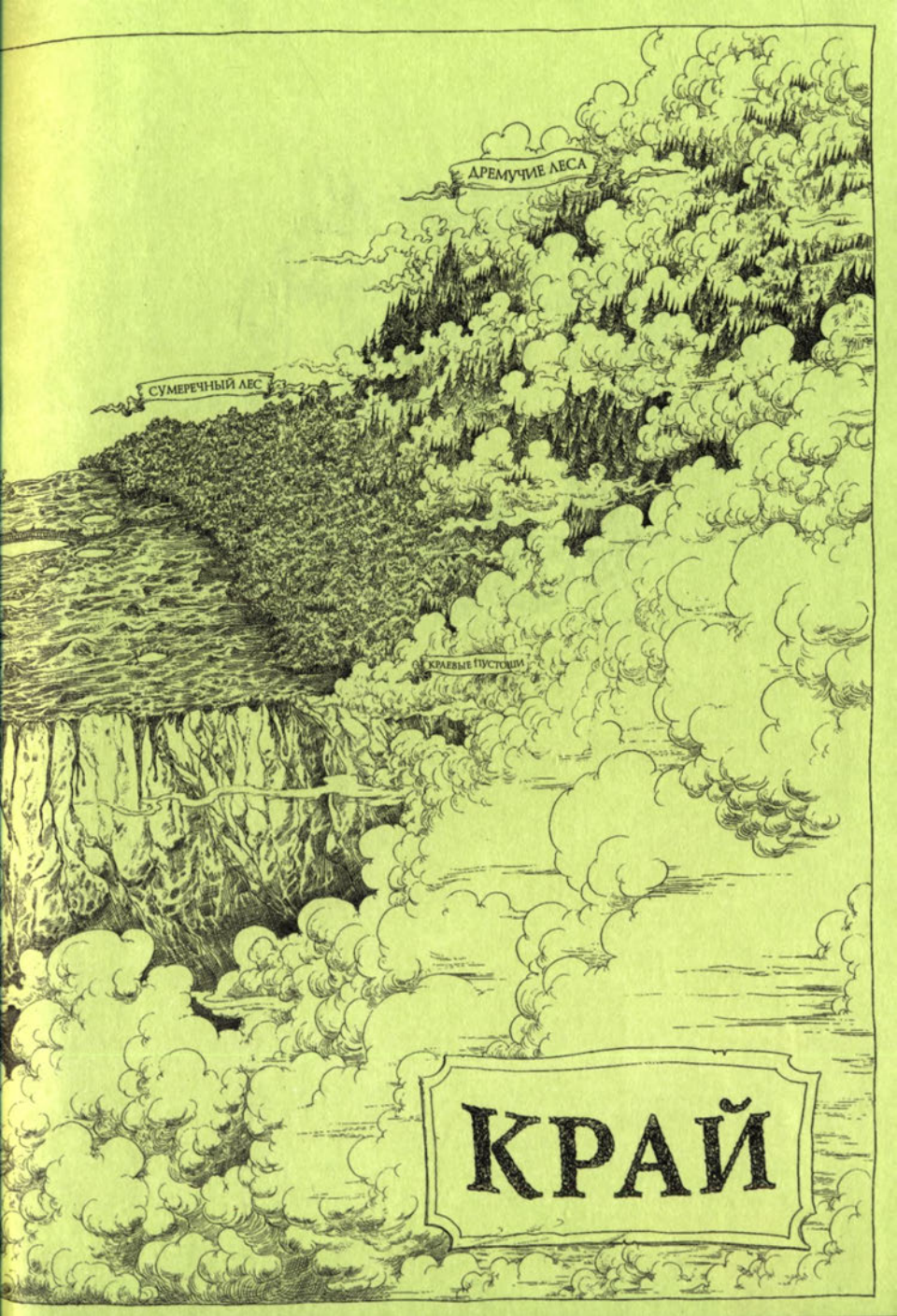

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

Larisa_F

ДРЕМУЧИЕ ЛЕСА

СУМЕРЕЧНЫЙ ЛЕС

КРАЙНЕ ГУСТОЙ

КРАЙ